

ИРИНА КОТОВА

8

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

Расколотый мир

Королевская кровь

Ирина Котова

**Королевская кровь.
Расколотый мир**

«Котова Ирина »

2021

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

Котова И. В.

Королевская кровь. Расколотый мир / И. В. Котова — «Котова Ирина », 2021 — (Королевская кровь)

ISBN 978-5-517-00814-5

«После штиля жди бури», – говорят мудрецы. Наконец-то отданы все долги и раскрыты старые тайны... но привычный мир раскололся: на Туру пришла война. Захватчики несут с собой страх, рабство и смерть, а их победа – это конец цивилизации. И чтобы противостоять им, нужно забыть о слабостях, отодвинуть обиды, преодолеть сомнения в себе. В подобные времена возможно все: бывший гуляка может стать во главе армии, а нежная мать – пройти испытание огнем. Но будущее Туры зависит не только от правителей и их армий. Далеко-далеко в другом мире идут к своей цели юная принцесса и нелюдимый маг – чтобы помочь расколотому миру стать единым целым.

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-00814-5

© Котова И. В., 2021
© Котова Ирина , 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	53
Глава 5	70
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ирина Котова

Королевская кровь. Расколотый мир

- © Ирина Котова, текст, 2021
- © Яна Кшановская, иллюстрации, 2021
- © Вероника Акулич, иллюстрации, 2021
- © Анна Ларюшина, иллюстрации, 2021
- © Елизавета Метлинова, иллюстрации, 2021
- © Елена Сова, серийное оформление и обложка, 2021
- © RUGRAM, 2022
- © Т8 Издательские технологии, 2022

Часть первая

Глава 1

Ночью, когда над восточными берегами Йеллоувиня только-только занимался зимний рассвет, в небесных чертогах богов завыл от бессилия ветер. Холодный и влажный, с первыми лучами солнца он прилетел к черным стенам обсидианового замка и принес с собой горечь полыни и запах стылой свежевскопанной земли, вкус тяжелых камней и горя. Обычно в это время он уже осматривал свои владения и выращивал на небесных полях серебристый эдельвейс и белый первоцвет, так любимые долгожданной женой, а веселые духи-змейки тщательно взбивали облачные перины супружеского ложа и шуршали-судачили о том, что скоро увидят они хозяйку.

Но сегодня все было иначе. Даже богам иногда нужно поделиться с кем-то печалью.

Мокрые стены, окружавшие замок, покрыты были рытвинами и потеками когда-то расплавленной и вновь застывшей породы – память о том, как полыхал здесь в ярости Красный Воин, пытаясь проникнуть внутрь и отбить жену у похитителя. Тогда от ударов в небесах реками разливался огонь и содрогались тонкие сферы, а сейчас тут царили безмолвие и тем-

нота. Обсидиан поглощал сияние восходящего солнца, одинаково щедрого и с земными обитателями, и с небесными.

Ветер, как шелковая змея со множеством хвостов, трижды обтек по кругу замок, закрытый облаком соленого дождя. Гость не пытался выбить ворота, напоминающие вогнутое черное зеркало, или перелиться через стены, он даже не стучал – просто замер клубящимся потоком у тяжелого входа, положив голову на призрачные кольца и прикрыв глаза.

Та, которая сейчас жила в замке хозяйкой и истово берегла свой покой от других братьев, вполне могла и не выйти к нему – она никогда не появлялась из-за черных стен раньше Поворота года, когда вступал в силу его сезон, сезон Белого Индия. Он и не просил. Просто ему было легче сегодня находиться здесь, чтобы не сорваться вниз, на Туру, и не изменить ход событий, разрушив их общую надежду.

Но тут ворота скрипнули, повеяло из-за открывшихся огромных створок холодом и пустотой. Богиня предпочла появиться в своем человеческом облике – в виде маленькой, даже крошечной на фоне огромных стен черноволосяй женщины с голубоватой кожей, серыми глазами и поникшими чаячьими крыльями. Она стояла, молчала и ждала, и ветер, обычно игривый и теплый с нею, вздохнул печалью, затрепетав, и подполз ближе.

– Все-таки в нас стало слишком много человеческого, – с горечью проговорила Богиня-Вода, и голос ее был похож на шелест волн, набегающих на песок. По-матерински погладила ветер по призрачным чешуйкам. – Мне жаль, брат мой.

– И мне, – выдохнул Белый Целитель.

– Побудь сегодня со мной, – то ли приказала, то ли попросила она. – Мне больно.

– И мне, – повторил Змей-Воздух. – И мне.

26 января, четверг

Солнце, коснувшееся края континента, через несколько часов добралось до столицы Йеллоуиня. На просторной веранде светлого дворца, наслаждаясь первыми лучами, уже сидели император Хань Ши с супругой и ждали завтрак. Циновки, на которых расположилась правящая чета, были самыми простыми, соломенными, и на веранде не было ничего лишнего и вычурного: простота, четкие линии, большие окна с видом на цветущие нежнейшим розовым и белым цветом сады. Слуги, накрывая на низком столике простой завтрак, двигались бесшумно и одеты были в темные одежды.

Один из них, мастер-старик, служивший у императора с тех времен, когда они оба еще были безусыми юношами, стоял у низкого столика на коленях и аккуратно, умело смешивал в плоском чайнике ароматные травы и чай. Господин его с умиротворением следил за движением тонких рук. Обычно Хань Ши молчал, терпеливо дожидаясь окончания церемонии, но

сегодня его молчание было удивленным. И поэтому старый слуга едва заметно вздрогнул, когда услышал мелодичный голос повелителя:

– Ты чем-то смущен, Йо Ни?

Чайных дел мастер не ответил – его сознания коснулись мягкие ментальные пальцы и тут же удовлетворенно отпустили. Ничего, кроме желания услужить господину и любви к нему, как к старому другу и великому правителю.

Старик поклонился, коснувшись лбом пола, и вышел, пятась, сжимая в руках поднос с пятьюдесятью видами трав, из которых он все эти годы делал господину чай.

Дошло утро и до Песков – ныне влажных, сочно-зеленых, напоенных дождем. Сначала заглянуло солнце в Тафию, серебром осветило широкое полотно великой реки Неру и скользнуло к белоснежному дворцу. Там, во внутреннем дворе, на мозаичной лазурной плитке тренировался дракон Четери, похожий на грозовой ветер – так быстр был он сам и его клинки, что за их движением и фигура Мастера казалась чуть смазанной.

Он смеялся, улыбался, как ребенок, успевая в битве с невидимым соперником подставлять лицо солнечным лучам, и был так совершенен, и двигался так красиво, что, будь у солнца воля, оно бы задержало свой ход, желая полюбоваться на лучшего воина в мире.

А пока им любовалась жена, сонная, завернувшаяся в цветастое покрывало, – и счастливо жмурилась оттого, что этот мужчина – только ее.

Светило шло дальше над Турой. Вот посветлело небо и над Истаилом, городом Владыки Владык, и в дворцовом парке громче запели птицы, ярче запахло умытые росой цветы. Солнечные лучи проводили рваные грозовые тучи, скользнули по подоконнику покоев Владыки – и остановились, напоровшись на белые резные ставни.

И правильно. Нечего им там было делать – в страстной утренней неге сына Воды и Воздуха и дочери Огня.

Дошло солнечное утро и до Рудлога. Там, по заснеженным городам и весям, уже кипела жизнь: спешили люди – кто на работу, кто по магазинам, – и в воздухе витало предвкушение наступающего праздника Поворота года и скорой весны. Шумел и дворец – к празднику готовились и здесь. Тихо было только в Семейном крыле: королева и принцессы еще не проснулись после вчерашнего шаманского обряда по возвращению сестры и ночных откровений, связанных с их матерью.

Только принц-консорт Мариан Байдек встал, как обычно, в половине шестого и отправился на зарядку с гвардейским полком.

Высветило солнце и крутые склоны гор Бермонта, пробежалось по снегам и хвойным лесам, разбрасывая радужные искры, по разноцветным ярким домам столицы и достигло медвежьего замка. На каменном плацу уже занимались берманские и рудложские гвардейцы, и отголоски зычных команд подполковника Свенсена долетали до окон покоев короля Демьяна. Он спал рядом с женой, и пусть она была сейчас мохната и четырехлапа – не было слаще ему сна.

Через полчаса он проснется, потрется щекой о холку супруги, вдыхая ее запах и подавляя желание обернуться. Поднимется, не моргнув глазом воткнет себе в руку иглу из выданных шаманом Тайкахе – и только выступившая испарина, на мгновение пожелтевшие глаза и мелькнувшие клыки покажут, как ему больно, – а затем пойдет заниматься нелегкими королевскими делами. Много их запланировано на сегодня. А матушка, леди Редьяла, будет следить за Полиной и обязательно сообщит, если она снова обернется в человека.

В столицу Блакории солнце пришло позже. Король Гюнтер нехотя одевался, тяжеловесный и мрачный поутру. Его тоже ждали дела, и он мечтал о том времени, когда старший сын вырастет, получит образование, и можно будет удалиться от дел. Гюнтер очень переживал смерть сестры, винил себя и Луциуса, и предстоящая церемония памяти не прибавляла ему добродушия. А еще ему очень хотелось поделиться своим горем с Иппоталией – но он и так выбалтывал ей в постели слишком много государственных тайн, слушал советы, и его счастье, что он сам интересовал царицу куда больше, чем его секреты или возможность влиять на управление страной.

Наконец добралось солнце и до Маль-Серены. Высветило остывшее за ночь море, заиграло на серых волнах бледными пятнами, коснулось спины вынырнувшей из прохладной воды царицы Иппоталии. Она была не одна – с ней в море пошла наследница, Антиопа: две любимые дочери Синей набирались сил перед дневной церемонией. Сегодня праздновали годовщину коронации Иппоталии, и всему семейству предстоял проезд по улицам и конные игры на огромном стадионе.

Перед тем как коснуться острова морской царицы, рассвет накрыл и Инляндию. Но страна туманов и тут оправдала свое прозвище: вся она была закутана плотной мглой, кое-где переходящей в дождь и разрывающейся только на побережье, и переход к новому дню произошел незаметно.

Леди Шарлотта Кембритч, урожденная Дармоншир, проснулась от звука шагов в собственной спальне. Кто-то сел на край кровати, и постель скрипнула, прогнулась; под веками вспыхнуло сияние от включенного ночника. Графиня открыла глаза. Рядом расположился его величество Луциус Инландер, уже чисто выбритый, свежий и одетый. Словно и не спал меньше нее.

– Поднимайся, Лотти, – проговорил он нетерпеливо, – священник ждет нас.

Леди Шарлотта приподнялась, сонно щурясь от яркого света. За окном только-только начинало сереть.

– Как ты решителен, – пробормотала она с сомнением. – Так быстро после похорон... Нужно ли торопиться, Луциус?

– Я не хочу ждать, – отрезал король и добавил чуть мягче: – Я еще вчера все решил. Не спорь, Лотта.

– Как будто с тобой возможно спорить, – она с ироничной нежностью погладила его по рыжим волосам, по щеке, и Луциус, едва заметно улынувшись, взял ее ладонь, прижался губами и отпустил.

Графиня посмотрела на часы, а затем на любовника – уже с легкой укоризной.

– Полвосьмого утра, Лици.

– Вот именно, – Инландер тоже взглянул на часы. – У тебя пятнадцать минут, милая. Я в девять должен быть на завтраке в Форштадте, а днем – на памятных мероприятиях у могилы Магдалены.

– Пятнадцать минут для дамы на утренний туалет? – леди Лотта, несмотря на ворчание, уже вставала, накидывая роскошный кружевной пеньюар. – Ты меня за одного из своих гвардейцев держишь, Лици?

– Я и так дал тебе поспать. Поторопись, – невозмутимо велел его величество и пересел в кресло. – Лотти...

Она обернулась у входа в ванную комнату, подняла брови.

– Через год я устрою тебе такую свадьбу, что о ней еще век будут говорить, – пообещал он почти виновато. – А сейчас одевайся.

Часовня Белого Целителя располагалась в прибрежном имении Инландеров, на узкой каменистой скале, высоко поднимающейся из моря, что сейчас взбивало у ее подножия ледяную крошку. Построенная из белого камня, за годы расчерченного соляными узорами, почти вросшая в гранит, она, казалось, парила в воздухе.

Через двадцать минут после пробуждения леди Шарлотты в гостиной ее покоев появилась придворный маг Инляндии, выглядевшая еще более сонно, чем невеста. Виктория с невозмутимым лицом поприветствовала короля, улыбнувшуюся ей графиню и перенесла их к часовне. Леди Лотта, ступая рядом с будущим мужем и чувствуя, как уверенно он сжимает ее пальцы, краем глаза заметила сияние над головой, обернулась – волшебница двигала руками, и их с Луциусом вместе со строением накрывало несколькими хорошо видимыми переливающимися щитами.

У открытых дверей ждал старенький священник. Обветренное лицо его было покрыто морщинами, глаза выцвели, как бывает у тех, кто всю жизнь живет на море и всматривается в горизонт, но спина была прямой, и руки, которыми он благословлял гостей, – крепкими.

В белой часовне перед небольшой статуей змееного Белого Целителя, покровителя страны и династии, леди Шарлотту Кембригч, графиню Мелисент, и его величество Луциуса Инландера называли супругами. Король был сух и невозмутим, а вот графиню от обрядного речитатива, далекого и ровного гула моря и свиста ветра в узких окнах святилища все же пробрала нервная дрожь, закончившаяся только в тот миг, когда ее пальцы почти до боли сжала крепкая рука. Луциус защелкнул у нее на запястье традиционный брачный браслет Инландеров в виде кусающей себя за хвост змеи, подождал, пока супруга сделает то же самое, и с несвойственной ему мягкостью прижал леди Лотту к себе, целуя. Священник деликатно отвернулся.

– Я все исправлю, – пообещал король, внимательно глядя ей в глаза. – Веришь, Лотти? Инлием клянусь, исправлю.

– Ты уже клялся, – прошептала она без упрека. – Не нужно, Луциус. Просто будь со мной. Я все вынесу, только не оставляй меня больше.

– Никогда, Лотти, – пообещал он уверенно. – Никогда.

Виктория вернула их домой и осталась дожидаться монарха в гостиной. Афишировать тайный брак не стоило, и новобрачные сняли с себя браслеты, сложили их в шкатулку, чтобы надеть через год, на официальной церемонии. Его величество, несмотря на стремительно приближающийся завтрак, королевские обязанности и прочие важные вещи, все оторваться не мог от супруги: то сидел, курил свои сладко пахнущие сигареты и смотрел, как она переодевается в домашнее платье, то целовал ее и с нежностью прижимал к себе, и слова признаний, неловкие, немного высокомерные, очень странно звучали в устах этого сухого человека.

– Я бы хотел провести этот день только с тобой, Шарлотта, – сказал он, когда времени оставалось совсем немного. Они стояли у окна, прижимаясь друг к другу, а снаружи наконец-то сквозь туман начало пробиваться зимнее солнце. – Но не могу. Вечером приду к тебе, отпразднуем.

– Я все понимаю, Лици. Иди в свой ужасный кабинет. Иди же, – вопреки строгому тону, леди Шарлотте хотелось улыбаться, и чувствовала она себя неприлично, невозможно молодой. И тоже не хотела никуда отпускать супруга. Его величество словно не слышал ее – рассеянно гладил по спине и курил.

– Ты моя жена, – проговорил он наконец. – Я так спокоен сейчас, Лотти. Мне кажется, я никогда не был так спокоен. Люблю ощущение, когда знаю, что все сделал правильно. Как это ты согласилась после всего, что было?

– Разве ты оставил мне выбор? – усмехнулась графиня, но, увидев требовательный взгляд короля, повторила то, что ему зачем-то требовалось часто слышать: – Просто я люблю тебя, Лици.

И от удовлетворения в его взгляде леди Шарлотту затопила тихая нежность.

Без трех минут девять Луциус все же ушел. А графиня, еще ощущая на губах его крепкий поцелуй, рассеянно выпила чаю, захватила драгоценных масел и пошла в часовню – молиться и благодарить богов.

Рано в этот день в Инляндии поднялись не только тайно брачующиеся. Лорд Лукас Дармоншир тоже встал ни свет ни заря. Четверг обещал быть насыщенным, и с утра, прежде чем звонить Марине и признаваться в собственном бессилии, нужно было решить несколько важных вопросов.

Но сначала его светлость, потирая ноющий от недосыпа затылок, спустился в дедов, ныне свой, кабинет и открыл тяжелую дверь в сейфовую комнату – фамильную сокровищницу с драгоценностями. Ярko вспыхнули огни по периметру, осветив старые деревянные полки, заставленные шкатулками, подставками под украшения и ящичками с сокровищами. Справа, за мешочком с камнями, вернувшимися из Эмиратов, за опаловыми ожерельем и серьгами, привезенными для Марины из Форштадта, и прочими ценностями стояла почерневшая от времени шкатулка, которая принадлежала еще первому Дармонширу, брату тогдашнего Инландера. Эта шкатулка со своим содержимым была дороже всех драгоценностей герцогского рода вместе взятых и не сгнила только потому, что на ней до сих пор держалось сильнейшее сохранное заклинание.

Люк осторожно, почти благоговейно вынес ее из сейфовой комнаты, поставил перед собой на стол и открыл крышку. Пахнуло сухой древесной пылью. На вытертом бархате, тускло мерцаая белым, лежали тонкие платиновые браслеты в виде кусающих себя за хвост змеев. По семейным преданиям, первому герцогу и его избраннице во время свадьбы даровал их сам Инлий Белый, и Люк был склонен верить легенде: вес браслетов почти не чувствовался, зато от прикосновения по коже словно разряды пробежали, а тягучая головная боль на мгновение усилилась – и прошла. Последними, надевавшими их как брачные украшения, были дед и бабушка.

«Знаешь, почему браслеты инляндской аристократии имеют такую форму?» – спрашивал у маленького Люка дед, позволяя внуку вертеть украшение на своем крепком запястье.

«Потому что наш покровитель – Инлий-Змей, дед».

«Не только, – весело объяснял его светлость. – Змей, кусающий себя за хвост, – символ бесконечности пространства, а Белый Целитель – суть воплощение пространства, Лукас. В браке же этот символ предполагает бесконечную верность и любовь. И если любовь преходяща, то верность своей избраннице мы, блюдя честь рода, должны сохранять».

Да, честь рода всегда стояла для деда на первом месте.

Люк на удивление много помнил из разговоров со стариком... хотя какой старик? Кристоферу Дармонширу на тот момент было не больше пятидесяти.

В роду Дармонширов, конечно, были и гуляки, и верные мужья, как бывали и негодяи, и почти святые. Увы, благородный титул не гарантирует благородства натуры. Но, насколько Люку было известно, дед бабушке не изменял и любовницу завел только после ее смерти.

Лорд Лукас аккуратно проверил целостность драгоценных артефактов, сложил их обратно в шкатулку и закрыл сейф. И закурил, стоя у окна и наскоро планируя утро. Посмотрел на часы: половина девятого. Марина еще должна спать. А он пока сам съездит за священником, который живет в соседнем маленьком городке у моря, объяснит ему деликатность ситуации и попросит провести тайный обряд. Подумает, как решить проблему с семьей Рудлог: либо вообще не говорить им пока о браке и смириться с тем, что Марина до официальной церемонии останется жить в Иоаннесбурге и встречи будут так же редки; либо поставить в известность и опять вызвать справедливый гнев ее родных.

Нужно еще отдать указания Леймину: пусть проверит часовню и парк, усилит охрану – не дай боги сюда проберется какой-нибудь настырный журналист или случайный турист. Или агент, работающий на Луциуса.

Воспоминание о шантаже его величества снова привело Люка в раздражение, и он с досадой вмял сигарету в пепельницу, закурил новую, успокаиваясь. Леймин, конечно, после своего провала в Эмиратах прочешет всю округу, но чужих не пропустит. А Люк, помимо прочего, прикажет Ирвинсу, чтобы подготовили находящиеся этажом выше большие семейные покои. И еще необходимо срочно и по возможности деликатно решить проблему с Софи. Будет неуважением к Марине ввести ее хозяйкой в дом, где живет женщина, с которой он спал. Неуважением и большой глупостью.

Марина

Удивительная вещь человеческая психика. Вчера, после всех новостей и перипетий, я была уверена, что не смогу заснуть. Переодеваясь ко сну, представляла, как всю ночь буду таращить глаза в потолок и думать о своей горькой судьбинушке. Но организм решил по-своему. Я заснула, не успев даже натянуть на себя одеяло, и сны мне снились забавные и светлые.

Несколько раз я все-таки просыпалась и за короткое время успевала испугаться предстоящего замужества, позлиться на Люка, мрачно решить, что только я со своим везением могла попасть под сбой действия противозачаточных, вспомнить маму – трудно было не вспомнить после признаний отца и Стрелковского, – и улыбнуться отчетливо ощущаемому на севере живому огоньку Полины. Пусть слабому, как у новорожденной – такие же были поначалу у Васиных детей и сейчас у Мартинки, – но живому, живому! Теперь он точно не потухнет – Демьян обязательно сделает все, чтобы она вернулась насовсем. Да и я сделаю.

Но минута паники проходила, и сон снова обнимал меня крепкими теплыми руками – я растягивалась под одеялом, с удовольствием сжимая подушку и уходя в мир грез, где не бывает проблем.

И лишь утром, проснувшись и посмотрев на часы, я поняла, что крепкий и глубокий сон – это тоже нервное. Стрелки показывали половину десятого, из-за штор падали косые полосы солнечного света, а на телефоне светились два непринятых вызова от Кембритча.

Я поспешно набрала его, чувствуя, как от паники и желания закурить начинает потряхивать. Даже зубы заныли – я прижалась щекой к подушке, потерлась об нее, зажмурившись, и снова ощутила укол страха, когда услышала хриплый голос Люка:

– Доброе утро, детка. Только проснулась или пряталась от меня?

– Спала, – призналась я с нервным смехом. – Но спрятаться все равно хочется. Как дела, Люк?

«Ты знаешь, я беременна».

– Я прошу тебя стать моей женой, Марина, – проговорил он то, что я так боялась услышать. Хотя чего уже бояться-то?

«Я беременна, черт, черт, черт!!!»

– Ничего не получилось, да? – сдавленно спросила я.

– Меня сделали, детка, – просто сообщил Люк и напряженно замолчал. А я все не могла заставить себя открыть рот и сказать «да».

– Я приду к тебе, – решила я. – Поговорим. Хорошо, Люк? – В голосе появились просящие нотки, и я разозлилась. – Мне надо тебе еще кое-что сказать.

– Ты заставляешь меня нервничать, – усмехнулся он. – Сейчас не скажешь?

– Нет.

«Потому что я хочу видеть твое лицо, когда ты узнаешь».

– Я приду через... – Я взглянула на часы. – ...К двенадцати, Люк. Сейчас, соберусь с духом, позавтракаю...

– Жду тебя.

– Угу, – уныло откликнулась я. Безалаберная свободная жизнь с каждой минутой отдавалась все явственнее.

– Не грусти, детка, – насмешливо и чуть виновато сказал Кембритч своим неподражаемым голосом. – Я бы все равно добрался до тебя и вынудил выйти за меня замуж. И, клянусь, я рад, что это будет так скоро. Мне не хватает тебя в моей постели.

Я улыбнулась и закрыла глаза от удовольствия. И язвительно напомнила:

– Я еще не дала своего согласия, Люк.

Короткий, все понимающий смешок.

– Жду тебя, Марина. К двенадцати.

Я немного повалилась в постели, не желая вставать в новую пугающую жизнь. На тумбочке рядом с кроватью лежал мешочек с иглами – и каждый раз, когда я смотрела на него, по телу пробегал холодок.

Наконец я так устала бояться, что села на кровати, решительно сунула руку в мешок, закусил губу, закатала рукав пижамной кофты – и воткнула иглу в левую руку. По телу пронеслась обжигающая волна – и я застонала, упав на бок, глотая слезы и судорожно дергая ногами.

Это было невыносимо больно. Зато потом, когда ожоговые ощущения ушли, я сразу успокоилась. Хуже этого точно ничего не может быть, поэтому я перестала оттягивать неизбежное, встала и пошла в душ.

За поздним завтраком собралась вся наша уменьшившаяся семья. Обычно в десять все уже занималось своими делами, но, видимо, крепкий сон после вчерашнего накрыл не только меня. И если Василина и Мариан были обеспокоены, как и отец, а Каролинку интересовало только то, какое я надену платье, то Алина имела вид чрезвычайно рассеянный и немного безумный. Вилкой она ковыряла омлет с пряными травами, что-то шептала, сердито хмурясь и повторяя свою бессмыслицу. Иногда подносила кусочек ко рту, даже делала кусательное движение – но вилка уходила в сторону, а сестричка снова начинала бормотать.

– Ребенок, – позвала я настойчиво, когда так и не съеденный омлет шлепнулся обратно в тарелку. Алина вздрогнула, сфокусировала на мне взгляд. – Поешь, – я кивнула на пустую вилку, и она недоуменно перевела взгляд на прибор. – Будет обидно, если ты не сдашь свой жутко важный экзамен только потому, что от голода упадешь в обморок.

На лице Алинки отразился ужас, и сестричка поспешно начала поглощать завтрак. Василина с нежностью посмотрела на нее, улыбнулась мне.

– Не передумала?

– Нет, – надеюсь, голос мой был так же тверд и беззаботен, как мне хотелось. – Мы встречаемся с Люком в двенадцать. От него вернусь уже с браслетом.

– Я хочу пообщаться с ним до этого, Марин, – настойчиво и даже немного повелительно проговорила Василина. Королева в ней проглядывала все чаще. – Мы должны защитить твои

интересы в браке и согласовать срок официальной церемонии, обсудить приданое – принцессы Рудлог никогда не выходили замуж с пустыми руками. Кроме меня, – она с улыбкой коснулась плеча мужа, он повернул голову, а я залюбовалась тем, как они смотрят друг на друга. – Я бы хотела присутствовать на свадьбе, как и вся твоя семья. Пусть брак тайный и поспешный, это не значит, что мы не окажем тебе поддержки. Уверена, Ангелина тоже хотела бы быть рядом с тобой.

– А я не смогу, – грустно проговорила Алина, уже уничтожившая омлет и с наслаждением поедаящая оладьи с вкуснейшим клубничным джемом и взбитыми сливками. Кажется, теперь от нервов у нее проснулся зверский аппетит.

– Василина, – умоляюще попросила я. – Я и так в ужасе. А если там будете вы, то церемония выйдет и вовсе скорбной. Буду думать, что меня под конвоем замуж ведут.

– Ну что ты придумываешь, – растерялась старшая сестра. – Мариш... я же говорила, я не заставляю тебя. Я тебя люблю, и тут такое событие. Мне важно быть рядом.

– Прости, – пробурчала я с неловкостью. – Если хочешь, я позвоню тебе, когда мы с Люком поговорим. Дождемся вас и устроим церемонию для семьи. На самом деле мне будет приятно вас видеть, я просто язвлю от переживаний, ты же понимаешь?

Она кивнула, ничуть не рассердившись, и я продолжила:

– А приданое и прочие важные статусные вещи вы с Люком обсудите после свадьбы, хорошо?

– Хорошо, – мягко согласилась Василина, и остаток завтрака прошел очень мирно.

Вернулась в покои свои я к одиннадцати и, стараясь потянуть время и прогнать навязчивое желание покурить, выбрала из забитой гардеробной более-менее подходящий к семейной традиции наряд – красное короткое платье с пышной юбкой до колен, кружевным лифом и рукавами до локтей. Посмотрела на себя в зеркало – лицо было белым, большие глаза от ужаса стали еще больше, и вид я имела не свадебный, а агрессивно-жертвенный. Пришлось смягчить наряд широким жемчужным поясом с цветочными мотивами.

Время текло ужасающе медленно. Часы все еще показывали двадцать минут двенадцатого. Еще раз взглянув на себя в зеркало, улыбнулась – сердце билось как сумасшедшее, и меня захлестывало радостью и паникой, – тут же засмушалась, представив, как явлюсь в этом к Люку, и накинула сверху белый плащ до колен. Надела туфли, тронула губы красной помадой, вдела в уши рубиновые серьги, взяла маску – и не выдержала, позвонила Зигфриду и попросила немедленно открыть мне телепорт в замок Вейн.

Лучше уж решить все поскорее. Иначе ожидание меня убьет.

Через десять минут, за которые я пришла в состояние нервной неадекватности, я вышла из портала в Дармоншире. Меня встречало знакомое уютное тепло замка Вейн: зал, украшенный гобеленами, чудесные витые светильники под потолком, зеркала в тяжелых рамах. И дворецкий, Ирвинс, который определенно был очень взволнован и поклонился мне куда глубже, чем стоило.

– Добрый день, Ирвинс, – дрожащим голосом проговорила я. – Отведите меня к его светлости.

– Моя госпожа, он завершает дела в своем кабинете, – учтиво сообщил слуга. – Позвольте, я предложу вам дождаться его в гостиной.

– Никаких гостиных, – отрезала я. – Проводите меня к кабинету, Ирвинс.

– Но... его светлость не велел... – дворецкий был в отчаянии, и я взяла себя в руки, ласково улыбнулась и пообещала:

– С лордом Лукасом я договорюсь, Ирвинс, и на вас он не будет сердиться. А вот я – буду. И сильно.

Это было несправедливо и некорректно по отношению к старику, но я уже была готова сама обежать замок, врываясь во все двери, только чтобы прекратить невозможное ожидание. И мне очень хотелось увидеть Люка.

Дворецкий дрогнул, склонил голову и произнес:

– Прощу прощения, моя госпожа. Следуйте за мной.

Люк Дармоншир

Его светлость терпеливо дождался, пока разбуженный старенький священник завершит утренние дела и отправится с ним в замок. Машину пришлось вести очень медленно и аккуратно, чтобы старик, впечатлившись манерой вождения, не ушел раньше времени на перерождение.

Сверкающую красными бортами «Колибри» Люк оставил у парадного крыльца, почти-тельно проводил гостя в столовую, где они вместе вкусили превосходный завтрак, заодно деловито обсудив предстоящий обряд – и нужды часовни, конечно. Затем, вполне довольные друг другом, разошлись: служитель отправился приводить в порядок часовню и готовиться к свадебному обряду, а Люк – лично проверять семейные покои и действия охраны.

Замок гудел. По лестницам вверх-вниз, запыхавшись, носились поджарые слуги и вспо-тевшие горничные, таская стопки полотенец и белья, шторы, ведра и тряпки. Саму лестницу тоже намывали, чистили ковры – видимо, Ирвинс под шумок решил увеличить масштаб сроч-ной уборки. Из окон виднелись люди Леймина: похоже, дополнительные силы были срочно вызваны из Лаунвайта – казалось, что их не меньше сотни. Они прочесывали парк, часть встала в оцепление вокруг замка. Во внутреннем дворе, где среди клумб, срочно украшенных цветами из оранжереи, черных деревьев и чищенных дорожек находилась часовня, тоже всю кипела работа.

На кухне готовили праздничный обед и ужин, и раз конкретный повод никто не озвучил, как и количество персон, – хотя о поводе догадаться по приготовлениям было нетрудно, – то повара в панике требовали от дворецкого более точной информации. Когда старик рискнул с этим вопросом подойти к Люку, тот усмехнулся и ответил:

– При хорошем исходе – на двоих, Ирвинс. А на случай плохого проверьте запасы коньяка.

Как всегда бывает в спешке, не обошлось без проблем. Оказалось, что в семейных покоях барахлит верхний свет – пришлось срочно вызывать бригаду электриков. Ирвинс находился на грани сердечного приступа, Майки Доулсон спешно отменял встречи и посетителей и бегал по поручениям Люка со скоростью, способной посрамить «Колибри». В часовне не нашли чаш для жертвенных масел, и никто не мог вспомнить, куда они делись, – и в поиске ритуальных предметов спешно вскрывали кладовые. В лесу, к свирепой радости охраны, обнаружили жур-налистов, жаждущих сфотографировать владения герцога и пробиться нахрапом к нему на интервью по поводу брака Ангелины Рудлог, и для бедных писак этот день наверняка стал худшим в жизни. Сначала их допросил лично Леймин, а затем во избежание эксцессов жур-налистов отправили в полицейский участок за нарушение границ частных владений, строго приказав местным чинам продержат незваных гостей до завтрашнего дня.

Ко всему прочему задерживалась Софи, и Люк напряженно поглядывал на часы: было уже одиннадцать. В кабинет тихо скользнул Майки Доулсон, которого и послали привести гос-пожу Руфин.

– Милорд, она подойдет с минуты на минуту, – коротко доложил секретарь. – У нее дочери разболелись после поездки на море. Сейчас у них врач и виталист.

Люк досадливо поморщился: переселять женщину с болеющими детьми – не самый кра-сивый поступок. Но необходимый.

Софи появилась минут через пятнадцать. Такая же фигуристая, очень загоревшая, томная, в обтягивающем ярком платье – теперь оно было зеленым. Но под глазами виднелись синяки, хоть и почти скрытые искусной косметикой, и рыжие кудри были в беспорядке, и взгляд казался обеспокоенным.

– Ваша светлость, – пропела она, приседая в книксене. Люк хмыкнул: и успела же зачем-то научиться за это время. – Я опоздала, вы не сердитесь?

– Нет, Софи, – проговорил он, кивая на кресло. – Садись. Нужно поговорить.

Она села, скрестив ноги, и чуть потянулась, выставляя напоказ грудь.

– Прекрасно выглядишь, – отметил Люк, вставая и закуривая.

– Для вас, лорд Клевер, – ответила она своим грудным голосом. – Дадите сигарету?

Люк прислонился бедрами к столу сбоку от нее, протянул пачку, зажигалку. Софи закурила, быстро и настороженно взглянула на него.

– Что с детьми?

– Простуда, ваша светлость, – без всякого кокетства, совершенно человеческим голосом объяснила бывшая проститутка. – Видимо, после тепла от нашей инляндской слякоти застудились. Но все равно спасибо вам за поездку. Мы же никогда не были на море, и девчонки так радовались! И Майки помог следить за ними.

– Майки от тебя в восторге, – небрежно заметил Люк. Софи махнула рукой с зажатой в пальцах сигаретой.

– Вижу, да на что он мне, ваша светлость? Мальчик чистенький, порядочный. Да он, если узнает, чем я занималась, презирать меня будет. Тут же воспитание. А жить и бояться, что вот-вот он прознает и все рухнет, я не хочу.

– Разумно, – нехотя признал Люк. – И что думаешь дальше делать?

– А вы оставьте меня себе, лорд Клевер, – мурлыкнула Софи и облизнулась. – Мне много не надо, только ваша защита и обеспечить будущее для девочек. Потребности я ваши знаю, что умею – вы тоже в курсе. Или, думаете, не понимаю, зачем вы меня вызвали? Конечно, не с моей историей в приличном доме жить, особенно если вы жениться собираетесь. Весь замок с утра об этом болтает.

Люк смотрел на нее со смешливым прищуром – не сказать, что он не ожидал этого предложения.

– Так ты богатая женщина, Софи. Зачем тебе вообще мужчина, тем более я? Тебе Билли оставил клуб. «Поло» ведь – золотая жила.

– Да шлепнут меня, ваша светлость, – грубовато высказалась Софи. – То, что на бумажках написано, – это понятно, клуб мой. А по факту я ни связей не имею, чтобы его продать, ни силы его удержать. Слишком лакомое место. Пусть я школу не закончила, но понимаю: стоит мне туда вернуться – и недели не проживу.

– И тут ты права, – Люк затаился, выпустил дым, с уважением глядя на собеседницу. – Мне нужно было самому об этом подумать, раз я взял тебя под защиту. Я поговорю с Леймином. Напишешь на моего человека доверенность, он займется продажей. Деньги тебе переведут. А пока переедешь в другой дом, Софи, тут же, в Дармоншире, но дальше на юг, на побережье. Там купаются с мая по октябрь, спокойный город, детям будет хорошо. Вещи тебе собрать помогут, девочек перевезут со всей осторожностью, будут прислуга, охрана, няня, повар, сейчас с вами отправится и врач. И это нужно сделать срочно.

– Как скажете, ваша светлость, – Софи затушила сигарету, поднялась, шагнула вперед, оказавшись прямо перед ним, прошлась рукой по груди. – Но вы все же подумайте. Жена ваша про меня и не узнает, наглеть я не буду, зато спокойно сможете ко мне приходить. Если вдруг в семейной жизни не заладится – я всегда встречу и приласкаю. Подумайте, – она взяла его за

руки, провела ими себе по бокам. Люк любовался этим представлением с усмешкой. – Неужто откажетесь?

– Я женюсь, Софи, – напомнил он беззлобно.

– Ай, – она махнула рукой, – сколько у меня таких бывало, ваша светлость. Сначала на прощание порезвиться приходили, мол, женюсь, больше не вернусь. А потом через месяц-другой – снова у меня, только разве что браслет на запястье блестит. Но Софи умеет не навязываться. Я сейчас же уеду, не буду вас беспокоить. Спасибо за вашу доброту, лорд Клевер. Вы действительно хороший человек.

Она подалась вперед, обвила его шею руками и прижалась пухлыми губами к губам в сладком многообещающем поцелуе. По спине скользнул холодок, но Люк даже позволил себе пару мгновений баловства, прежде чем отодвинуть женщину от себя. Не то. Совсем не то.

И тут же понял, что чутье орет об опасности. В кабинете похолодало, от порога раздался сдавленный звук. Кембритч выругался и застыл – в дверях стояла Марина, бледная как снег, и глаза ее стремительно светлели. Рот принцессы был открыт, она пыталась что-то сказать, но не могла; одна рука дернулась к горлу, другая стянула маску, и Марина судорожно запрокинула голову, хватая ртом воздух.

Люк рванулся к ней – а она наконец-то вздохнула, и его обожгло, оглушило ледяным ударом. За спиной вскрикнула Софи – крик получился глухой, оборвался. Кабинет стремительно покрывался узорами инея, а перед герцогом, снова дернувшимся вперед, возник тонкий щит – как тогда, когда в него стреляли. За спиной третьей Рудлог, охая, ковылял подальше Ирвинс.

Принцесса снова судорожно вздохнула – и щит Люка мгновенно покрывлся слоем льда. В кабинете потрескались стекла, начали взрываться лампочки на люстре, разлетелся кувшин с водой. Кембритч колотился изнутри об ледяной купол – а Марина, вытирая слезы, на мгновение бессильно прислонилась к двери, провела по инеистым узорам рукой – и бросилась прочь.

Драгоценные минуты утекали, и Люк, разбив кулаки в кровь, все же сломал ледяную скорлупу. Оглянулся – Софи, серая, сжавшаяся, лежала на полу и стонала. Герцог, вытирая кровоточащие кулаки о рубашку, бросился по коридору к лестнице – и остановился, услышав на улице знакомый рев мотора. Не поверив своим ушам, распахнул окно – его «Колибри», вихляя как безумная, неслась, ускоряясь все сильнее, по узкой дороге от замка к шоссе. И была она уже очень далеко.

Краем глаза Дармоншир увидел, как из-за угла коридора кто-то осторожно выглядывает.

– Ирвинс! – рявкнул Люк, распахивая вторую створку окна и забираясь на подоконник. Дворецкий схватился за сердце. – Виталиста срочно в кабинет!

И средь бела дня, на глазах опешившей охраны, Леймина, застывшего в ужасе, и слуг, убирающих двор перед замком, его светлость прыгнул из окна, на лету оборачиваясь в огромного змея воздуха, и рванул за уносящейся машиной.

Глава 2

Марина

– Дура, какая же ты дура, – твердила я, до боли сжимая руль в руках. Машина неслась по дороге, подпрыгивая и почти взлетая на ухабах. – Доверчивая, влюбленная, безмозглая дура! Люди не меняются... поверила, что изменится для тебя, поверила, да?!!

Я резко вывернула на шоссе, чуть не потеряв управление, – «Колибри» занесло, машина завизжала, пошла юзом, вырывая руль из рук, – и я, мгновенно покрывшись холодным потом, кое-как удержала ее, понеслась дальше вдоль черных деревьев. На дороге лежал вязкий грязный снег – видно было, что ее чистили, но с тех пор, видимо, прошел снегопад. Машин было очень мало. И к лучшему – не хватало еще устроить аварию.

«А история-то повторяется! Опять ты бежишь, опять на его машине...»

Я всхлипнула раз, другой, изо всех сил сдерживаясь, – и слезы хлынули потоком, выворачивая меня изнутри. Ну как же так? Что это за банальная, пошлая нелепица? Как мне забыть это, не видеть, вернуть ощущение нетерпения, страха и счастья, когда я осторожно приоткрывала дверь в кабинет; как вернуть невозможную нежность к этому мужчине, мое доверие вопреки всему разумному?

Я вытерла мокрые щеки и сильнее вдавила педаль газа. Рано или поздно должен мелькнуть указатель на Иоаннесбург. А не будет его – отъеду до ближайшего города с телепорт-вокзалом и уйду к себе домой. И больше никогда, никогда никому не поверю.

«Ты и в прошлый раз это себе обещала».

Память услужливо подкинула картинку увиденного в кабинете, и я зарычала сквозь зубы. Ведь в первые секунды я даже не поняла, что происходит. А потом пришло осознание, в глазах потемнело и стало не хватать воздуха.

Горло сдавил спазм; я рванула из ушей тяжелые рубиновые серьги, со злостью бросила их в стекло машины и снова тыльной стороной ладони вытерла слезы, которые и не переставали течь. На руке остались разводы туши и помады. И белый мой плащ весь был в черных мокрых пятнах.

Как хорошо, что на улице стояла машина и я оказалась избавлена от унижительного выяснения отношений. Не хочу слышать его, не хочу видеть, ненавижу! Как хорошо, что я сообразила: телепорт мне никто не откроет, – и решила бежать. Как хорошо, что в замок зажигания были вставлены ключи.

На «Колибри» меня точно никто не догонит, даже если Кембридж поднимет в погоню всю полицию герцогства.

«А как ты вернешься домой? Что скажешь родным?»

– Вася обещала, что не будет меня заставлять, – пробормотала я. – Скажу, что поняла: он не мой человек. А там решим. Главное сейчас – добраться домой.

«Колибри» летела по шоссе вдоль моря на пределе моих возможностей. Я еле справлялась с управлением и не могла заставить себя сбросить скорость. В зеркале заднего вида что-то мелькало – я сощурилась, пытаюсь понять, что вижу, и выругалась. Почти над самой дорогой, метрах в двадцати, за мной несея огромный крылатый змей. И он, черт бы его побрал, меня догонял.

– Не хочу, не хочу, не хочу!!! – я прибавила скорость. Змей сложил крылья и рванул следом, как молния, как хищная птица, падающая на добычу. Там, где он пролетал, останавливались машины, люди выбирались из них, показывали вслед пальцами.

– Нет! – заорала я, чувствуя, как меня накрывает истерика, и впиваясь ногтями в ладони, обхватывающие руль. – Не хочу!

В голове вдруг наступила тишина и ясность. Змей был уже почти надо мной и снижался, выставив кривые лапы, – и я, понимая, что лучше умереть, что не вынесу ни разговора, ни звука его голоса, что случившегося слишком много для меня, – в каком-то жутком спокойствии

дернула руль влево и вылетела с шоссе в воздух с обрыва, у подножия которого кипело ледяное море.

Меня вдавило в сиденье, я увидела, как стремительно приближается ледяная каша морской поверхности, – и, вцепившись в руль, зажмурилась от страха и завизжала. Автомобиль дернуло, меня подбросило вверх. Я открыла глаза: вокруг клубился, завывал, гудел ураганный ветер, и машина дрожала так, будто кто-то в ярости тряс ее, пытаясь сломать.

Так и было. Я неслась в клубах ветра над морем, а «Колибри» скрипела от разрушающей ее бури. Металл стонал и гудел. Покрылись трещинами стекла и рассыпались, в одно мгновение унесшись наружу. Загудела и рванулась вверх крыша – я задрала голову, шурясь от слез, холода и яркого солнца, – никого там не было, кроме ветра. Он не касался меня, но буйствовал, со злостью рвал на клочки машину, терзал хлопающие двери, пока не оторвал и их.

– Прекрати! – закричала я зло. – Прекрати, Люк! Ты достаточно сегодня натворил!

Ветер взвыл с такой яростью, что я сжалась. Лопнул ремень безопасности – меня выдернуло наружу, в воздух, а под моими ногами летела вниз, в море, красная измочаленная машина. Я даже двинуться не могла: тело сжимали невидимые жесткие руки, и ураган нес меня обратно к берегу, и я орала ругательства, выплескивая весь страх, всю горечь, всю ненависть к человеку, который в одно мгновение уничтожил меня.

Меня опустили на дороге недалеко от замка – и, пока я приходила в себя, переживая тошноту и головокружение, вокруг перестали со скрипом и грохотом валиться от ветра высокие дубы и тополя, а передо мной из туманных струй соткался Люк, и глаза его горели белым. Он был одет.

Я размахнулась и врезала ему по липу. Он перехватил мою руку, сжал плечи, затряс, заорал как сумасшедший:

– Дура бешеная! Как ты посмела!!! Как ты посмела!

– Одной бабой меньше, одной больше, какая тебе разница! – крикнула я в ответ, чувствуя, как сдавливают горло. – Ненавижу! Не смей меня трогать, не смей, Люк!

– Ненормальная! – он еще раз тряхнул меня и вдруг прижал к себе так, что я застонала: дышать было нечем. – Поверить не могу! Понимаю, почему твоя семья держит тебя под арестом! Ты сама для себя опасна, Марина!

– Не смей орать на меня! – прошипела я, давясь слезами. – Отпусти!

Он отстранился, словно оглушенный, помотал головой – глаза его приобретали нормальный цвет – и снова до боли сжал мои плечи.

– Дурочка, – яростно процедил мне в лицо, – какая же ты дура, Марина. Разве хоть кто-нибудь стоит твоей жизни? Как тебе вообще в голову это прийти могло?

Я не выдержала, разревелась, и стояла, обмякнув, захлебываясь слезами и ненавистью, и выплакивала свой страх и свое дурное решение свести счеты с жизнью, и думала о том, что я могла быть сейчас уже мертва, как и ни в чем не повинный ребенок внутри, если бы не Кембритч.

Люк так и сжимал меня и молчал, переживая мою истерику, и первый всплеск эмоций проходил, оставляя опустошение.

– Отпусти, – приказала я прерывающимся голосом, когда наконец смогла говорить. – Ты мне противен, Люк. Отпусти! Разойдемся по-хорошему. Ты прав, я сделала глупость, непростительную глупость. И когда решила быть с тобой, и когда дернула руль в море. Спасибо, что уберег меня. Спасибо. Я должна тебе жизнь. Именно поэтому я ничего не расскажу родным. Просто разойдемся, и все.

Кембритч чуть отстранился, взглянул мне в глаза.

– Детка, – проговорил он почти спокойно. – Я виноват. У меня достаточно бурное прошлое. Но я не изменял тебе, клянусь. Если хочешь, проверь меня менталистом.

Я молчала. Я больше не верила ему. Мне было противно и едко.

– Женщина, которую ты видела, – вдова моего партнера. Раньше... мы были близки, но потом все прекратилось. У нее двое детей, ее мужа убили, я обещал ей защиту и поэтому поселил в замке. И разговор у нас шел о том, что ей нужно переехать. Я не хотел, чтобы ты хотя бы на каплю усомнилась во мне.

– Твои руки у нее на заднице очень способствовали моему доверию, как и твой язык у нее в горле, – не выдержав, процедила я. – Скажи, что она сама на тебя набросилась. А ты отбивался.

– Звучит смешно, но это правда, – с раздражающей и немного растерянной иронией подтвердил Люк. – Мы уже прощались, она от избытка чувств решила меня поцеловать. Я опешил сначала, потом отстранился. Марин... это недоразумение. Клянусь. Черт... я очень виноват. Прости, детка. Пожалуйста.

Я задумалась, прислушиваясь к своим ощущениям. Кембритч был очень убедителен. Я знала, что он умеет быть убедительным.

– Знаешь, – проговорила я, больше не делая попыток отстраниться, – а мне уже все равно, хотел ты ее или нет, любовница она тебе или нет. Достаточно того, что я видела. Я, может, и желала бы забыть и простить, но не смогу больше с тобой быть, Люк. Мне будет противно целовать тебя, у меня сейчас вызывают отвращение твои прикосновения, – я передернула плечами, глаза его сузились, и голос мой снова стал прерываться от сдерживаемых слез. – До этого... я шла сказать, что выйду за тебя, Люк, но теперь – нет.

– Марина, – сказал он потерянно, – ты обижена, я понимаю.

– Я раздавлена, – честно призналась я. – Уничтожена, Люк. Была любовь – и нет. Мне жаль, что это случилось. Мне жаль и тебя, и себя. И ребенка жаль.

Он непонимающе моргнул, затем сглотнул, опустил виноватый взгляд на мой живот. Руки стали мягче.

– Ты беременна.

– Да, – всхлипнула я жалобно.

– Поэтому ты хотела согласиться?

– Я бы согласилась в любом случае, Люк. Но не теперь.

– Я ведь тебя не отпущу, Марина, – уверенно сказал он. Я нервно засмеялась.

– А что ты сделаешь, Люк? Будешь держать меня силой? Заставишь выйти за себя? Так за моей спиной Рудлог. Начнется война. Попробуешь уговорить? Что ты можешь мне сейчас еще сказать? Да и вообще, – горечь моя переливалась через край, и желание сделать больно было нестерпимым, – с чего ты взял, что это твой ребенок? Что ты у меня был единственным мужчиной?

– А я не был? – внимательно спросил Люк, глядя мне в глаза. Я не смогла соврать – опустила ресницы, отвернулась.

– Я иду домой, Люк.

– Стань моей женой, Марина, – проговорил он настойчиво. – Несмотря ни на что. Мы переживем эту ситуацию. Я сделаю все, чтобы ты забыла.

Я засмеялась, оглянувшись на него.

– Ты меня не слышал? Я не могу, Люк. Мне противно.

– А как же ребенок? Ты думаешь, я позволю своему наследнику расти без отца?

– Не переживай, – сказала я, ядовито улыбаясь, – ты себе еще сделаешь, а я найду хорошего мужа и ребенка – прекрасного отца. Любой аристократ Рудлога сочтет за счастье взять меня в жены даже с десятью детьми.

– И ты пойдешь? – снова проницательно спросил Кембритч, не реагируя на мой яд, и я дернула головой и зашагала по дороге в сторону замка. Мне было так плохо, что хотелось только сбежать, и никакие слова не могли заставить меня остаться.

– Марина, – позвал Люк. – У Луциуса есть наши фотографии из Эмиратов.

Я, холодея, обернулась.

– Если мы сегодня не поженимся, вечером снимки будут во всех газетах Инляндии.

– Боги, – простонала я, сразу представив последствия. – Как ты... как ты допустил?

– Я виноват, – снова сказал он, играя желваками, и я словно воочию увидела, какими глазами на меня посмотрят Василина и Мариан, и что они будут мне говорить, и как начнут в народе сплетничать и про Ани, и про меня, и про всю семью Рудлог. Сжала кулаки, застонала от отчаяния.

– Все из-за тебя! Все из-за тебя, Кембритч! Боги... светлые боги...

Я опустила на корточки, пачкая платье и белый плащ в грязи, закрыла лицо руками и снова заплакала. Услышала шаги – меня потянули наверх, и я зарычала, молотя Люка кулаками, куда попадала. Он перехватил мои руки, снова прижал к себе.

– Я не хотел, чтобы тебе стало известно, Марин. Не хотел. Детка... ты же знаешь, что я люблю тебя.

«Да, любишь. Но это ничего не меняет».

– Я и без этого добивался бы твоей руки...

Он много говорил – я не слушала, я рыдала. Потом слезы кончились, и я обессиленно прижималась щекой к его груди, принимая решение. Мне казалось, прошли часы – а Люк не шевелился.

– Я выйду за тебя, – сказала я сипло ему в грудь и вдохнула его запах, – а сейчас мне нужно привести себя в порядок и сообщить родным. Они ждут и хотят присутствовать на обряде. Ты можешь пригласить близких со своей стороны.

– Я рад, Марина, – с облегчением проговорил Кембритч.

– Но ты больше не прикаснешься ко мне, Люк, – спокойно продолжила я и подняла голову. В глазах его была усталость. – Я буду тебе женой, буду растить нашего ребенка – и на этом все. Надеюсь, у тебя хватит ума не афишировать своих любовниц. А к себе я тебя больше не подпущу. Не могу, Люк. Все. Все разбито. Брак наш будет либо на таких условиях, либо его не будет, и пусть все катится к чертям.

Он долго смотрел на меня, потом невесело усмехнулся, отошел.

– Я сейчас соглашусь на это, детка. А потом поговорим. Я сумею тебя переубедить.

– Нет, Люк, – грустно сказала я. – Не сумеешь.

В замок мы возвращались рядом, не касаясь друг друга. По пути нам встретился какой-то страшный старик с выпученными глазами, поклонился мне, подал маску. Я отбросила ее – какая уже разница?

– Леймин, – проговорил Люк, – проследите, чтобы о случившемся не болтали.

Старик что-то буркнул, кажется, «уже сделано».

– Вы не находили случайно мой телефон? Мне нужно позвонить матери.

Леймин молча достал из кармана трубку и протянул Люку. Он нажал на кнопки.

– Матушка, – услышала я, – я сегодня женюсь. Да... не волнуйся. Потом все расскажу, времени нет. Жду тебя через час в Вейне. Захвати Маргарету и Берни. Церемония будет камерной...

Дальше я не слушала, ускорившись. Передо мной распахнули дверь замка. В холле было тихо и пустынно, будто все слуги попрятались. Ирвинс, бледный и тревожный, проводил меня в огромные, вычищенные, шикарные покои с монументальной кроватью в спальне.

– Это семейные герцогские покои, госпожа, – тихо объяснил он. – Сейчас сюда придут горничные и замковый маг. Платье мигом почистят, вот увидите!

Он ушел, а я в ожидании горничных пошла в ванную комнату, напоминающую большой позолоченный музей. Умылась, сняв макияж и темные подтеки с лица и рук. Посмотрела на

некую счастливую невесту, красноглазую и серую, в зеркало. И, твердо пообещав себе, что ни взглядом, ни словом не дам родным повода для беспокойства, позвонила Василине.

Венценосная сестричка на звонок откликнулась сразу, будто сидела у телефона.

– Васюш, – сказала я жизнерадостно. – Мы договорились. Мне уже не терпится влезть в брачный хомут, поэтому жду в Вейне в час дня. Очень хочу вас видеть.

– У тебя все в порядке? – настороженно спросила проницательная старшая сестра.

– Придешь – сама убедишься, – беззаботно откликнулась я, сдерживая нервный смешок. – Конечно, я нервничаю, но я очень счастлива, Василина.

– Я рада, – проговорила она мягко. – Мы будем, Марина.

Тихие горничные почистили платье и оставили его магу – довести до ума, лицо мое тоже привели в порядок. От Люка принесли украшения – рубины в золоте, серьги и ожерелье, и я равнодушно надела их – сил бороться больше не было.

Через сорок минут прибыли мои родные, и только боги знают, каких усилий мне стоило ничем себя не выдать. Их проводил к моим дверям сам Люк – я слышала его голос, но в покои он не входил. Была здесь и Ани, и ее муж, дракон Нории, – его испытующего взгляда я испугалась больше всего. Умоляюще посмотрела на него: не выдавай, не говори!

Он чуть нахмурился и отвернулся, а потом и вовсе вышел вместе с отцом и Марианом, отговорившись тем, что не хочет мешать женским приготовлениям. Каролинка же, погрузившись в себя, сидела прямо в платье на ковре и, поглядывая на меня, рисовала. И вид у нее был самый вдохновленный.

– Я кое-что принесла тебе, – проговорила Василина, разворачивая мягкий сверток. – Наклони голову.

Сестра покрыла мои волосы красной кружевной полупрозрачной фатой, спускающейся ниже колен, закрепив ее на голове тонким рубиновым венцом.

– И я, – сказала Ани, надевая мне на палец золотое кольцо, украшенное драгоценным красным цветком шиповника. – Это мамино. Помни, кто ты есть, Марина.

– Я помню, – подтвердила я тихо. И на секунду позволила себе слабость – прижалась к ним, пытаясь напитаться силой и уверенностью. Потому что внутри я была совершенно опустошена и оглушена.

Но когда пришло время, я, расправив плечи, в красном, белом и золотом, как и положено невестам рода Рудлог, прошла по пахнущим свежестью лестницам замка Вейн и спустилась в окружении родных во внутренний двор замка. Там, у кованых дверей старой часовни,

одетый в традиционный свадебный сюртук и брюки, ждал меня Люк, мужчина, подаривший мне самое солнечное счастье и сам же разрушивший его. Рядом стояли его родные: привлекательная черноволосая женщина, очень похожая на Кембритча, которая не могла быть никем иным, кроме как его матерью, офицер с добрым лицом и юная девушка с колючим взглядом – видимо, младшие брат и сестра.

Мы поженились в маленькой, пахнущей сыростью и камнем часовне. Люк крепко держал меня за руку, а мне под ликами шести богов было зябко и страшно: они-то всё видят! А если сейчас прервут свадьбу?

Но каменные статуи молчали, и текли под шестиугольным куполом слова старого брачного обряда. Мы поклялись друг другу в вечной любви – это звучало насмешкой, – мы дали обеты быть верными и беречь друг друга – и я едва удержалась от слез. На моем запястье застегнулся браслет в виде кусающего себя за хвост змея, и я, стараясь не дрожать, застегнула такой же на запястье Люка. Выдержала. Все выдержала. Но впереди была пустота.

Когда он поднял фату и поцеловал меня, я не почувствовала ничего.

Свадебный обед тоже удался на славу. Маленькая столовая со множеством зеркал, на которых были выгравированы витиеватые гербы Дармонширов, была украшена цветами. Очень светлая, в бежевых и золотых оттенках, очень уютная и праздничная – можно было бы умилиться, но сейчас это все казалось мне чуждым. За короткий перерыв после церемонии, когда мы готовились к обеду, я немного пришла в себя, но все равно окружающее воспринималось глухо и странно, как будто я сидела под стеклянным куполом.

Мы собрались за круглым столом, и беседа текла вполне непринужденно, прерываясь на смену блюд. За первым все усиленно высказывали друг другу радость от столь неожиданного брака, не упоминая о его причинах, хотя вряд ли кто еще не знал о будущем прибавлении в славном семействе Дармоншир. От потоков словесной патоки казалось, что густой мясной суп приобретает вкус засахарившегося меда, а в ответ на очередное поздравление мне хотелось истерично смеяться. Но родные были искренни и немного обеспокоены, и я терпеливо слушала их, мило благодарила и получала еще несколько минут передышки.

Хорошо разбавляла всеобщее усердное ликование младшая сестра Люка, поглядывавшая на меня так, будто планировала препарировать. Кажется, тут мы имели дело с самым отчаянным сестринским обожанием и вытекающей из него ревностью. Ее взгляды меня здорово отвлекали и развлекали. Приятно встретить чистую искренность там, где почти все немного (или много) лицемерят.

Бернард Кембритч тоже пришелся мне по душе. Он был слегка застенчив и добр, отдаленно напоминал старшего брата, и даже по нескольким фразам стало понятно, что он любит животных. Берни оказался отличным рассказчиком – это тоже объединяло их с Люком, – а когда освоился, вся его застенчивость испарилась, и он довольно искусно развлекал нас армейскими байками.

Леди Шарлотта не была ослепительно красивой, но на нее хотелось смотреть, и в линиях выразительного лица чувствовалась та же порода, что и в Люке. А уж иронией и естественностью она покорила меня сразу. На старшего сына графиня взирала обеспокоенно и строго, со мной же держалась подчеркнуто ласково. Я даже слегка торжествовала: приятно встретить еще одного человека, которого Люку не обмануть никакими маневрами.

К первой смене блюд беседа приобрела уже деловой характер, и я только послушно кивала, соглашаясь со всеми предложениями и погружаясь в себя. Голоса беседующих звучали отдаленно и глухо.

– Я поговорю с Луциусом, – это Василина, – но, думаю, с его согласием проблем не будет. В ближайшее время сделаем совместное заявление для прессы, что дом Рудлог и дом Инлан-

деров договорились о браке третьей принцессы и герцога Дармоншира. И во имя укрепления связей между государствами и высокого доверия свадьба пройдет в те же сроки, в которые планировалась церемония между Ани и Люком, – через две недели.

– Это хорошая формулировка, ваше величество, – соглашался Люк.

– Но Марине до официальной церемонии необходимо жить во дворце Рудлог, – беспрекословно заявляла Ани. – И вам нужно до тех пор соблюдать все приличия...

Я сосредоточенно накалывала на вилку кусочек рулета из перепелки и, кажется, продолжала кивать, когда обсуждение уже закончилось, и только легкое прикосновение к моему затылку вернуло меня в реальность. Люк, отреагировав на мой взгляд, убрал руку, я улыбнулась тревожно замолчавшим родным и объяснила ехидно:

– Это я от счастья. Устала.

Люк усмехнулся, показательно поднес мою кисть к губам:

– Потом сможешь отдохнуть, Марина.

– Да уж, – откликнулась я, глядя, как его губы касаются моих пальцев, и ощущая, как чуть царапает кожу щетина, – надеюсь, это последний подобный день в моей жизни.

Мне было дико тоскливо. Хорошо хоть, что начавшаяся еще в парке головная боль вдруг прошла, как и не было ее. Только иногда перед глазами все расплывалось и к горлу подступало удушье – но я усилием воли возвращалась в сознание и заставляла себя дышать. Я очень боялась, что либо Ани, периодически бросающая на меня внимательные взгляды, либо Василина все поймут и вот-вот случится скандал.

Но его не случилось. Люк был безукоризненно хорош в роли хозяина и источал именно тот уровень нежности, который нужен был, чтобы я не дергалась и чтобы родные ничего не заподозрили. Иногда он прикасался ко мне – к пальцам, к плечу, галантно ухаживал за столом. Четкие выверенные движения. Так должен вести себя счастливый новобрачный, которому по этикету не положено слишком бурно выражать свои чувства. Люк на моей памяти всегда превосходно играл, когда ему было нужно.

Я тоже не отставала, хотя у меня внутри все болело от горечи. Отвечала обожающим взглядом на прикосновения, принимала короткие деликатные поцелуи в висок, а когда становилось совсем худо, когда хотелось сорваться и убежать, тянулась к его уху губами, касалась его и шептала неслышно: «Как же я тебя ненавижу». Да, это было глупо и по-детски жестоко, но мне становилось легче, перед глазами светлело – и я не удерживалась от довольной улыбки, наблюдая, как болезненно твердеет линия его губ. Мне хотелось делать ему еще больше – а скрывать это за лаской было даже забавно и наполняло меня каким-то темным азартом.

Люку игра тоже давалась нелегко. Иногда он внезапно замолкал, ожигая меня коротким взглядом, – я чувствовала, как у меня белеют от напряжения и злости скулы, – и, любезно извинившись, выходил на балкон покурить. Когда он возвращался, я уже успокаивалась и жадно раздувала ноздри, ловя желанный запах табака и испытывая нехорошее чувство вины.

Думаю, из нас получилась на редкость слаженная пара самых несчастных в мире лицедеев.

Иногда с ним выходили и другие мужчины то по одному, то все вместе, и до нас доносились их приглушенные голоса. Рокотал Нории – почему-то от звука его голоса я успокаивалась, – что-то спокойно и уверенно отвечал Мариан, слышались мягкие слова отца, реплики Бернарда, хрипло высказывался Люк. В его отсутствие роль хозяйки беседы брала на себя леди Шарлотта, и они втроем с Ани и Василиной справлялись превосходно, видимо, решив, что я слишком ошеломлена свадьбой и потому немного не в себе. Я же к концу так устала от происходящего, что мечтала только об одном: как вернуться в свои покои, сниму наряд и упаду в кровать. И так пролежу до следующего тысячелетия.

Люк Дармоншир

Его светлость позвонил королю Луциусу сразу после церемонии, когда гости разошлись по предоставленным им комнатам – подготовиться к обеду, освежиться. Люк с Мариной тоже поднялись в семейные покои.

Рука принцессы была горячей, а взгляд напряженным – и Дармоншир молча оставил ее в спальне, выйдя в гостиную и на всякий случай не закрывая дверь. И набрал первый номер королевства.

– Ты меня порадуешь, Лукас? – спокойно спросил король Инляндии.

– Я женился, ваше величество, – так же спокойно ответил герцог и потер брачным браслетом ноющую после пощечины Марины скулу. Удар у нее всегда был хорошим.

– Я доволен тобой, Лукас, – величественно сообщил Инландер. – Может, из тебя и выйдет толк. Теперь потрудись обеспечить себя наследником.

Марина, как-то бессмысленно побродив по спальне, села на огромное ложе боком к Люку, выпрямила плечи. Ему хотелось подойти к ней, ткнуться в колени, пробиться сквозь ее обиду, еще раз попросить прощения. Но вместо этого он сухо ответил в трубку:

– Уже потрудился.

Все равно смысла скрывать нет. Узнает – не от него, так от матери.

В телефоне замолчали, и через несколько мгновений его величество, словно не веря своим ушам, переспросил:

– Марина Рудлог беременна?

– Да.

Опять молчание. Щелчок зажигалки, глубокий вдох, бормотание:

– Боги... значит, я все правильно понял... Лукас!

– Да, ваше величество? – терпеливо откликнулся Люк.

– Я очень тобой доволен, мой мальчик. Я награжу тебя.

– Фотографии, ваше величество? – не давая сбить себя с толку и мысленно пометив потом подумать над реакцией короля, поинтересовался Дармоншир.

Марина, не сделавшая до этого ни движения, при слове «фотографии» повернула к нему голову: лицо ее было бледным на фоне красного платья, в огромных глазах плескались разочарование и печаль.

– Уничтожил еще с утра, как и обещал.

Люку показалось, что он видит, как Инландер довольно затягивается. Прямо как он сам после удачного завершения важного дела.

– Благодарю, ваше величество, – сухо проговорил он и не удержался: – Вы так добры.

В трубке раздался смешок.

– Не дерзи, Лукас.

– Простите, мой король, – ядовито сказал Люк, чувствуя себя преотвратно.

Марина отвернулась, плечи ее поникли, и она медленно сняла рубиновый венец, стянула фату и потерла пальцами виски, склонив голову. И пошла в сторону ванной. Люк сделал несколько шагов вперед – чтобы видеть ее, – но она закрыла дверь, и он остановился, преодолевая желание эту дверь выбить.

– Все надо делать вовремя, Лукас, – наставительно говорил король в трубке. – Ты это поймешь. И выполнять обещания, если уж дал их. Шарлотта в Дармоншире?

– Да, – недовольно буркнул Люк. Инландер усмехнулся.

– Я дам тебе три ночи на брачные радости. Затем возобновлю наши уроки. О времени сообщу. Наслаждайся новым статусом, Лукас. Сейчас я должен ехать. И еще раз: ты очень порадовал меня. Ты даже не представляешь, как это важно. Все-таки боги милосердны и определенно любят тебя...

В трубке зазвучали короткие гудки, и Люк убрал ее в карман, прислонился плечом к дверному косяку. Из ванной вышла Марина, посвежевшая, собравшаяся.

– Ты теперь будешь следить за мной? – поинтересовалась она едко.

– Я боюсь за тебя, Марина, – искренне признался Кембритч. Страх, который он испытал в своем кабинете, понимая, что теряет ее навсегда, и потом – наблюдая, как «Колибри» летит с обрыва, – до сих пор заставлял сжимать кулаки и колот в груди.

– Дай мне побыть одной, – резко сказала принцесса. – Я не повторю свою глупость, обещаю, – она зло усмехнулась. – Обычно я придумываю новые.

Люк кивнул, достал из кармана пачку сигарет, отвернулся.

– Я подожду тебя в гостиной.

– И не кури здесь, – сдавленно сказала она ему в спину, когда он уже закрывал дверь. – Иначе я точно тебя убью, Люк.

Первое, чему научил Кембритча Тандаджи, – верить интуиции и затаиваться, если чувствуешь, что дело на грани провала. Не делать резких движений, не дергаться, вести себя спокойно, расслабленно, убаюкивая тех, кто начал что-то подозревать. И наблюдать, наблюдать и делать выводы. О том, где ошибся, о том, чем грозит ошибка и как все исправить.

«Думать, – монотонно говорил ему господин начальник, распекая за очередное рискованное предприятие, – выбей это себе на лбу, Кембритч: сначала думать, потом действовать. Отставить эмоции, включить разум. Иначе я укреплюсь в убеждении, что боги дали тебе великолепные мозги в насмешку. Как красивый автомобиль – дикарю, который не умеет и никогда не научится им пользоваться».

Люк раздражался, дергал головой, курил, преодолевая желание послать начальника матом и уехать, – и учился терпению. Впрочем, стоило только себе дать установку, и многолетняя привычка профессионального гонщика сохранять хладнокровие в любой ситуации перешла и в другие сферы жизни.

Сейчас дело было провалено с грохотом и жертвами – и по его вине. Слишком привык полагаться на удачу, проскакивать в игольное ушко.

И Люк по привычке затаился, наблюдая и анализируя. И выстраивая приоритеты.

Прежде всего – не дать дорогим гостям, спустившимся на праздничный обед, заподозрить неладное. И боги с ними, с ледяными глазами Ангелины Рудлог, которая определенно что-то чувала, или с мрачным взглядом принца-консорта. Мать и красноволосый дракон – вот кто Кембритча беспокоили по-настоящему. Леди Шарлотта слишком хорошо знала сына, чтобы не понять, насколько он взвинчен и растерян, а Нории, хоть и действовал умиротворяюще, казалось, видел его насквозь.

Второе – не допустить, чтобы при всех сорвалась Марина. А она вполне могла дойти до точки кипения, и поэтому Люк контролировал и себя, и ее, вслушивался в ее дыхание – слышал он его куда отчетливей, чем голоса общающихся за столом, – и отвлекал, когда она резко втягивала ноздрями воздух или задерживалась на вдохе, словно готовясь сказать что-то, что будет уже не поправить. Но и Марина старалась, очень старалась. Иногда пелена спокойствия прорывалась, и тогда она впивалась ему в руку ногтями или шептала на ухо слова ненависти – но он был рад и этому. Касается. Приближается. Хочет сделать больно. Значит, не все равно, что бы она ни говорила. Мало ли что женщина может сказать в ярости. Особенно когда он так напортал.

И третье – оставить Марину сегодня в замке Вейн. Рядом. Иначе она много чего надумает в его отсутствие, уверится в своем решении, и переубеждать ее будет в разы труднее. И Люк мучительно соображал, как это сделать изящно, не вызывая подозрений. Лучше всего думалось на балконе, да и от вкуса табака и свежего ветра с легкой моросью, ударяющего в лицо, становилось легче. И даже занывший, словно сдавливаемый холодными руками затылок почти прекратил болеть.

В очередной раз из-за стола поднялся и дракон. Остальные мужчины остались за столом. Нории вышел вслед за хозяином замка, прислонился спиной к холодной стене. Просто стоял рядом и молчал, с удовольствием вдыхая свежий воздух. От него волнами шло спокойствие. Взглянул на подозрительно посматривающего на него Люка, усмехнулся.

– Там, где все полыхает, не помешает немного умиротворения.

– Значит, не показалось, – пробормотал его светлость, затягиваясь. – Спасибо. Как вы это делаете?

– Мы сенсуалисты, как и серенитки, – пояснил Нории гулко. – Видим эмоции, можем подправлять их.

– И что? – напряженно и невнятно поинтересовался Люк. Но Нории его понял.

– Это ваше дело, – спокойно сказал он. – Ты выбрал себе огонь, тебе и укрощать.

Произнес он это с таким знанием дела, что Люк невольно улыбнулся. И кое-что вспомнил.

– Я ведь должен вам ящик коньяка, Владыка.

– Не припомню такого, – веселясь, ответил дракон.

Дармоншир махнул рукой.

– Это был обет перед самим собой. Пора бы его исполнить. Видите ли, сейчас такой период, когда мне нужно срочно сокращать количество долгов, чтобы не переломиться.

– Бывает, – без удивления кивнул Нории. – Мы, дети Воздуха, любим нагружать себя неразрешимыми проблемами. Благо, моему племени Мать-Вода дала больше выдержки и терпения.

– Да, – пробурчал Люк, – терпение мне сейчас не помешает.

Он затаился, взглянул на дракона и замер, увидев прохладные переливы его ауры. Такое он видел только однажды, у царицы Иппоталии, и змеиное зрение воспринимало свечение куда отчетливей. Сейчас хватило один раз моргнуть, и все пропало. Люк напряг зрение, сощурившись, – и свечение появилось снова.

– Ты зря напрягаешь глаза, герцог, – Владыка склонил голову, наблюдая, как развлекается хозяин замка. – Расслабь и смотри сквозь меня.

Люк хмыкнул, отвернулся в сторону парка, снова затаился.

– Вы тоже видите ауру? И мою?

– Вижу, – подтвердил дракон.

Его светлость поколебался.

– В ней нет ничего... необычного?

– Есть, – легко согласился Нории. – Твоя суть – это Воздух, но он подавлен. Я такого никогда не видел. Ощущение, что у тебя два отца, герцог.

– Час от часу не легче, – невесело засмеялся Дармоншир.

– Такая аура вообще не может существовать, – говорил Владыка, всматриваясь в него багровыми глазами, – ощущение, будто на тебя натянули вторую кожу и присушили намертво. Это издевательство над природой. Ты чем-то сильно искалечен, герцог. Не знаю, какое проклятие так сработало или чье воздействие. Но оно должно было убить тебя. Или по крайней мере свести с ума.

– Вполне возможно, что и свело. – Люк передернул плечами – затылок заныл сильнее, и он невольно оглянулся: интуиция просто вопила об опасности. Дракон вдруг поднял голову, принялся, как животное.

– Я тоже чувствую это, – пророкотал он. – Уже полчаса как. В воздухе пахнет бедой. Смотри.

Навстречу им, закрывая небо, быстро катился вал черных туч, заворачиваясь циклоническим вихрем где-то далеко за горизонтом со стороны столицы. Потемнело, тучи потекли над головами – и тут же заревел ветер, усиливаясь до такой степени, что трудно стало дышать.

– Никогда такого не видел, – сипло проговорил Люк, выбрасывая сигарету – все равно не докурить было, искры сыпались в лицо.

– Я тоже, – откликнулся дракон тревожно. – Никогда.

Они вернулись в столовую в тот момент, когда торжественно заносили пахнущий сливками и ягодами торт. Ветер бил в окна, и Люк потер застывшие руки, сел рядом с Мариной.

– Соскучилась? – любезно осведомился он, положив ладонь ей на напрягшиеся пальцы и почти сразу же согреваясь. Слуги аккуратно разливали чай, раскладывали торт по тарелкам.

– Смертельно, – улынулась принцесса остро. Как укусила.

– Превосходный торт! – чутко вмешалась леди Шарлотта. – Правда, Берни?

– М-м... да, – недоуменно согласился Бернارد, глядя на совершенно целый кусок на тарелке матери.

– Постараюсь больше не давать тебе скучать, – галантно проговорил Люк, непринужденно улыбаясь гостям.

– В этом ты мастер, – согласилась Марина, отворачиваясь.

– Да, – прозвучал ледяной голос Ангелины Рудлог, – крайне интересно узнать, что там внутри. В торте, конечно.

Через несколько минут у принца-консорта Байдека зазвонил телефон. Он извинился, достал трубку, посмотрел на нее и, вместо того чтобы отключить, поднялся и вышел под взволнованным взглядом супруги. А когда вернулся, по его посуровевшему лицу сразу стало понятно: что-то случилось.

– Боюсь, нам придется завершить торжество, – проговорил он сдержанно в наступившей тишине. – Но мы немного задержимся здесь, с вашего позволения, герцог. Так как мы все уже породнились, утаивать ничего не буду, но прошу не распространяться. Звонил Стрелковский, затем пришлось поговорить с Тандаджи. Чрезвычайное положение. Сейчас проверяют дворец.

– Дети? – вскинулась Василина.

– Отправили в поместье, – успокаивающе сообщил принц-консорт. – Алину ждут в университете: закончится экзамен – перенесут к нам. Такие меры приняты из-за взрыва, который произошел по нашему сегодняшнему маршруту. Мы ведь из-за обряда отменили поездку на открытие выставки в последние минуты. Но это не все: из поступающих данных стало известно, что полчаса назад в Лаунвайте совершено покушение на короля Луциуса.

Бернард Кембридж

Леди Шарлотта со звяканьем поставила чашку на блюдце.

– И на Маль-Серене тоже какое-то происшествие в центре, – продолжил Мариан. – Но там все оцеплено, нашей агентуре доступа нет. Тандаджи полагает, что возможна серия покушений, поэтому и просит задержаться здесь.

– Знать бы, что происходит на самом деле, – тревожно проговорила Василина.

– Узнаем, – спокойно сказал Байдек. – Стрелковский и Тандаджи будут докладывать каждые полчаса. А когда дворец проверят, мы сможем вернуться.

Глава 3

26 января, четверг, Йеллоувинь

К обеду император Хань Ши приступал в превосходном настроении. Спасение от смерти обычно способствует хорошему расположению духа.

Члены императорской семьи Ши в большинстве своем доживали до глубокой старости и, если не настигали их яд, нож убийцы или слишком рьяное желание наследника наконец-то надеть корону, легко перешагивали через столетний юбилей, оставаясь в крепком теле и здравом уме.

За наследников Хань Ши мог не беспокоиться: сыновей он воспитал достойных, и относились те к отцу со всем почтением, очевидно, желая ему долгих лет и здоровья. Один Вей Ши тревожил его. То ли проявилась во внуке далекая кровь красной прабабки – свойственны ему иногда были вспышки гнева, черствость, жестокость и высокомерие, – то ли недоглядел император, и женщины семьи слишком избаловали долгожданного мальчика, но нынешний ученик Четери был совершенно не готов принять правление великим Йеллоувинем. Черты характера в нем с возрастом не смягчались, а усугублялись, и вотчина Желтого Ученого вполне могла через несколько десятков лет получить в императоры деспота. Поэтому явление Мастера клинков, о котором в Йеллоувине издревле ходили легенды, было воспринято правителем как благословение.

Сейчас же мудрейший из тигров империи, кротко возблагодарив первопредка, снова расположился за столом, теперь уже в окружении всей семьи – за исключением Вей Ши, конечно. И опять ему прислуживал мастер чайных дел, Йо Ни, и разум слуги был так же чист и безмятежен, как и с утра. Потому что сегодня он хорошо послужил своему господину.

Три часа назад старик пришел к кабинету императора, терпеливо дождался, пока тот отпустит министров, и попросил об аудиенции. Хань Ши, не моргнув и глазом, принял его. Они каждый день четыре раза виделись за трапезами, и дело, по всей видимости, было действительно безотлагательным, раз слуга не дождался обеда.

– Повелитель, – проговорил мастер чайных дел с почтительным поклоном, и голос его от постоянного молчания был слаб и тих, – прошу выслушать меня.

– Сядь, Йо Ни, – певуче ответил император, и старик опустился на пол, – говори.

– Три дня как одолевает меня беспокойство, мой господин, и не мог я осознать, в чем его причина, поэтому и в мыслях моих ты ничего не увидел. Но сегодня я понял, что меня тревожит. Знай же, что за те пятьдесят лет, что я делаю для тебя чай, в чайной комнате ничего не менялось. В ней бываю лишь я и мои ученики, и вся тысяча трав лежит на своих местах, и каждую из них я могу узнать на ощупь и по запаху. Сейчас, перебирая запасы, я понял вдруг, что в запахе комнаты появилась едва заметная новая нота. Такая слабая, что я мог бы ее и

не заметить. Я прошел вдоль всех сундучков, проверяя травы и чай: неужели, думал я, сюда прокралась сырость или, не дай боги, нашли ход грызуны? Но нет.

Хань Ши не торопил слугу. Торопливость вообще не была ему свойственна.

– Необычно пах твой любимый жемчужный чай. Именно его готовит тебе на ужин мой старший ученик. Он достойный мастер, но, чтобы заметить то, что заметил я, ему не хватило возраста и опыта. Жемчужный чай этот делается из шестнадцати трав и чайного листа, что растет только на морских склонах. Есть в этом чае трава ункун, которая способствует отдыху и хорошему сну. Траву эту собирают, как только она пробьется весной сквозь землю, потому что, если подождать месяц, запах ее становится более пряным, а поевшее ее животное умирает от коллапса мозга.

Взгляд тонко улыбающегося императора стал острым, как иглы.

– Мы, мастера чайных дел, знаем все свойства растений, знаем и то, что одно и то же можно сделать и ядом, и лекарством. Неделью достаточно давать напиток со зрелой травой ункун человеку, чтобы он умер от инсульта, и никто не понял бы причину. Три дня, мой господин, тебя поили ядом. Ты волен казнить меня за то, что я сразу не понял, что происходит. Но прежде я хочу просить тебя узнать, кто подложил в чайный сбор зрелую траву. Тридцать лет я учу старшего ученика и не верю, что это мог сделать он; сорок лет мы покупаем травы у мужа моей сестры, и я не верю, что он мог пойти на такое. Вся империя знает, что мой зять – поставщик императорского двора; какая ему выгода рисковать своим именем и жизнями родных?

Мастер чайных дел замолчал и прикрыл глаза, покорно ожидая, пока император медленно и аккуратно считает его воспоминания.

– Мы найдем тех, кто это задумал и выполнил, – будто бы несколько не взволновавшись, кивнул Хань Ши. – Сейчас сюда придет Ли Сан. Повторишь ему то, что рассказал мне, Йо Ни.

Служба безопасности империи, возглавляемая Ли Саном, зашумела, засуетилась, как встревоженный пчелиный улей. За какой-то час было проведено расследование – и при ментальном допросе зятя Йо Ни был обнаружен блок на его памяти. С блоком пришлось повозиться, но в результате выяснилось, что с неделю назад, как раз когда торговец собирал партию для отправки во дворец, к нему пришел гость нейеллоувиньской внешности и принес мешочек травы. О приходе гостя торговец не помнил, как и о том, как его погрузили в странный транс, а трава из мешочка была высыпана в подготовленный к отправке сундучок.

Расследование продолжалось. Были опрошены все жители торгового квартала – и оказалось, что гость торговца, выйдя из чайной лавки, заглянул в одну из круглосуточных харчевен, заказал рис с утиной грудкой, занял закрытую комнату для обеда, чтобы его никто не беспокоил, – но официант, вернувшись со снейдью, обнаружил пустое помещение. Отследить магическое перемещение не было возможности, но работы оставалось еще много. Проверяли весь императорский дворец, а повелитель Йеллоувиня, попивая восстанавливающий чай, думал, как лучше наградить Йо Ни и что на следующем королевском совете нужно будет сообщить о покушении коллегам. Хотя он, конечно, предпочел бы оставить это в тайне.

Бермонт

Демьян Бермонт в сопровождении Хиля Свенсена с самого утра отправился на южные границы страны – в долину в Медвежьих горах. Каждую зиму в это время в горных районах проводились учения, и он обязательно присутствовал на завершающем показательном бое, оценивал подготовку войск и уровень выполнения боевых задач, а затем награждал отличившихся. В этот раз после завершения учений планировалось большое совещание с линдмо-рами: его величество собирался распорядиться о подводе войск со всего Бермонт а к горам и постройке укрепрайонов. Шаману Тайкахе Демьян верил, что такое чудовища из Нижнего мира – знал, и понимал, насколько может быть опасен их массовый прорыв.

Его величество с линдморами и генералами-берманами расположились в палаточном командном пункте на скальной площадке, удачно выступающей из пологого заснеженного склона метрах в ста над долиной. С нее открывался превосходный вид на разворачивающееся внизу учебное сражение.

Солдаты, одетые в белые костюмы с опознавательными знаками, обороняли условный городок отдвигающихся со стороны гор противников, и бой уже подходил к концу: защитники выдержали указанное время, необходимое для подхода подкрепления, нападающие захватили несколько опорных точек, но вглубь городка продвинуться не сумели. То тут, то там за спиной его величества слышалось глухое рычание, когда отряд одного из линдморов выбывал из игры. Участвовала в учениях и королевская гвардия.

Первый гулкий взрыв за спинами заставил гостей командного пункта обернуться, и тут же загрохотали еще взрывы. В полутора километрах над площадкой в плотном слежавшемся насте вздымались снежные столбы: шесть... восемь... – эхо еще гуляло по долине, отражаясь от склонов, когда сияющий на низком солнце снег вдруг дрогнул, пошел горизонтальными сыпучими трещинами и медленно, словно неохотно, с утробным гулом двинулся вниз.

Долина замерла.

Лавина, ускоряясь и поднимая гигантское облако снежной взвеси, неслась вниз, и спастись собравшиеся на скальной площадке наблюдатели не успевали. Снизу звучали резкие, искаженные усилителями приказы солдатам отступать, укрываться в домах; придворный маг, присутствующий тут же, отчаянно пытался открыть Зеркало – но не получалось.

– Ваше величество! На снегоход! – рявкнул Свенсен. Нужно было попытаться выиграть время и жизнь короля. Хотя от лавины и на снегоходе не уйти.

Король, не слушая его, рванул к краю площадки, приложил руки к камню, прислушался. Драконий пик, который недавно не вышло расколоть даже при участии всех правителей, в отличие от этой горы, был монолитом. Здесь же – давно потухший пологий вулкан, и склоны состоят из базальтовых пород, пронизанных трещинами.

Лавина клубилась и ревела уже чуть ли не перед самым носом короля – и он, прошептав короткую молитву божественному покровителю, ударил в край площадки ладонями, вложив в удар всю силу, какую мог. Земля дрогнула. Зазмеились вдоль площадки глубокие трещины, взметнулись вверх острые скалы – но лавина была такой мощной, что перехлестнулась через препятствия, пусть потеряв в силе, и ударила по стоящим на площадке берманам. Все успели обернуться, включая короля, – и их смело и поволокло вниз по склону, пока лавина не затихла острым языком в долине.

Демьян пришел в себя с забитой снегом пастью, вверх лапами. Снег был рыхлый, тонкий – его величество забарахтался, выбираясь, недовольно рыкнул, оглядываясь и отряхивая лапы. То тут, то там выкапывались, так же раздраженно ворча, снесенные с наблюдательного пункта линдморы. Снежный туман оседал, к ним со стороны долины ехали снегоходы со спасателями.

Демьян обернулся в человека, оставшись нагишом. Но холод его сейчас беспокоил меньше всего.

– Все живы? – рыкнул он, осматриваясь.

– Живы, ваше величество, – довольно бодро ответил кто-то из ближайших баронов.

Бермонт поискал взглядом Свенсена. Тот мрачно шагал к нему, одна рука висела плетью.

– Бросился меня закрывать, вместо того чтобы сгруппироваться, – раздраженно проговорил Демьян.

– Мне хватило одного убитого лавиной короля, – сухо ответил Свенсен. – Я счастлив, что вы целы, ваше величество.

– Это неплохо, – согласился Бермонт, рассматривая осыпавшийся склон. Перед учениями его, конечно, обстреливали пушками, и весь опасный рыхлый снег успел сойти. Но взрывчатка, судя по всему, была заложена в плотном насте, который и сто лет мог пролежать. – Хиль.

Отправь наверх группу ищеек поопытней. Пусть посмотрят, какая была взрывчатка, и возьмут след. Просто так сюда переместиться никто не мог, даже с ориентирами, – все равно часть пути пришлось бы идти пешком или на снегоходах. Скорее всего, следы уничтожены лавиной. Пусть носами землю роют, но найдут хоть волосок, хоть плевок. Опросите жителей. Взрывы произвели дистанционно – значит, внизу, в долине, скрывается преступник. И еще, – он все-таки обратил внимание на переломанную руку Свенсена, – посети виталиста.

– Сделаю, ваше величество, – подполковник поклонился, чуть поморщился от боли и направился отдавать указания.

К попавшим под лавину подъехали на снегоходах, привезли одежду – и пострадавшие двинулись к мобильному телепорту, расположенному вне зоны горных стихийных искажений, чтобы вернуться в замок Бермонт. Все прекрасно знали, что совещание король отменит только в чрезвычайном случае. Попадание под лавину для его величества к таким случаям точно не относилось.

Инляндия

Луциус Инландер давно жил так, будто каждый день у него последний, а уж нехорошим предчувствием по утрам его тем более было не удивить. И сегодня он не удивился, хотя затылок сдавливало холодом: интуиция всегда загодя предупреждала о проблемах и опасностях. Жаль, что заодно не сообщала, откуда эти проблемы ждать. Но Инландеру было хорошо. Брачный браслет на руке Шарлотты Дармоншир немного притушил чувство вины, терзавшее его величество долгие годы, а обряд в семейной часовне и вовсе ввел в невозможное состояние счастья и покоя.

За завтраком в Форштадте короля Инляндии ждала еще одна радость. За столом, помимо Лоуренса, присутствовали и старший сын с супругой. Оказалось, что кровь Василины действовала куда быстрее, чем можно было даже мечтать, и аура Леннарда сейчас сияла так ярко, что было понятно: его созревание займет не месяцы, а, скорее, какие-то дни. У наследника даже взгляд изменился – будто он замечал изменения в себе и прислушивался к ним.

Луциус посмотрел на младшего сына и едва сдержался, чтобы не поморщиться. Диана, жена Лоуренса, не вышла к завтраку, сказавшись больной, и сообщила, что на церемонию памяти Магдалены тоже не поедет. Вот еще одна проблема – и проблема, созданная Люком. Чтобы понять это, Луциусу не нужно было взламывать сознание милейшей невестки, хватило нескольких уточняющих вопросов. Вчера тихая Диана, всегда казавшаяся ему немного не от мира сего, с полными отчаянной решимости глазами попросила о приватном разговоре – и после потребовала обеспечить ей всю полноту власти в Форштадте. Иначе она подаст на развод и обнародует все скандальные выходки мужа.

Характера в Диане не было никакого, и то, что она все-таки решилась на подобный ультиматум, заставило его величество задуматься. Естественно, никаких обещаний он давать не стал, разбив требования княгини в пух и прах, напугав, насколько требовалось, и отправив ее обратно в покои. Не ей бодаться с потомком Индия. И хотя шантаж звучал смешно и были тысячи способов заставить невестку замолчать, но Луциус все же решил обратить на Форштадт особое внимание. Вероятно, ситуация действительно серьезная, и нужно в ней разобраться.

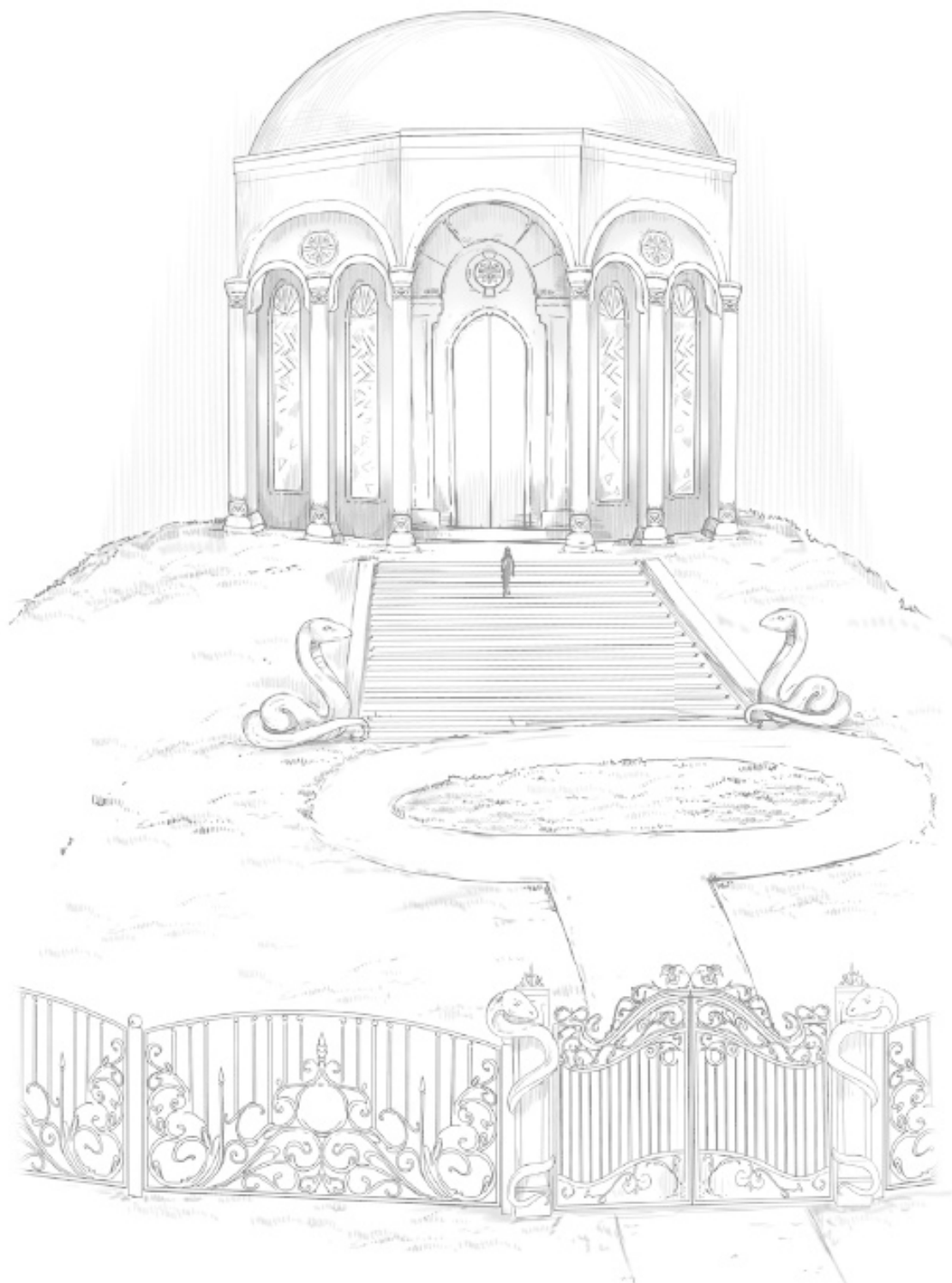
Перед церемонией он еще успел поработать в своем кабинете, периодически спохватываясь, что застывает и с улыбкой смотрит в пустоту. Звонок Люка, прозвучавший около часа дня, и вовсе поднял настроение его величества до состояния глубочайшего удовлетворения. Теперь у него есть и основной вариант наследования, и запасной – чего еще желать тому, кто считал, что его род прервется вообще?

Луциус Инландер выкурил напоследок сладкую сигарету, удержавшись от звонка Шарлотте, – увидятся вечером, успеет еще и поговорить, и прикоснуться, а сейчас не время, –

встретил перешедшего в Глоринтийский дворец Гюнтера с семьей – и на церемонию отправился совершенно счастливым.

Холм королей, место захоронения Инландеров, поднимался посреди низинного туманного Лаунвайта. Когда-то это был просто холм с плоской верхушкой, а сейчас на нем возвышался роскошный белый купол королевской усыпальницы. Туман не достигал вершины холма, и это место почти всегда было освещено солнцем. Но сегодня над усыпальницей висели плотные тучи, шел дождь, и – Луциус нахмурился, пригляделся – в туманных струях кружили десятки странных огромных теней, похожих на черных птиц с длинными шеями. Он моргнул, затылок сдавило сильнее – и тени исчезли. Показалось?

Могила Магдалены Инландер, урожденной Блакори, располагалась внутри, у стены огромного шестиугольного комплекса. Большой купол опирался на изящные колонны, множество высоких окон было украшено витражами, а белые ступени широкого крыльца с обеих сторон охраняли каменные полозы. Ходили слухи, что здесь, в центре, под мраморными плитами пола, находится и могила первопредка династии Белых королей, божественного Индия. Но это было неправдой. Тело основателя страны было захоронено в продуваемой всеми ветрами высокой скале над морем, и только члены семьи знали, где она находится.

Холм королей

Кортеж автомобилей остановился у ворот – и потянулись вслед за королевскими семьями придворные двух королевств, представители старшей аристократии, чьим долгом было участвовать в прощании с королевой. Шепотом обсуждались отсутствующие, в том числе и герцог Дармоншир, и слухи ходили самые разные: то ли он снова подсел на наркотики, то ли попал в опалу из-за замужества Ангелины Рудлог. Были здесь и леди Виктория, и барон фон Съедентент – они, как придворные маги, двигались сразу за королевскими семьями и охраной, накрыв их сферами щитов.

Под высокими сводами королевской усыпальницы, перед саркофагом с каменным изображением Магдалены Инландер, процессию ожидал священник. Начался обряд, и присутствующие затихли, склонив головы. Покойся с миром, Белая королева, пусть милостивы к тебе будут боги и светлым перерождение.

Луциус шевелил губами, повторяя размеренные слова молитвы, и от каменного спокойного лица бывшей супруги пробирал короля неприятный холодок. По разноцветным стеклам витражей непрерывно стекала дождевая вода. Сыновья стояли с тяжелыми лицами – к матери они оба были очень привязаны, – Гюнтер раскраснелся и шумно выдыхал, его дети расстроено смотрели на могилу.

Закончилась служба, и Луциус склонился над саркофагом.

– Прощай, Лена, – сказал он вполголоса. – Хорошего тебе перерождения.

От могилы кольнуло холодом и смертью – и он поцеловал ледяную плиту, словно одереvenев, и отошел, глядя, как подходят к могиле его сыновья, как склоняется над ней Гюнтер. В ушах вдруг зазвенело.

За секунду до случившегося Луциус Инландер все-таки почуял, что сейчас произойдет, сдавленно крикнув, дернулся назад, накидывая щиты на сыновей, и даже успел усилить свой – и тут в глазах полыхнуло белым, он инстинктивно прикрылся рукой, и склеп взлетел на воздух.

Взрыв был такой силы, что огромный мавзолейный комплекс разлетелся как карточный домик, а в домах вокруг Холма королей вылетели стекла. Звук прокатился по всему Лаунвайту – ухнуло гулко, тяжело, будто кузнец ударил по земле огромным молотом, – и, если бы жители могли видеть сквозь туманную дымку, они бы наблюдали, как падают на холм и вокруг него огромные куски стен здания, части саркофагов и статуй...

Мартин фон Съедентент единственный успел отреагировать на движение короля Луциуса: притянул ближе стоящую рядом Викторию, закрыл себя и ее мощным щитом... и только потянувшись набросить дополнительный на его величество Гюнтера, как их защиту смяло, взрывом оглушило до звона, ослепило и откинуло назад, впечатав огнем в разрушающиеся стены склепа, – и понесло дальше. Барон, сжав зубы, крепко удерживал Викторию, укрепляя щит, волшебница пыталась стабилизировать полет, отправляя из-под щита в разные стороны «якоря», – но ничего не выходило, и она запустила заклинание левитации, подняв их двоих высоко над растущим огненно-дымным грибом, над разлетающимися в разные стороны обломками. Гриб, вспухший огнем и черной сажей дыма, так же быстро выдохся: на могильном холме гореть было нечему.

Маги медленно опустились вниз, в мешанину из камня, земли, стекла, обугленной плоти и клочков одежды.

Дождь закончился. Разошлись облака, и, словно в насмешку, засияло в окне голубого неба чистенькое радостное солнце.

Вики от шока слова не могла сказать. Они с Мартом молча и быстро шагали вперед под общим щитом, на который оседала каменная пыль, в надежде найти выживших – и понимая, что в этом пекле никто не мог спастись.

– Смотри в первом теновом спектре, – вполголоса сказал Мартин, – чтобы увидеть ауры. Если под завалами кто-то есть – только так сможем обнаружить. Но... вряд ли. Если бы я не успел укрепить щит, то и мы бы не выжили, Вик, а что уж говорить о других... секунды мне не хватило...

Она переключилась на магический спектр, огляделась – и, к ужасу и удивлению своему, обнаружила слева, в мерцающем от жара воздухе, мощное, судорожно подрагивающее белое сияние. Март уже шагал туда, Вики бросилась за ним по горячим камням – и остановилась, словно налетев на стену.

За вонзившимся в пол огромным обломком купола лежал, наполовину придавленный им, чудовищно обожженный и искалеченный король Луциус – но, несмотря на страшные раны, он

был еще жив. Грудь мелко поднималась и опускалась, пальцы на руке сжимались и подрагивали от боли. Его невозможно было бы узнать, если бы не клочки рыжих волос и голубые глаза, устремленные в небо.

– Я сейчас обезболю, ваше величество, – с дрожью в голосе проговорила Виктория, запуская заклинание. Лицо короля чуть дрогнуло и расслабилось, он скосил на подошедших глаза, зашевелил губами, что-то пытаясь сказать и хватая ртом воздух. Вики стала перед ним на колени на горячие камни, Мартин подошел с другой стороны, провел над Луциусом руками, поморщился. Глаза Виктории наполнились слезами.

– В стазис, – тихо предложил Мартин. – Попробуем вытащить.

Губы короля дрогнули.

– Не надо, – прохрипел он. – Я не жалею. Я это знаю... Гюнтер... сыновья?

Мартин снова осмотрелся, взглянул на Викторию, покачал головой.

– Все мертвы, ваше величество, – тихо сообщила волшебница.

Луциус с трудом сделал вдох. Глаза его туманились.

– Вот оно... – прошептал король... – Воздаяние... Виктория... наклонись... трудно говорить...

Вики послушно наклонилась.

– Письмо, – проговорил он, сипло выдыхая и вдыхая. Его голубые глаза наливались белым сиянием. – Отдашь... новому королю письмо... клянись... то, что найдешь у меня в кабинете... в сером конверте... до этого не открывать...

Он со стоном потянул воздух, захрипел, скалясь.

– ...верю тебе, поставь защиту... если кто откроет раньше, чтобы сгорело... если попадет не к тому, чтобы сгорело...

– Все сделаю, жизнью клянусь, ваше величество, – со слезами пообещала Виктория.

– Шарлотта, – король задыхался, втягивая воздух обожженными легкими, – скажи... прости... скажи... я верил, что... не уйду...

Он сделал еще два выдоха, силясь что-то сказать, – и застыл, глядя в небо. Глаза его засияли белым.

Прямо над ним заворачивался иссиня-черный циклон из туч, распухший уже на полстраны. В центре огромного вихря светилось небесное окно, и там, паря в солнечных радостных лучах, ждал короля призрачный змей с сияющими крыльями.

Брат Гюнтер. Вместе по жизни – и в смерти вместе. Рядом парили тени детей и его, и брата – и они ждали, чтобы уйти туда, откуда нет возврата, и ему казалось, что он слышит их клекот и призывные тонкие крики. Луциус Инландер, судорожно вздохнув последний раз, замер, вырываясь из искалеченного тела, и, расправив изорванные крылья, рванулсЯ вверх, к родным.

Но оставались внизу еще несколько якорей. Посмертный его циклон закрыл уже, наверное, всю Инляндию, и призрачные змеи, облетев места, которые любили при жизни, начали подниматься ввысь, в иные сферы. А тот, кто был Луциусом, хотя и чувствовал уже непреодолимый зов небесного отца, нашел в себе силы вновь спуститься к земле и ураганным ветром полететь в Дармоншир.

В столовой, где сидели новобрачные и гости – принц-консорт как раз сообщил о покушении в Лаунвайте, – распахнулись от удара ветра окна, и занавески взлетели до потолка. Люди вскочили – а ветер, разметав все вокруг, ласково и строго потрепал герцога Дармоншира по макушке и плечам, стиснул его в крепких объятиях, погладил по животу испуганно сжавшую кулаки Марину Рудлог и, с невиданной теплой нежностью окутав бледную леди Шарлотту, скользнул поцелуем по ее губам... и навсегда унесся в зовущее его небо.

Королева Иппоталия, управляя колесницей с четверкой лошадей, медленно двигалась мимо бушующих от восторга подданных к месту проведения конных игр. Почти вровень с ней ехали колесницы ее дочерей, за спиной – мужей. Пахло свежескошенной травой, цветами и морем. Солнце радостно высвечивало мостовую под копытами жеребцов и пышные кроны деревьев, играло в иссиня-черных волосах царицы, касалось ее полных губ – и прекрасная дочь Воды величественно наклоняла голову в ответ на приветствия обожающих ее серенитов.

Царица сегодня была тревожна: ей не нравился ветер, теребящий ленты и флаги и отчетливо отдающий гарью, и океан словно чувствовал настроение дочери Синей, покрываясь мелкой раздражающей рябью. Ей бы вернуться в морскую тишь, прислушаться к себе, подумать, понять, что ее тревожит. Но, увы, именно в этот день много лет назад царице посчастливилось быть коронованной, и сейчас не было времени приводить чувства в порядок.

Тогда, в день коронации, Талия чуть не утопила остров под цунами. Ее старшая сестра вдруг обнаружила в себе желание уйти служить Богине в храме, а не управлять государством, и пришлось Иппоталии, не прошедшей малую коронацию и уже замужней, принимать венцы. И учиться справляться с вмиг обрушившейся на нее стихийной силой.

Хорошо, что присутствовали тогда на коронации и Хань Ши, и Гюнтер, и Луциус, и другие монархи – и сумели сдержать ее мощь, привели в себя. Именно тогда Талия обратила внимание на веселого, широкоплечего и громкоголосого блакорийского короля – и меньше чем через неделю началась их связь, продолжавшаяся до сих пор. Он был женат, она замужем, но отношения удалось сохранить в тайне.

Да, царица взяла еще двоих мужей, как и полагалось по статусу, и не обижала их: мужья были достойными, крепкими мужчинами из знатных аристократических семей, и отношения в семье были самые уважительные и теплые. Но любила только одного. И, поглядывая на трех своих дочерей, улыбалась: сильное семя потомка Воздуха не могло не прорасти в ее чреве. Тем лучше, тем могущественнее будут потомки. И разве может разгневаться на нее Мать-Вода, сама не устоявшая перед Инлием-Воздухом в далеком прошлом?

Колесницы царской семьи прибыли к стадиону. Иппоталия ступила на устланную цветами брусчатку, ласково похлопала ближайшего жеребца по холке и направилась к крутой лестнице, ведущей на царскую ложу. Ветер ударил царицу в лицо, почти заставив покачнуться, взвыл сердито, умоляюще – и она, оглянувшись, нахмурилась: со стороны Инляндии надвигался чернейший вал туч. Иппоталия начала подниматься – ветер словно взбесился, стегал ее по обнаженной правой груди, по ногам в сандалиях с высокими ремешками, трепал край хитона, но она не останавливалась. За Талией проследовали домочадцы, а стадион, заполненный до краев, почтительно встал, приветствуя появившуюся в царской ложе правительницу и подпевая гимну страны.

Талия любила бывать здесь. Ощущать дрожь земли от скачек и любоваться прекрасными жеребцами, словно созданными из мощных штормовых волн. Смотреть на колышущееся море людей на фоне самого настоящего моря – стадион находился в центре Терлассы, на высоком берегу, и белые колонны и портики его амфитеатра прекрасно оттенялись водной лазурью.

Гимн стих, царица опустила на место. Замершие по кругу участники конных игр двинулись мимо царской ложи, останавливаясь, прикладывая руки ко лбу и сердцу, – и каждого приветствовала дочь Синей, милостиво кивая. Были здесь и матерые чемпионки и чемпионы (мужчинам не запрещалось участие в играх), были и совсем молодые. Зрители восторженно приветствовали своих любимцев, которых громко объявляли и показывали на четырех огромных экранах, магически подвешенных над полем. В воздухе отчетливо пахло возбуждением и азартом, и Талия глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Тучи со стороны Инляндии накрыли уже полнеба, и начался ливень, растекающийся по погодному куполу стадиона. Здесь не чувствовалось ни ветра, ни сырости, но запах гари навязчиво лез в ноздри, вызывая уколы страха.

Шествие участников игр еще не закончилось, когда скрипнула дверь в ложу. Царица оглянулась – к ней направлялась охранница, а за дверью виднелась крепкая фигура генерала Дарэии Адамийди, начальницы службы безопасности. Опытная безопасница не хотела мелькать перед камерами, чтобы не волновать народ.

Охранница остановилась у кресла, и Талия, улыбнувшись очередному участнику, склонила голову, показывая, что готова слушать.

– Простите, моя царица, – шепнула женщина почтительно, – госпожа говорит, очень срочная и важная новость.

Талия сдвинула брови, но поднялась – и старшая дочь, Антиопа, мгновенно переключила внимание толпы на себя, бросив следующей участнице белую ленту в знак поддержки. Народ восторженно взвыл, а царица тихо вышла из ложи в опоясывающий стадион коридор, аккуратно прикрыв за собой дверь, и вместе с Дареией направилась к окну.

– Моя госпожа, – напряженно доложила генерал. – Тяжелые новости. По нашим сведениям, около двадцати минут назад на церемонии прощания в Лаунвайте произошел взрыв. Все присутствующие погибли, включая его величество Луциуса и его величество Гюнтера. Охрана стадиона усилена, здесь все проверено, но все же прошу вас вернуться с семьей во дворец Зеркалом...

Талия побледнела, кивнула, разворачиваясь, – нельзя было отлучаться надолго, чтобы не обижать народ... И ее оглушило взрывом, сбило с ног, выбрасывая с разрушившейся стены стадиона, – и через секунду вверх, под истошный ор испуганных, рванувшихся к выходам людей, поднялась огромная чайка, пронзительно, яростно вопя от горя. На месте царской ложи дымился огромный провал. Погодный купол разрушился, и мощный ливень хлестал по полю, а столб дыма ураганным ветром дергано уносило в сторону моря, пригибая почти к самой земле. Сквозь гарь и мглу видно и слышно было, как с истерическим ржанием носятся по полю обезумевшие лошади, калеча людей и натываясь на стены.

Талия, пришедшая в себя в крепких объятьях ветра, закричала, завопила, камнем падая вниз так низко, как могла, пока почти не стала терять от дыма сознание; и то, что она увидела на месте царской ложи, заставило ее взвыть, мечась в стороны. От резких взмахов ее крыльев начало сходиться с ума и море, поднимаясь гигантскими волнами, обрушиваясь на берег невиданными валами.

Царица спустилась еще, прижалась к изуродованному телу старшей дочери, пачкаясь в крови и саже, и снова поднялась вверх, кружась как обезумевшая. И снова рухнула вниз, не обращая внимания на усиливающиеся крики людей. Дочери... мужья... зятя... охранницы...

– Ан-ти-о-па! – кричала чайка, как молитву повторяя имена своих детей. – Ла-рис-са! Кас-си-о-пея! Богиня, моя Богиня, да за что же?!!

Кровь тех, кого она растила и кормила грудью, кого обнимала и в болезни, и в радости, заставила Иппоталию обезуметь – и тело инстинктивно, чтобы избавиться от боли, бросило ее к морю. Царица, пролетев над чудовищными волнами, рухнула в зеленоватую прозрачную воду, обезображенную пеной, – но и там не нашла она покоя. Зеваки, собравшиеся на набережной, отесняемые оцеплением, наблюдали, как далеко впереди бушующий океан наливается ядовитой сияющей зеленью, а огромные валы с ревом, в котором ясно слышался невыносимый, горький, тонкий женский крик, поднимаются все выше и неохотно, сталкиваясь, начинают двигаться по кругу, образуя гигантский водоворот, иссекаемый ливнем. От пристани с режущим уши скрипом и скрежетом начало отводить, а потом и отрывать яхты и корабли, которые, как щепки, пошли по дуге... А из центра водоворота поднялась в воздух огромная, словно сотканная из воды и тумана женщина с прозрачными крыльями за спиной. На месте глаз были у нее черные провалы, а вместо рук из плеч исходили десятки водяных плетей, шевелящихся, как щупальца осьминога.

– Проклинаю, – прошептала она, и шепот этот шелестящим эхом пронесся над Маль-Сереной, – Матерью-Водой проклинаю всех тех, кто стал причиной смерти моих детей. Не будет вам отныне покоя на Туре! Вода станет вашим врагом, вашим судьей, вашим палачом. Захлебывайтесь, тоните, умирайте от жажды! Смерть! Смерть всем!

От нее пахнуло арктическим морозом – валы водоворота вокруг мгновенно покрылись тонким льдом, тут же полопавшимся, ливень на несколько мгновений превратился в снежную бурю, и холодовой вал проклятия, прокатившись по толпе людей и сделав из набережной каток, ушел в мир.

Морская царица повернула слепое лицо с черными провалами глаз к собравшимся на берегу людям – среди них сновали полицейские, приказывая разойтись, мигали огнями пожарные и спасательные машины, – но народ, словно замороженный, все прибывал и прибывал, хотя валы водоворота поднимались уже вровень с высоким скалистым берегом.

– Стоит ли жить, – крикнула Талия пронзительно, по-чаячьи, – если я не смогла защитить их? А вам, мои люди, стоит ли жить? Мы поили вас любовью и одаривали счастьем, но вы не отвели от детей моих смерть...

Она захрипела, забила в воздухе, суматошно хлопая водяными крыльями, хватая себя за волосы руками-щупальцами, и, словно не сумев обуздать себя, закричала громко, тонко, на одной ноте. Валы водоворота обрушились в море; не успели еще испуганные люди перевести дух, как вода стала стремительно отступать, обнажая мокрый песок, оставляя в ямах рыбу, морские звезды и крабов. На набережную, заполненную тысячами людей, упала тишина – и тут же взорвалась криками паники. Народ, как единый организм, отпрянул от ограждения и побежал прочь от моря. А далеко-далеко за спиной царицы уже вставала тоненькая белая полоска воды, кажущаяся совсем узенькой и далекой, если не понимать расстояние.

Слишком хорошо на Маль-Серене знали, что означает отступающий океан. Многие еще помнили коронацию ныне сошедшей с ума от горя царицы. Островитяне тогда успели попрощаться с жизнью, прежде чем огромные волны цунами, движущиеся на берег, были рассеяны.

* * *

В замке Вейн в Дармоншире слуги спешно закрывали распахнувшиеся от внезапного ветра окна, поднимали сброшенные со стола блюда. Хозяин замка, хмурый и настороженный, периодически вдыхал длинным носом воздух и дергал ртом – и почти так же вел себя дракон Нории. Над замком разворачивалась буря; наконец ударил ливень, да такой, что за окнами воцарилась мгла.

Люк взял молодую жену за руку, невольно сжав ее, когда Марина попыталась вырвать ладонь, и очень любезно предложил гостям перейти в гостиную.

В этот момент у Мариана Байдека снова зазвонил телефон. Консорт застыл в дверном проеме, слушая говорящего, помрачнел еще больше, проговорил: «Да, конечно», – и обернулся к жене.

– Сейчас здесь будет Зигфрид, – сказал он. – Звонил Тандаджи, с ним связались из службы безопасности Маль-Серены, дали координаты. Иппоталии нужна помощь. Я пойду с тобой, Василина, поставь прямо сейчас щиты. Владыка?

– Конечно, барон, – пророкотал дракон. – Я помогу.

Василина вышла из Зеркала вслед за мужем, Нории и непреклонно шагнувшей в переход Ангелиной и в первый момент чуть не оглохла от рева моря. По их щитам тут же ударило ливнем. На узкой полосе песка под обрывом скалистого берега – наверху белело ограждение набережной – уже стояли невозмутимый император Хань Ши со сложенными в рукава халата руками и Демьян Бермонт, сторбившийся, как перед дракой. Глаза его были желты, он чуть

слышно порывался. Оба тоже сверкали щитами. Рядом находились придворные маги Йеллоуиня, Бермонта и Маль-Серены и несколько серениток, лица которых были белы от ужаса.

Перед прибывшими расстилось обмелевшее море: жидкая грязь и песок, ямы, трепещущая рыба, опрокинутые набок огромные суда, – а дальше, метрах в трехстах от них, раненой птицей зависла в воздухе огромная женщина, сотканная из воды. В чертах ее с трудом можно было узнать величественную и ласковую Иппоталию. Рот ее был распахнут в беззвучном крике, голова запрокинута назад. Она словно рвалась вверх, в небо, и крылья двигались вперед-назад, но руки-щупальца, вцепившиеся в грязь, удерживали ее, как натянутые вибрирующие цепи. А за спиной царицы, еще далеко, но уже заметно, поднималась высоченная стена воды, увеличивающаяся с каждым движением прозрачных крыльев.

Дракон Нории судорожно вздохнул, прижав руку к сердцу, с силой потер грудь. Хань Ши с пониманием повернулся к нему.

– Сколько горя, – пророкотал Владыка; лицо его кривилось, глаза мгновенно налились багровым. – Невыносимо. Ты не смог ей помочь, светлый император?

– Мне ее не блокировать, – певуче и невозмутимо проговорил Ши. – Сейчас она невмещаема, я не способен к ней пробиться ментально. Хорошо, что ты пришел. И ты, сестра, – император величественно кивнул испуганной Василине. – Тяжелые времена настали, придется нам справляться вчетвером. Иначе она уничтожит и свой остров, и все побережье континента, и сама погибнет, иссякнув.

– Луциус? Гюнтер? – не веря тому, что она только что услышала, переспросила Василина.

– Мертвы, – коротко ответил император. Королева заморгала, сжимая ладонь мужа и пытаясь справиться с эмоциями, глубоко вздохнула и спросила почти спокойно:

– Что от меня требуется?

– Как обычно. Усилить меня, – пояснил Хань Ши. – Я возьму твой огонь и снова попробую блокировать ее. Остальное – дело Бермонта. Получится блокировать – он заберет то, с чем она не может справиться, излишки силы, и успокоит ее. Главное – успеть до прихода волн. Владыка, сумеешь договориться с водой?

– Талия сильнее, – дракон лихорадочно втянул ноздрями воздух, глядя багровеющими глазами на поднимающуюся полосу воды, – утихомирить не смогу, задержать – да. Насколько хватит сил.

– Большого и не требуется, брат.

Дракон молча пошел вперед; Ани двинулась за ним, прямо по хлюпающей грязи. Он остановился, обернулся, сказал что-то, но ветер уносил слова в сторону. Василина прислушалась.

– Я твоя сила, – твердо сказала Ангелина и скинула туфли. – Со мной ты продержишься дольше.

Нории склонил голову набок, что-то обдумывая и улыбаясь, – старшая Рудлог не спорила, просто терпеливо стояла перед ним и ждала. И он кивнул.

Через несколько секунд они уже неслись под ливнем навстречу огромной волне, а Хань Ши, подождав, пока Василина коснется его плеча, поднял руки – и побежала от него сияющая желто-фиолетовая дорожка, накрывая Иппоталию цветным куполом. Царица вздрогнула, замерла и открыла огромные черные провалы глаз. Далеко за ее спиной на фоне стены воды завис белый дракон, кажущийся ужасно маленьким; он расправил крылья, паря почти вертикально, и Василина похолодела от ужаса, гадая, как же держится там Ани. Но крылья царицы не били более, и сама она становилась меньше, сильнее похожей на человека – и волна пугающе замедлилась, едва двигаясь вперед и окружая Владыку дугой.

Василина, ощущая, как охлаждается вокруг нее воздух, а дыхание, наоборот, горячее, и от руки ее жар струится к Хань Ши, оглянулась: Мариан, любимый Мариан стоял в нескольких шагах позади рядом с Зигфридом, и лицо его было напряженным.

Впереди раздались шлепки – король Демьян сорвался с места и побежал к уплотняющейся, уменьшающейся Талии по мокрому вязкому песку, перепрыгивая через ямы с водой. Сверху слышались голоса из громкоговорителей: полиция призывала граждан поскорее уходить вглубь острова, забираться на крыши высоких домов.

Тонкая рука императора под ладонью Василины мелко затряслась – и она шагнула ближе, почти прижавшись к старику. Дрожь прекратилась.

– Очень сильна, – прошептал Хань Ши почти с восхищением. – И ведь ментальные способности слабые, а никак не пробиться мне к ней, давлением приходится... защищена ненавистью, вооружена горем...

Демьян, чья фигура теперь казалась почти звериной, с невероятной скоростью несясь вперед. Царица медленно опустила голову, посмотрела на него – рот ее искривился, и темные глаза полыхнули гневом.

– Оставьте меня, – прошелестела она на все побережье, – я имею право на воздаяние!

Демьян что-то прокричал, почти добравшись до нее, – и Талия яростно отмахнулась уже человеческой рукой. Король-медведь, снесенный мощным ударом, отлетел назад. Пошатнулся, едва удержавшись на ногах и выставив руки вперед, Хань Ши, а Василина вскрикнула: по телу словно ударили гигантским кулаком, и она упала, закашлявшись, – из носа текла кровь, в голове звенело.

– Василина!

Крик Мариана. Она не смогла обернуться – упрямо подползла к императору, коснулась его – и тут же ее вздернули на ноги, ошупали. На руках мужа была кровь, он тяжело дышал – видимо, тоже досталось, но он так и остался стоять, поддерживая ее.

Далеко впереди Демьян Бермонт поднялся из грязи, раздраженно зарычал и снова бросился вперед. Василина положила руки на плечи императору, и тот, тяжело выдохнув, зашептал что-то неслышимое на своем певучем языке. Молитву? Заклинание? Сияние, исходящее из его рук, стало сильнее, плотнее, жестче, снова окутав царицу, – а Иппоталия, окончательно вернувшаяся в свой облик, схватила за голову, вся сжавшись, забила в воздухе и болезненно, пронзительно закричала.

Ани, сидя верхом на Нории и уцепившись за шип гребня, сначала услышала женский крик, а потом уже увидела, как почти остановившаяся волна вдруг поднялась выше, нависая над ними. Дракон тяжело, со свистом заклекотал, отлетел назад – иначе еще чуть, и медленнодвигающаяся стена воды поглотила бы их. Закружилась голова – от ощущения, что море встало на дыбы, от мощной и неуправляемой стихии. Волна вдруг резво понеслась вперед – и Нории сделал вираж, поднявшись в небо; Ани увидела, что за первой волной двигаются еще несколько, и похолодела, осознав, какую мощь сейчас сдерживает ее муж.

Дракон снова метнулся вниз и завис перед водяной горой. Его огромное тело вздрагивало, он жалобно, низко застонал. Ангелина оглянулась: Талия находилась теперь совсем недалеко, метрах в пятидесяти, и принцесса видела и несущегося к ней Демьяна, и маленькие фигурки людей на берегу. Если Нории еще раз сорвется, волна дойдет до побережья!

– Держись! – жестко приказала Ангелина, обхватывая мужа руками, прикасаясь к горячей белой коже губами. – Держись! Не смей отступать!

Дракон дрожал, вдыхая и выдыхая, будто кузнечный мех работал. Аура его, огромная, прохладная, растекалась вдоль волны, сковывая ее, – и Ани питала его своим огнем, отдавая все, что могла.

Королева Василина со страхом смотрела на гигантскую волну, остановившуюся в полукилометре от них. В глазах от напряжения двоилось. Плечи императора под руками каменели.

Демьян, добежавший до Талии, прыгнул вверх, к царице, протянув руку – коснуться хотя бы мельком, купировать срыв, забрав часть стихийной силы себе, – но Иппоталия вновь дернула рукой, и вновь он отлетел – и на этот раз вместе с Василиной рухнул и Хань Ши, с изумлением покачал головой, опираясь на тонкие руки.

Королева вытерла кровь, текущую из носа, всхлипнула. Оглянулась на мужа – тот поднялся, подал ей руку, – на группку придворных магов и серениток: те жались к скале, окруженные массой щитов.

– Мы так ее не остановим, да? – спросила она отчаянно.

– Должны, – проговорил император. В его глазах появились золотые точки, движения стали плавными, тихими. Бермонт, обернувшийся в медведя, упрямо, на четырех лапах, крошечный на фоне стены воды, обходил царицу по кругу; дракон словно застыл в стекле, судорожно махая крыльями. – Должны, – повторил Хань Ши. – Но у нее нет якоря, нет того, за что я могу зацепиться, чтобы вернуть ее. Она не может мыслить сейчас: стихия разрывает ее изнутри.

– А дети? – вдруг спросила Василина, поняв, что бы ее саму заставило вернуться. – Неужели никто из родных не выжил? – она обернулась к серениткам.

– Внуки живы, госпожа, – ответила придворный маг почтительно, – они еще не выезжают, на церемонии их не берут. Но мы уже отправили их на континент. Если ее величество не остановится, разрушит остров и иссякнет, у нас хотя бы будет надежда.

Император одобрительно посмотрел на Василину и со вздохом поднял глаза к небу.

– Надо вернуть их, и срочно, – озвучила королева очевидное. – Немедленно, – с силой повторила она, глядя на сомневающиеся лица серениток. – Я сама отведу их к ней. Только бы Нории продержался.

Нории держался, чувствуя на спине прижавшуюся огненную супругу, ощущая ее жар. Без нее он бы сорвался еще на прошлом вираже. Держался, дивясь и восхищаясь мощи, которую сумела призвать Иппоталия, и ощущал, как выворачивает у него жилы и тело требует крови, а аура вновь и вновь подпитывается огнем Ангелины. Времени прошло не больше семи минут, а Нории казалось, что вечность. И каждая секунда давалась все труднее.

Внучку привели одну. Самую маленькую – ей было годика два, дочь младшей дочери Талии. Наследницей решили не рисковать. И Василина, взяв девочку на руки, сопровождаемая Марианом, с трудом зашагала по грязи к Талии.

Муж не спорил и не возражал. Да и не стал бы он запрещать в этом случае.

– Бабушка, – лепетала девочка, восторженно глядя на бледную, похожую на неживую Иппоталию, зависшую в воздухе, – за спиной царицы трепетали полупрозрачные крылья, и она по-прежнему пыталась справиться с удерживающим волны драконом.

Медведь-Демьян, замерший позади царицы, увидел Василину, замер. Огненная королева с маленькой девочкой подошли так, чтобы ливень и ветер не мешали их увидеть и услышать, – и чем ближе они подходили, тем заметнее было, что огромная волна тоже двигается вперед, едва ли не быстрее них, и Нории постепенно отлетает к берегу.

– Талия, – крикнула Василина царице. – Посмотри на меня. Талия!

Царица медленно повернулась к ним, подняла руку, словно готовясь ударить.

– Ты помнишь, кто это, царица? – голос у Василины срывался, и она протянула перед собой девочку. – Ты помнишь, что остались те, кому ты еще нужна?

Дочь Синей пугающе долго смотрела на королеву. Затем губы ее разжались.

– Все... мертвы... – прошептала она.

– Да нет же! – с отчаянием крикнула Василина. – Не все! Талия, это Нита, дочь Кассиопей! Твоя внучка! Видишь? Видишь?

Иппоталия качнула головой и снова подняла голову, не обращая больше на них внимания. И Василина, ругая себя и преодолевая нормальный для каждой женщины инстинкт, опу-

стила девочку в грязь – та удивленно посмотрела на тетю серыми морскими глазами – и шепнула:

– Иди к бабушке, Нита! Обними ее! Обними!

Девочка засмеялась и побежала вперед – детский смех на фоне творящегося кошмара прозвучал жутковато. Василина, закусив губу, смотрела на то, как шлепает ребенок по глубокой, взбиваемой дождем грязи. Мариан подобрался, готовый прыгать за малышкой, если что, и Бермонт подошел ближе.

Маленькая Нита все-таки упала. Попыталась подняться. Не смогла, забарахталась в грязи.

– Бабушка, бабушка! – заплакала она. Царица смотрела вперед. Василина не выдержала, всхлипнула, сжимая кулаки. – Бабушка! – крикнула девочка.

Талия снова повернула голову, с каким-то изумлением глядя на внучку, – и вдруг рванулась вниз, схватила ее на руки и прижала к себе крепко, обцеловывая. Затряслась, зарыдав; стена воды за ее спиной заходила ходуном, задрожала, заворачиваясь трубой. Дракон рванулся назад, тревожно трубя... и успел лапой подхватить Бермонта, стоящего ближе всего к волне, когда она обрушилась...

– Василина! – услышала Василина отчаянный вопль Ани. – Оборачивайся!

И королева, ощущая на лице мокрые брызги и холодея от ужаса перед накрывающей их волной, успела вцепиться в Мариана, загородившего ее от бурлящей смерти, закрыть глаза, истово желая, чтобы у нее появились крылья, – и взмыть в воздух огромной красной соколицей, крепко сжимая мужа в когтях.

Через несколько минут все они стояли на опустевшей набережной – а внизу, у скалистого основания, бесновалось успокаивающееся море.

Вот оно поднялось волной, выпуская из глубины своей царицу Иппоталию с маленькой девочкой на руках. Прекрасная Иппоталия – с седыми прядями в волосах, обнаженная, с черными от горя глазами, – благодарно и молча кивнула Мариану, предложившему ей свой китель, замерла, глядя на зияющий провалом стадион.

– Я не забуду этого, – проговорила она, и непонятно, что имела в виду царица – помощь или убийство родных. – Горе лишило меня разума, братья и сестры. Я благодарю вас. А сейчас позвольте мне проводить родных в последний путь. Мы еще поговорим. Сейчас я хочу молчать.

Присутствующие склонили головы и начали расходиться в открывающиеся Зеркала.

Чуть позже в замке Вейн произошел короткий, почти военный совет. Было решено, что Марина останется в замке: вещи ее перенесут сюда, на работу она пока не будет ходить. К удивлению старших сестер, третья принцесса не стала спорить, лишь как-то горько улыбнулась и отвернулась к окну – а вот Мариан Байдек мог бы поклясться, что на лице Дармоншира отразилось самое настоящее облегчение.

Святослав Федорович с Каролиной немедленно отправлялись в Истаил к Ангелине, туда же срочно должна была уйти Алина. Связались со Свидерским, и тот клятвенно пообещал сейчас же спуститься, прервать экзамен и напрямую отправить пятую Рудлог во дворец. Дети Мариана и Василины находились в поместье Байдек, и на их охрану было брошено несколько отрядов боевых магов и военных.

Сама королева решила остаться во дворце, как когда-то ее мать. И Мариан, сжав зубы, опять не стал спорить. У каждого своя служба. И каждый должен нести ее с достоинством.

– Мне нужно поговорить с тобой. Это касается Алины, – тихо сказала Ани Василине, когда они шли в сопровождении молодоженов к телепорту замка Вейн. День только-только перевалил за половину, а они все уже были вымотаны. Каролина испуганно жалась к отцу, Нории, потускневший, с заострившимся лицом и багровым цветом глаз, крепко держал жену за руку и невольно ускорял шаг. Люк, еще до импровизированного совета заметивший состояние вернувшегося с Маль-Серены дракона, настойчиво поинтересовался, не может ли он чем-то

помочь. Нории даже принесли свежую кровь, но этого было мало. Ему нужно было хорошенько поохотиться – или побыть с женой наедине.

– Серьезное что-то? – тревожно спросила королева. Она тоже была оглушена – тем, что смогла за доли секунды обернуться, ощущением близкой смерти, полета, страшным выражением глаз Мариана, когда она опустила его на мостовую и обернулась сама – и когда он прижимал ее к себе так крепко, что пришлось сдерживать стон. От когтей Василины на плечах мужа остались глубокие раны, но он словно не чувствовал боли – молча обхватил ее и не двигался. Раны потом залечил Нории, сам едва державшийся на ногах.

– Серьезное, – Ани окинула тяжелым взглядом ушедших вперед Дармоншира и Марину, посмотрела на Василину – и та едва заметно опустила глаза. Тоже заметила. И тут же вздрогнула – у Мариана снова зазвонил телефон.

– Боги, – проговорила королева с отчаянием, – только бы плохое на этот день закончилось!

К сожалению, боги ее не слышали.

Глава 4

Четверг, 26 января

С утра семикурсники Ситников и Поляна дисциплинированно, несмотря на каникулы, явились в тренировочный зал. Но лорд Тротт не пришел и на этот раз. Телефон у него теперь был выключен, и Зеркало, которое они рискнули выстроить, привычно вздулось пузырем и рассыпалось.

Студенты потосковали, решили не терять время и начали повторять уже пройденное, перемежая упражнения зевками. Все-таки язвительный и безжалостный в обучении профессор был куда лучшим стимулом, чем простое «надо».

Через пару часов Матвей заглянул в башню ректора. Секретарь Неуживчивая, увидев его выжидающее лицо, почти сочувственно пожала плечами. И добавила:

– Господина ректора не было еще, Ситников. И не знаю, будет ли сегодня.

– Спасибо, – гулко и невесело проговорил семикурсник. Ему почему-то казалось очень важным сообщить Александру Даниловичу об Алинкиных снах, но деваться было некуда. И время поджимало. Дома у родителей Светланы его уже ждали мать с сестренкой: он должен был попытаться открыть Зеркало в Тафию, а если не выйдет – поехать с ними через городской телепорт.

Ситников с тяжелым сердцем вышел из здания университета, покурил и открыл переход к тете и дяде, пообещав себе вернуться днем и попытаться найти Свицерского снова.

Максимилиан Тротт

Четверка друзей после эпичной драки Мартина с Максом проговорила до раннего утра: сначала Тротт рассказывал о том, что на самом деле случилось с Михеем и с ним самим семнадцать лет назад, потом отвечал на вопросы, перешедшие в общие воспоминания. Кофе было выпито столько, что к утру оно стало давать обратный эффект. Первой сломалась Вики – уснула у Мартина на плече.

– Хочешь – оставайтесь здесь, – с трудом переступая через себя, предложил Тротт тихо. – Разложим диван, все равно на нем сидите.

– Ага, – шепотом фыркнул блакориец, повертев сломанной рукой, – запасайся закуской на утро?

– Не смешно, Кот, – сухо проговорил Макс.

– Еще бы после почти суток бодрствования было смешно, – не смутился барон. – Спасибо за предложение, дружище, я прямо слышал, как твоя мизантропия бьется в истерику, пока ты это озвучивал. Но я откажусь. Вики будет спать в моем доме, понимаешь?

– Нет, – еще суше ответил Тротт. Мартин бросил веселый взгляд на Алекса, допивающего очередную чашку кофе, – тот усмехнулся в ответ, двинул рукой, и перед блакорийцем открылось Зеркало.

– Спасибо, Данилыч, – барон поднял Вики на руки, морщась от ноющей боли на месте перелома, и ушел. А Свидерский остался. Помог Макс убраться, подождал, пока тот домоет ее. Природник, наведя на кухне идеальный порядок, вернулся в гостиную и снова встал у окна, закулив и недовольно разглядывая потрескавшиеся стены, выбитую дверь, осыпавшуюся штукатурку.

– Я завтра сам проведу экзамен, – нарушил тишину Александр. – Тебе лучше избегать университета, Макс. Там слишком много дармовой силы.

Тротт скривил губы, немного подумал и распахнул окно – в ночь. В гостиной сразу посвежело. Докурил. И только после этого повернулся и посмотрел другу в глаза.

– Нет, Сань. Ты либо веришь мне, либо нет.

– А ты-то сам себе веришь? – поинтересовался Свидерский напряженно.

Макс снова замолчал, раздумывая. И кивнул. Уверенней, чем ощущал себя.

– Я справлюсь, Данилыч.

– Ну хорошо, – Александр поднялся и направился к инляндцу. Тротт коротко дернул губами – словно понимал то, что сейчас будет. – Давай проверим тебя, Макс, – Свидерский протянул руку. – Дай мне докачать тебе источники. Если не сорвешься – я успокоюсь и больше не вернусь к этому разговору. Ты по-прежнему мой друг, но я не могу рисковать студентами. И ты должен это понимать.

– А если я тебя опустошу? – едко и зло спросил Тротт. – Готов рискнуть?

– Я – готов. А ты? Уверен, что справишься? Или больше не появишься в университете? – в тон ему ответил Алекс. – Ну что? Что решаешь, Макс?

Звонящая пауза, разбавляемая только ледяным ветром из окна и шорохом деревьев. Взгляд глаза в глаза – напряженный, злой. И звучный хлопок, когда Тротт впечатал свою ладонь в ладонь Александра.

– Качай, – процедил инляндец. И задохнулся от потока хлынувшей в него энергии.

Через несколько минут Свидерский опустил руку – резерв Макса был полон. И Тротт, подняв побледневшее лицо с каплями пота на висках, отшатнулся с громким выдохом, сжимая кулаки, окинул Алекса ненавидящим болезненным взглядом и, шатаясь, побрел на кухню. Раздался звук льющейся воды; Свидерский, пройдя следом, увидел, как друг, сунув руки под воду, умывается и трясет головой, заливая свежую футболку.

– Прости, – сдержанно проговорил ректор МагУниверситета.

– Убирайся, Алекс, – инляндец не повернулся, ожесточенно плеская в лицо воду.

– Я верю тебе. Теперь верю, Макс. И ты, не терпящий сантиментов, поступил бы так же.

– Возможно, – Тротт выключил воду, достал белоснежное кухонное полотенце и стал вытираться. Повесил его на стул, брезгливо потянул с себя мокрую футболку. – Но проблема в том, Сань, что ты-то не можешь не понимать: моя выдержка сейчас никак не гарантирует, что я не сорвусь в университете. Или на улице. Или на наших очередных посиделках. Ты не Март, который, конечно, больше притворяется разгильдяем, чем является им на самом деле, – но ему проще мне верить.

– Я понимаю, – согласился Алекс ровно. – Но теперь я готов рискнуть.

– Спасибо за доверие, – буркнул Тротт зло.

– Не за что, – усмехнулся Свидерский. – Мне пора. Очень надеюсь, что и ты научишься нам доверять, Макс. Тебе стоило рассказать нам обо всем куда раньше.

Тротт покачал головой, посмотрел на свои плечи, забитые защитными знаками.

– Раньше, – тон его был едким, – я бы не прошел твою проверку, Данилыч. Увидимся в университете.

Дом инляндца опустел. Он посмотрел на часы – было четыре утра. Спать не хотелось совершенно, и Макс занялся привычным успокаивающим трудом: вытер пыль в лаборатории, пропылесосил пол от осыпавшейся штукатурки. После уборки опять сделал себе кофе – чтобы до занятий с Поляной и Ситниковым поработать в лаборатории, – и там-то, на диване перед столом, его и сморило.

Проснулся он позже полудня. Непонимающе сфокусировал взгляд на чашке с остывшим кофе, посмотрел на часы и, очень недовольный собой, поднялся.

Экзамен по основам стихийных закономерностей должен был начаться через два часа.

Алина

– А бледная-то опять какая, – проворчал Аристарх, оглядывая пятую принцессу дома Рудлог. – И глазища испугаанные! А что у нас с витой-то? Ой, довела себя, студентка-то бедовая, до истощения, – он так истошно причитал, что Алинка краснела и одновременно хихикала, – как на ногах-то держишься? А ну быстро сдавать злодею последний экзамен, и потом чтобы на каникулах отоспалась и отъелась! А сейчас наклонись-ка. Ближе!

Алинка, тяжело вздохнув (по правде сказать, ее трясло от страха), послушно наклонилась почти вплотную к каменному глашатаю, и тот звучно поцеловал ее в щеку. Ощущение было такое, будто прохладной галькой провели по коже. В голове немного посветлело.

– На удачу, – подмигнул камен.

– Да не бойсь, козочка, – заорал сзади Ипполит. – Все ты сдашь! Сама видела, не такой уж и сатрап этот рыжий! Перевоспитуется помаленьку!

Мимо них спешили Алинкины однокурсники, раздался дружный ор остальных каменей: «Пять минут до начала пятой пары!», – и она вздрогнула, крепче сжала рюкзачок и обреченно произнесла:

– Все, мне пора...

– Иди-иди, – поторопил ее Аристарх – и принцессу словно подтолкнули теплой воздушной рукой. Алина вздохнула и послушно зашагала к аудитории, ощущая, как сохнут губы от волнения, а внутри все холодеет и дыхание учащается – будто не хватает воздуха.

Одногруппники в аудиторию заходили тихо, организованно; все разговоры, как по волшебству, прекращались за несколько шагов до дверей. Алинка тоже зашла, пискнула: «Здравствуйте, профессор Тротт», – не удостоившись и кивка, и быстро-быстро поднялась наверх, подальше от него, на самый последний ряд.

Рыжеволосый профессор стоял у окна, сунув руки в карманы синих брюк, и следил за входящими ледяным взглядом. Лицо его по обыкновению было высокомерно-презрительным, и вся фигура выражала недовольство. Вот он посмотрел на наручные часы, нахмурился – и словно в ответ на движение его бровей заорали камены, оглашая начало пары, захлопнулись двери аудитории и на них появились цифры, начавшие обратный отсчет времени экзамена.

– Как вы знаете, мы пишем тест, потом отвечаем на мои вопросы, – проговорил Тротт, обводя взволнованных студентов тяжелым взглядом. В помещении стояла звенящая тишина. – Тесты, – листы с заданиями вспорхнули со стола, начали опускаться перед первокурсниками, – совершенно разные, поэтому списывать бесполезно. Услышу хоть слово – удалю из аудитории. На первую часть экзамена дается час. Приступаем.

Шелест опускающихся листов прекратился. Спланировал один и перед Алиной, и она поспешно схватила его – от волнения в глазах все расплывалось. Засопела, приходя в себя, вчиталась в первые вопросы, быстро пробежала все – и радостно, почти торжествующе хмыкнула:

– Да!

Тут же ойкнула, зажала рот ладонью и с ужасом посмотрела на профессора. В аудитории не могло стать еще тише – но стало. Студенты сжались, не поворачиваясь. А лорд Тротт холодно взглянул на Алинкину ладонь, потом ей в глаза – и унижительно было оттого, что прекрасно он понимал, как она его боится, – обвел взглядом затихших первокурсников, раздраженно стукнул ручкой по столу и снова начал что-то писать в своем блокноте.

О, как она разозлилась! И от злости этой ей полегчало, и стало мерзко, и захотелось прокричать все накипевшее ему в лицо. Ну как же это? Как можно так обращаться с людьми, что тебя боятся до визга и паники? Разве это может быть приятно?

Принцесса сопела и яростно отмечала правильные ответы, почти не думая над вопросами, и через некоторое время полностью увлеклась тестом, забыв и о профессоре, и о своей злости. Прошел первый десяток минут, полчаса... Алина недовольно ежилась: в аудитории явно холодало. Но она этого не замечала. Рука еще выводила ответы, а сознание уже погружалось в странный транс. Внутри за какое-то мгновение разлилось холодное тянущее ощущение, кожу стало покалывать, а она все писала и писала, не замечая ничего вокруг. Пока не стало слишком поздно.

* * *

Профессор Тротт покрутил запястьем – его еще покалывало от недавней дружной вибрации сигнальных нитей Вики и Мартина. Правда, длилась она какие-то мгновения, почти сразу после того, как началась пара, а затем нити снова пришли в состояние покоя. Он на всякий случай периодически касался их – но нет, никакой опасности больше не ощущалось, все были живы. Сказав себе, что обязательно свяжется с друзьями после экзамена, Макс переключил внимание на аудиторию.

Студенты шуршали ручками, не поднимая глаз, и инляндец, убедившись, что никто не оказался достаточно глуп, чтобы списывать, достал свои записи по текущим проектам, начал набрасывать формулу усиления настойки для ночного зрения.

Час, отведенный на тестовое задание, почти закончился, когда в висках резко запульсировала кровь и Тротт отчетливо почувствовал давление темной сущности. Глубоко вздохнул, переживая краткое головокружение, и сжал зубы, потому что запел, зашептал внутри дикий голод – как вчера, когда Саня испытывал его, – и подернулся воздух вокруг студентов белесым сиянием, и сразу стало ощутимо, какое количество энергии течет по старым стенам университета и сосредотачивается в его основании, под ногами.

Макс пережил этот приступ, выровнял дыхание, закрыв глаза. Похожее уже случалось, когда темные во главе с Чернышом пытались открыть проход в Нижний мир, – и потом, когда начали появляться устойчивые цветки-порталы. С этим он уже умел справляться. Усилил щиты. И только решил, что все закончилось, как голод рванул изнутри с такой дикой силой, что Тротт почти потерял сознание. Сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони, выдохнул, приходя в себя, открывая глаза, и вздрогнул.

Студенты обмякали, с глухим стуком один за другим валились лбами на столы, свешивались со стульев, соскальзывали на пол. В аудитории истошно пиликала сигналка и с каждой секундой становилось все холоднее.

Неужели все-таки выпил? Но как? Ничего не почувствовав?

Сверху раздалось тонкое восклицание. Макс поднял голову – и замер.

За столом, недоверчиво оглядывая засыпающих однокурсников, сидела Богуславская. Аура вокруг нее пылала яркой тьмой, знакомой, родной тьмой – и именно к ней, а не к нему, текла дымка энергии ее однокурсников и разноцветные струи стихий со стен аудитории. Принцесса явно видела их: коснулась одной, прерывисто вздохнула, перевела на Макса сияющие ядовитой зеленью глаза и с ужасом, жалобно прошептала:

– Профессор... профессор Тротт... что же со мной происходит?

Он пришел в себя, рванулся к ней из-за стола, создавая обратный щит, – а Алину вдруг затрясло, бросило на пол, и она застонала, корчась на верхней ступеньке, обхватывая себя руками. Аура ее будто взбесилась, полыхая то тьмой, то огнем – они сплетались, вгрызались друг в друга, и все сильнее и сильнее тянулись к ней потоки энергии.

– Помогите... – простонала она со слезами, поворачиваясь к нему с каким-то детским отчаянным доверием. – Помо... а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Тонкий крик прервался: девчонка судорожно задергалась, глаза ее закатились, – и Макс, несущийся вверх по ступенькам, бросил на нее обратный щит, отсекая каналы подпитки, накрыл плотными куполами спящих студентов. Принцессу выгнуло дугой, щит дернуло изнутри, будто под ним произошел взрыв, но он удержался, и инляндец опустился рядом с девчонкой, прижал пальцы к ее вискам – чтобы усыпить, позволить пройти странно болезненную инициацию во сне. То, что это именно инициация, Тротт понял сразу: именно так должна была выглядеть пробудившаяся темная аура.

Но подавить Богуславскую ментально он не успел. Она снова распахнула глаза, согнулась, зарыдала прерывисто, хватаясь за него, царапая, и голос ее повышался, срывался:

– Больно, больно, лорд Макс, помогите! Пожалуйста-а-а-а-а!

По глазам полоснуло вспышкой тьмы – и его отшвырнуло назад, в стену аудитории над доской. Дверь в помещение распахнулась, упавший Тротт увидел изумленного, сверкающего щитами, сжавшего мощнейшую Ловушку Алекса. Успел усмехнуться – его ведь пришел нейтрализовывать, – когда по аудитории пронесся еще один радиальный выброс энергии, снесший обратный щит над принцессой и выбивший из Макса дыхание. Загудели, завывали старые стены университета, и от них со всех сторон к Алине хлынул такой мощный поток стихий, что ее тоже впечатало в стену – и камень вокруг от радужного марева, от плотности заворачивающейся и всасывающейся в девушку энергии начал обугливаться. Вокруг Богуславской полыхнуло тьмой и огнем так, что ее на несколько секунд перестало быть видно, – и все в одно мгновение стихло, будто в принцессе всего на секунду открылся вакуум, всосавший силы, равные резерву сотни старших магов, и схлопнулся, швырнув ее обратно на пол.

– Что происходит, Макс? – Александр, благодаря щитам оставшийся невредимым, задал банальнейший из вопросов. Отключил щелчком пальцев вопящую сигнализацию, выставил вперед руки, прикрыл глаза, чтобы ощутить, все ли в порядке с университетом.

– Сам не видишь? – огрызнулся Тротт, снова поднимаясь наверх. Его колотило – от изумления, от неослабевающей тяги подпитаться, от чужого страха и слез. От своего бессилия.

– Щиты поставил ты? – поинтересовался Александр. Макс посмотрел на спящих студентов – от его защиты осталась лишь тонкая дымка.

– Да.

Тротт застыл наверху, у принцессы: то, что он испытывал, нельзя было назвать изумлением. Это было нечто стократ сильнее – и невозможнее.

– Спасибо. – Голос Алекса слышался словно сквозь вату, а сам он, похоже, обходил студентов, проверяя их состояние. – Если бы не ты, мы имели бы мертвый первый курс университета в полном составе. А сейчас, слава богам, здоровы, скоро проснутся. Она действительно темная? Вижу ауру, но поверить не могу.

Макс потряс головой.

– Да, – повторил он глухо, глядя на Богуславскую.

Сломанная кукла с совершенно другой внешностью. Тонкие руки, аккуратные губы: верхняя – пухлой дугой, немного обнажающая передние зубы, а нижняя – тоньше, меньше, отчего выражение лица чуть обиженное и хищное. Упрямый подбородок, слишком сильно выступающий вперед, ярко выраженные скулы, высокий лоб и широко расставленные глаза.

Нос кажется маленьким. Волнистые светлые волосы, очень длинные, и сама вся тонкая, хрупкая.

Макс опустил рядом на колени, еще надеясь, что ошибся, провел рукой над телом принцессы, сканируя, все ли в порядке. И осторожно отвел пряди волос с ее лица. С очень знакомого лица, очень юного.

За спиной раздались шаги, рядом остановился Александр.

– Мне только что звонил принц-консорт, – сказал он. – Я едва успел в кабинет перейти. У них какое-то чрезвычайное происшествие, поэтому он потребовал прервать экзамен и перенести Алину Рудлог во дворец. Я уже спускался, когда почувствовал сигналку аудитории. Жива?

Макс заторможенно кивнул. В голове плескалась пустота, он никак не мог собраться с мыслями, и накатывало ощущение, что он вот-вот поймет что-то ужасающе важное.

И тут на него свалилось осознание.

Дочь королевы, из-за которой сорвался Михей. Из-за которой рухнула его собственная жизнь.

Так похожая на нее.

Сколько ей? Он никогда не интересовался, но ведь не больше семнадцати.

Темная.

Дочь Михея? Или?..

– Макс, – эхом этих мыслей, очень осторожно проговорил Александр, – ты понимаешь, откуда в семье Рудлог могла взяться темная? Понимаешь?

– Посмотри, – попросил Тротт сипло. И снова коснулся светлых волос, бледного лица, на котором виднелись почти незаметные веснушки. Повернул голову к Александру – тот чуть сощурил глаза, переходя в первый магический спектр. И покачал головой.

– Ты не ее отец, Макс.

Инляндец выдохнул и закрыл глаза, переживая невозможное облегчение и приходя в себя.

– Надо перенести принцессу в храм, а потом будить, – проговорил Сви́дерский. – Хотя... попробуй сейчас, Макс. Подпитка у нее прекратилась, в данный момент она неопасна. Сможешь? Я позвоню ее родным. Черт, только этих проблем не хватало...

– Попробую, – Тротт потянулся к вискам принцессы, закрыл глаза. И с сожалением поморщился, увидев реальность, в которой сейчас находилась Алина Рудлог. Высокий папоротниковый лес. Влажные мхи, которых не могло быть на Туре. Кислые до оскомины ягоды янёрника – их сейчас жадно срывала девушка. Ни на что не надеясь, позвал ее, потянулся всей ментальной мощью, но принцесса не слышала, не реагировала. Разорвал контакт, снова поморщившись, сильно ущипнул ее за тонкую кожу на внутренней стороне плеча – там, где больше всего. Тело дернулось, но глаза она не открыла. И он вздохнул.

– Боюсь, – сказал Тротт, – здесь ее уже не добудиться, Сань. Она не реагирует никак на сигналы. Будто тело и сознание связаны лишь функционально. И еще, Саш. Похоже, Алина Рудлог и есть та беловолосая дар-тени, которую ищут псы императора на Лортахе. Именно ее я видел в своем сне в Лакшии. Только тогда у нее были черные крылья.

Свидерский устало посмотрел на друга.

– И ничего нельзя сделать?

– Можно, – Тротт осторожно поднял Богуславскую и уложил ее на парту. Рука с тонким запястьем свесилась вниз. – Я все равно планировал ее искать. Сегодня же уйду в Нижний мир, там найду и научу, как подняться обратно. Только принцессу нужно изолировать от возможной подпитки. И меня, Алекс.

Александр еще раз представил, как будет объяснять все королевской семье, с усилием потер затылок ладонью и потянулся за телефоном – набрать своего секретаря. Но не успел – трубка завибрировала у него в руках. Свидерский посмотрел на номер, поднес аппарат к уху, выслушал собеседника.

– К сожалению, я в ближайшее время вряд ли смогу перейти к вам. Записывайте, наблюдайте, сообщите в МагКоллегию, пусть усилят вас отрядами боевых магов, и будьте осторожны. Я свяжусь с вами, как только решу текущие дела. Благодарю за информацию.

Вздохнул, отключаясь, посмотрел на Макса.

– Звонил руководитель наблюдателей за порталами в Нижний мир с помощью твоих камер, Макс. Сказал, первый раз такое. Отчитались все группы, расположенные у гор, от Милкардер до Северных пиков. Около получаса назад открылся первый портал, и с тех пор они открываются и закрываются непрерывно, друг за другом. И они все устойчивее.

– Понятно теперь, почему ее сорвало. И я чуть было к ней не присоединился, – буркнул Макс, еще раз проходясь рукой над телом Богуславской. – Хотелось бы узнать, в чем причина такой резкой активности.

– Начался конец света? – невесело предположил Алекс, набирая на телефоне номер Неуживчивой.

Макс снова приложил пальцы к вискам Алины, слушая вполуха.

– ...Проректора по воспитательной работе и кураторов всех групп в аудиторию тысяча семь, немедленно, пусть проследят за тем, как просыпаются студенты. Я не смогу ждать их пробуждения – вынужден срочно уйти во дворец вместе с лордом Троттом. Да, я проверил, со студентами все в порядке. Объясните, что стражи университета решили пошутить, усыпив весь курс, и что экзамен переносится.

– Врать нехорошо! – укоризненно прогудело со всех сторон, и ректор досадливо буркнул в воздух, отключая телефон:

– Молчите уже. В долгу не останусь.

– Да шуткуем мы, – пробубнили стены, – не понимаем нешто? Вы, главное, девоньку-то разбудите. Слышь, малец? Мы тебя не выдавали, ты отплати, постарайся уж.

– Похоже, скоро каждая собака будет знать, – с раздражением проговорил Макс, отнимая руки от висков бледной Богуславской, – кто я такой.

Пальцы путались в светлых волосах, длинных и волнистых, и непривычный облик первокурсницы тоже раздражал, царапал, как и непонятно откуда взявшееся чувство вины. И тревоги.

– Не от меня, – откликнулся Алекс, набирая номер принца-консорта. – Это я могу тебе обещать, – он отвлекся на голос в трубке. – Ваше высочество? У меня неприятные новости...

Около получаса назад, Инляндия

У подножия Холма королей во всю мощь ревели сирены. К месту взрыва неслись десятки машин – от служб спасения до автомобилей госбезопасности. Затянулось уже лазурное солнечное окно в грозовом вихре над бывшей усыпальницей, и ураган набирал силу. Фон Съедентент при первых каплях дождя накрыл место взрыва щитом, и по куполу сейчас ожесточенно секло ливнем с градом. Сверкали молнии, и гул стихии заглушал вой маячков спасательных служб.

Вики, закрывшая отошедшему королю глаза, пробормотала короткую молитву, поднялась с колен, прижалась к Мартину и так несколько мгновений стояла, словно обессилев. Затем тряхнула головой, потеряла запястьем глаза и создала Зеркало.

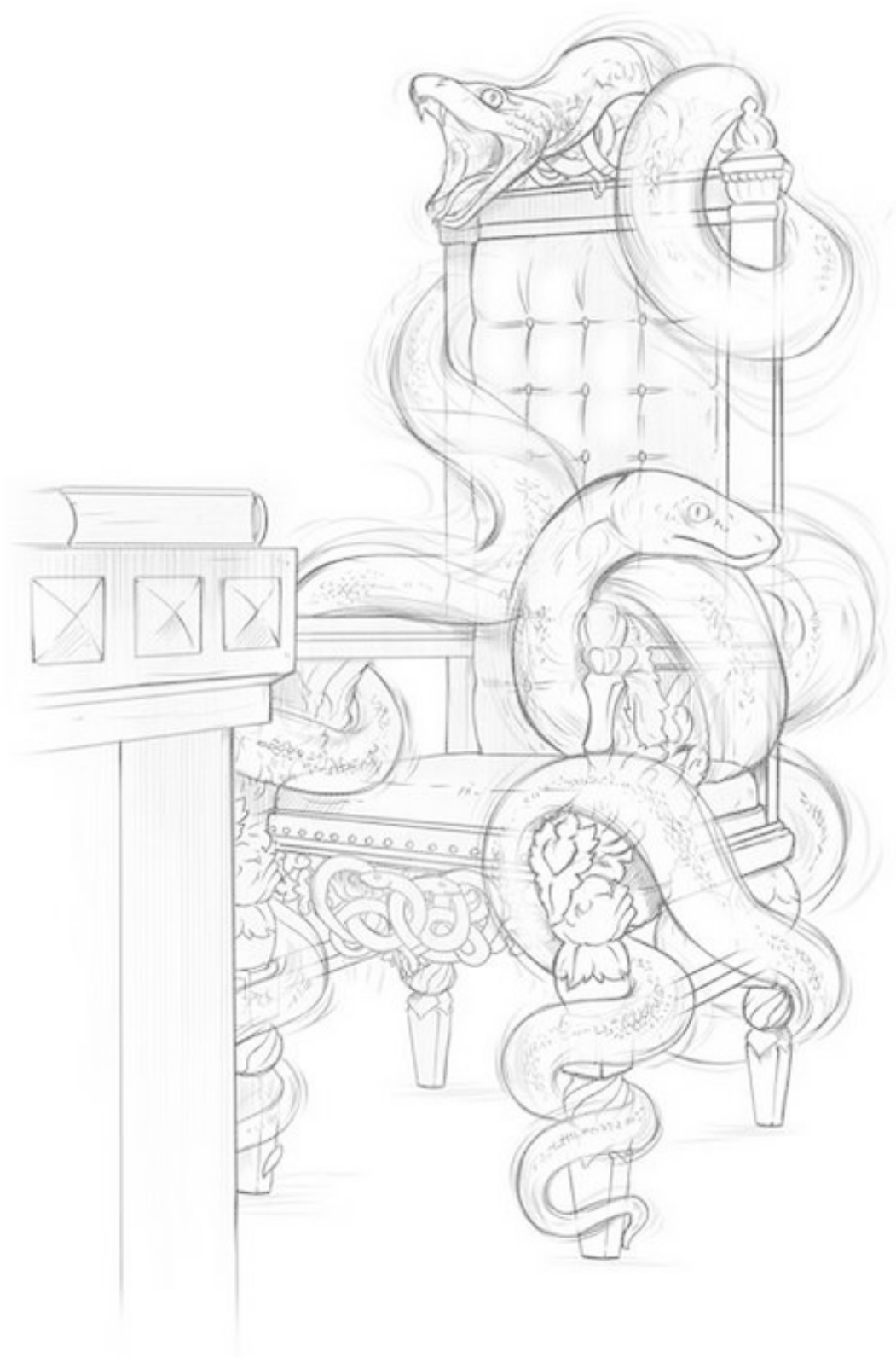
– Куда, Вик? – напряженно поинтересовался барон.

– Исполнить обещание, – откликнулась она. Блакориец не стал ее останавливать – направился туда, где раньше находился выход, чтобы встретить машины.

В королевском кабинете засверкала и налилась силой ртутная гладь перехода – и оттуда тихо ступила на натертые воском полы измазанная гарью черноволосая волшебница. Дворец был мирен и покоен, и не верилось, что хозяин этого кабинета больше не вернется сюда, не закурит сладкие сигареты, не будет диктовать указы, стоя у окна спиной к собеседнику.

Вики прерывисто вздохнула, вспомнив утреннюю свадьбу и несчастную леди Шарлотту, овдовевшую через несколько часов после обряда. К ней тоже придется прийти. Передать последние слова.

Мысли текли тяжелые, горькие; волшебница аккуратно перебирала корреспонденцию на столе, пока не наткнулась на большое увесистое письмо в сером конверте. Взяла его, повернулась к Зеркалу – и замерла, аккуратно подняв руки. На пути ее раскачивались, поднимаясь с ней вровень, две белесые, полупрозрачные в полумраке кабинета змеи-овиентис.

Овиѐнтис

- Добрый день, почтенные хранительницы, – вежливо поздоровалась Виктория и даже поклонилась, стараясь, однако, не делать резких движений.
- Недобрыйс-с-с, – горько прошипела одна, мотнув башкой.
- Мы с-с-с-с-скорбим, – вторила другая.

Только что они все (присутствовали здесь и спешно вызванный Тандаджи, и присоединившийся к нему Стрелковский со срочным отчетом о событиях в других государствах) выслушали краткий рассказ лорда Тротта о произошедшем на экзамене и дополнения от Александра Даниловича, пережив несколько минут недоверия, гнева и изумления. Василина так и вовсе возмущенно переспросила:

– Лорд Свидерский, лорд Тротт, вы утверждаете, что моя сестра – темная? Этого не может быть. У нас в семье никогда не было потомков Корвина Черного.

– Может, Василина, – вполголоса проговорила Ани. – Я об этом и хотела тебе рассказать. Нории видит ее темную ауру.

Дракон подтверждающе склонил голову, и королева растерянно осела на кровати. И на несколько секунд глаза ее сузились, пока она всматривалась в младшую сестру, – а когда вышла из оцепенения, губы ее дрожали.

– Это правда, – прошептала она. – Но... как же я раньше не видела? И кто... кто тогда ее отец?

– Думаю, – спокойно сказал Святослав Федорович, – единственный, кто способен пролить свет на этот факт, это Игорь Иванович.

Стрелковский в упор посмотрел на Макса; инляндец поджал губы, опустив глаза, и услышал:

– Ничего конкретного я сейчас, к сожалению, не могу сказать, моя госпожа.

– Про Алину ты тоже знал, отец? – тяжело поинтересовалась Василина. Святослав печально покачал головой:

– Я всегда считал ее своей дочерью.

Вцепившаяся в него Каролина начала всхлипывать, затем и вовсе разрыдалась: «А я? А я?» – спрашивала она, и после небольшой суматохи Святослав Федорович увел умываться и отпаивать успокоительным совершенно впавшую в истерику дочь – для самой младшей Рудлог событий дня оказалось чересчур много.

Пока длилась семейная сцена, Тандаджи, Стрелковский и Байдек по второму разу выслушивали Александра Даниловича и Тротта, а инляндец ощущал неприятный холодок под взглядом расположившегося в кресле дракона. Голодная тяга внутри не ослабевала, и Макс с трудом давались разговор и нахождение рядом с людьми.

Здесь он чувствовал себя душно и неудобно: слишком много рядом полыхало огня, слишком внимательно следил за ним красноволосый Владыка, да и спальня была маленькой для такого количества народа. С настоящей принцессиной кроватью: рюши на атласном белом покрывале, резные изогнутые ножки, балдахин на четырех столбах, лепные птички-веточки на стенах и очень девичий будуар. Домашнее платье, небрежно брошенное на спинку стула, и смешные тапочки с шелковыми цветами на носках у порога. И внезапно среди этого бело-розового великолепия – тяжелый рабочий стол и перед ним на стене – множество формул, изречения знаменитых философов, магов и ученых; высокие книжные полки у стола, сплошь забитые не художественной, а научной литературой. Книги везде: на подоконнике, на стульях, на прикроватной тумбочке – там Макс узрел и собственную монографию о стимулятивных растениях с целым ворохом разноцветных закладок, и биографию с полным сборником научных статей. Дернул краешком губ то ли от удивления, то ли в усмешке, отвернулся.

– Лорд Тротт имеет опыт взаимодействия с темными, в том числе и с активными темными, он, как вы знаете, один из сильнейших менталистов мира, – повторил Александр, немного повысив голос, – на этих словах к нему повернулись все присутствующие в комнате. – Он полагает, что в состоянии вернуть вашу сестру, ваше высочество.

– Но что с ней? – Василина нервно сжала руки. – Отчего произошел этот... срыв? Страшно подумать, что было бы, не окажись рядом с ней вас, лорд Тротт.

Инляндец мрачно кивнул, пропуская мимо ушей очередную благодарность. Он думал о том, что когда-то Михей непроизвольно воздействовал на него – ведь именно с ним рядом начались кошмары, и Макс, не осознавая этого, тянул энергию из окружающих людей и магических предметов. И уже после изучения доступной про потомков Черного жреца информации стало понятно, что сильный темный способствует инициации соплеменников. Не стал ли он, Макс, несмотря на тщательное подавление темной крови и сокрытие ауры тем самым фактором, что пробудил сущность Алины Рудлог? Нет ли и в этом его вины?

Но вслух Тротт сказал:

– Мы полагаем, что причина кроется в открытии грандиозного числа порталов, ваше величество, которое началось во время экзамена и, как я понимаю, продолжается до сих пор. А вот что послужило причиной такого резкого массового пробоя между мирами... что-то на Туре изменилось, что-то произошло... вероятно, причина станет известна позднее.

– Причина уже известна, – губы королевы задрожали, и она вздохнула, снова пытаясь успокоиться.

– Сегодня около двух часов дня произошел взрыв в усыпальнице Белых королей в Инляндии, – пояснил принц-консорт, бросая тревожный взгляд на супругу. – Погибли и Луциус Инландер, и Гюнтер Блакори, и их наследники. Также убиты наследницы царицы Иппоталии. Могло это спровоцировать появление порталов?

– Скорее всего, это и спровоцировало, – Макс встретился глазами с Алексом, коснулся сигнальных нитей Вики и Мартина, и друг повторил его движение, успокоенно отняв пальцы от запястья. И, словно услышав их безмолвный диалог, в разговор, испуганно вздохнув, вмешалась Марина:

– Александр Данилович, с Мартином... бароном фон Съедентентом ведь все в порядке?

– Он жив, ваше высочество.

– Ваша светлость, – поправила она и скривила губы, повертев браслетом на запястье. – Спасибо, Александр Данилович. Слава богам! Слава богам...

Взглядом герцога Дармоншира можно было резать сталь.

– Почему нам не обратиться к Хань Ши? – поинтересовалась Ангелина. – Сильнее его на Туре нет менталиста.

– Безусловно, – согласился Тротт. – Но ваша сестра – темная. При плотном ментальном контакте она может присосаться к императору. Или к любому другому менталисту... или к ее величеству... Не нужно рисковать и провоцировать новый срыв.

– А вы не спровоцируете? – осведомился Тандаджи словно с легкой небрежностью. – Почему, лорд Тротт?

Макс замолчал, снова остро ощущая взгляд дракона.

– Я умею защищаться, полковник.

– И вы уверены, что простое перемещение на храмовые земли и соответствующий обряд не помогут? – тем же небрежным тоном продолжал допытываться тидусс.

– Не помогут, полковник, – ледяным голосом ответил природник.

– Как вы можете быть уверены? – не отступал Тандаджи.

– Полковник, – с раздражением вмешалась королева. – Что вас смущает? Если профессор Тротт готов нам помочь, считаю, нужно хвататься за эту помощь.

Тандаджи склонил голову, отступая.

– Профессор, – продолжала Василина, – нынешнее состояние Алины может быть как-то связано с ее кошмарами?

– Какими кошмарами, ваше величество? – напряженно поинтересовался Тротт.

– У нее уже бывали случаи, когда она с трудом просыпалась. – Королева опять всхлинула, Ангелина сжала руки на ее плечах, и Василина с благодарностью посмотрела на старшую сестру. – Алина рассказывала, что ей снятся повторяющиеся сны: какой-то папоротниковый

гигантский лес, тха-охонги, пауки. Мы думали, это от переутомления и что Алина впечатлилась записью появления тха-охонга с моего дня рождения. Агент Тандаджи, друг Алины, докладывал, что при нем она тоже проваливалась в кошмар.

Тидусс кивнул, цепко глядя на Макса. И снова пошел в наступление:

– Вы можете как-то объяснить эти кошмары, лорд Тротт?

Инляндец бросил быстрый взгляд на Богуславскую. Вспомнил, как лежала она так же, обессиленная, со следами слез на лице после того, как он ментально взломал ее. Помолчал, принимая решение. Все равно придется рассказывать о готовящемся прорыве, о богах Лортаха и армии императора. Не ему, так Александру. И тот же Тандаджи с его дотошностью вполне способен сложить два и два. Особенно если Стрелковский, с нехорошим подозрением разглядывающий Макса, все же расскажет тидуссу, что случилось чуть больше семнадцати лет назад.

– Могу, – наконец решился Тротт, – если мне дадут гарантии безопасности и обещание молчать о той части информации, которая касается меня.

– Вы понимаете, кому выставляете условия? – словно у сумасшедшего поинтересовался Тандаджи. Байдек тоже взирал с сомнением.

– Ох, да прекратите, полковник, – с сердцем бросила Василина. – Алина сейчас важнее всего, что бы там ни было. Лорд Тротт, даю вам слово: ничего из того, что услышано здесь, на моей земле, не будет использовано против вас. Надеюсь, – она обвела взглядом присутствующих, – все понимают, что я имею право говорить от имени всех.

Владыка кивнул, и лорд Дармоншир, глаза которого горели азартом, тоже поспешно склонил голову.

– Спасибо, ваше величество, – Макс ощутил холодок внутри. – Вы правы, эти кошмары связаны с нынешним состоянием вашей сестры. Сейчас она видит то же самое, но это не кошмар, это иная реальность. Нижний мир, из которого к нам приходят чудовища, про массовый прорыв которых написано в предсказаниях. Подробнее вам обо всем расскажет Александр Данилович. Темные иногда попадают туда... во снах. И очень редко в Нижний мир переносятся их дух.

По мере того как Макс говорил, лица присутствующих становились все напряженнее.

– И откуда вам это известно, лорд Тротт? – почти ласково поинтересовался Тандаджи. Инляндец поджал губы и заговорил, не обращая внимания на предостерегающе дернувшегo к нему Алекса.

– Потому что я сам темный, господин Тандаджи.

Со стороны сестер Рудлог раздался дружный злой и испуганный вздох – и там засверкало, засияло щитами, и ярость плеснула так, что Макса почти обожгло. Принц-консорт как-то мгновенно переместился к кровати, полуприкрыв телом королеву. Лицо тидусса удовлетворенно просветлело.

– Нелегалizedованный, – проговорил он и выпрямился, заведя руки за спину. Стрелковский воспринял новость почти без удивления. Чуть морщил лоб, словно складывал что-то в голове, – и легкое недоумение на его лице сменялось уважением.

– Совершенно верно, – сухо подтвердил Тротт. – Единственный, кто может вывести принцессу оттуда. – Он повернулся к королеве, которая смотрела на него с ужасом. – И я очень посоветовал бы не терять время, ваше величество.

Василина мотнула головой и закрыла лицо руками, тяжело дыша.

– Вы должны понять нас, лорд Тротт, – пришла на помощь сестре Ангелина. Щиты вокруг нее, впрочем, сияли не менее ярко, чем вокруг королевы. – Все темные, с которыми сталкивалась наша семья, были чудовищами. Как мы можем верить вам? Александр Данилович, как вы могли принять в университет нелегалizedованного темного?

– Лорд Тротт – мой друг и достойнейший человек, – отчеканил Свидерский жестко. Сразу вспомнилось, что он служил в армии. – Я мог бы сказать, что верю ему, как себе, но этого не

требуется: за него говорят его репутация, опыт и биография. Вы ставите ему в вину его кровь – но не кровь делает чудовищем. Я понимаю вас, ваше величество, но лорд Тротт столько раз приходил на помощь дому Рудлог, что предубеждение против него несправедливо с вашей стороны. Уж простите меня, моя госпожа, за прямоту.

Он выглядел сейчас молодым мужчиной, и голос его был молод, но всем казалось, что их отчитывает человек гораздо старше большинства присутствующих.

– Спасибо, Саша, – Макс едва заметно улыбнулся. – Ваше величество, времени на раздумья нет. Сколько потребуется на возвращение Богус... принцессы, я не могу сказать. Возможно, несколько дней, а может, недели или месяцы. Время в Нижнем мире течет иначе. И чем быстрее я там окажусь, тем лучше.

Королева тяжело выдохнула в ладони, отняла их от лица и взглянула на инляндца покрасневшими глазами.

– Лорд Тротт, – сказала она просто, – вы правы, и простите нам эту сцену. Мне все равно, кто вы, и никто не выдаст вашей тайны. Полковник?

– Да, ваше величество, – смиренно пробубнил Тандаджи.

– Профессор, дом Рудлог будет перед вами в долгу, и вы сможете взять любую награду, какую захотите. Только верните Алину.

– Я приложу все усилия, – пообещал Макс сухо. – Прежде всего нужно обезопасить окружающих от вашей сестры. – Королева нахмурилась. – Есть опасность, что, проснувшись после длительного сна, она снова начнет поглощать чужую энергию. Желательно перенести ее в изолированное место. Идеально – в храм Триединого или на храмовые земли. И накрыть мощными щитами. Я бы хотел находиться рядом.

– Можно разместить ее высочество и лорда Тротта на территории монастыря в Песочном, у побережья, – включился в беседу Свидерский.

– Там, где сейчас Катя? – подала голос Марина.

– Да, ваша светлость, – откликнулся ректор МагУниверситета.

– Я поняла вас, – со вздохом проговорила Василина. – Так и поступим.

– И необходимо подключить ее к системе жизнеобеспечения, – так же сухо продолжил Тротт. – Иначе, если процесс возвращения займет больше недели, она просто умрет от истощения. Мне тоже понадобится поддержка такой системы.

Королева взглянула на Тандаджи, тот кивнул.

– Медиков, охрану и размещение на храмовых землях для обоих мы сейчас же обеспечим, ваше величество.

– Тогда я, с вашего позволения, возьму из лаборатории необходимые препараты и вернусь. И еще, – Тротт поколебался. – Для поиска... для успешного поиска мне нужна ее кровь. Понюхать, попробовать. Хотя бы каплю, ваше величество. Клянусь, что это только для поиска. Кровный поиск самый надежный.

– Хорошо, – сказала Василина глухо. Погладила Алинку по волосам и встала, расправив плечи. – Приступим немедленно. Ани, я распоряжусь, чтобы вещи Каролины и отца собрали и отправили к вам. Им лучше сейчас же перейти с вами в Истаил. Марина?..

Ее светлость герцогиня Дармоншир подняла глаза на сестру – та смотрела выжидающе, словно говоря: «Ты можешь остаться». Марина перевела взгляд на Алину, вздохнула – и посмотрела на Люка, который так напрягся, будто готов был прямо сейчас броситься к ней и унести, пробиваясь сквозь охрану и все гвардейские отряды.

– Что же, – новобрачная тоже поднялась, потерла щеку и запястье над брачным браслетом. Глаза ее отчаянно блеснули. – День свадьбы получился перенасыщен событиями, но жена должна быть рядом с мужем, правда? Пора идти наслаждаться новым статусом. Василина, не беспокойся за меня. Ты права: Алинка сейчас – главное. А я загляну в свои покои. Прикажу

собрать вещи и переправить в замок Вейн. Заберу Боба, ну и заодно поинтересуюсь, вдруг моя горничная всегда мечтала принять инляндское гражданство.

Она наклонилась и ласково поцеловала Алинку в щеку.

– И все-таки, – в голосе третьей Рудлог звучала грустная нежность, – какой же она красивой выросла, правда?

Профессор Тротт, вернувшись в свой дом, прихватил несколько бутылок с тоником, иньекторы с антидемоническим репеллентом и еще несколько препаратов – на всякий случай. Покурил, проверил щиты – и перед выходом взял телефон и набрал Мартина. Чтобы не тревожиться там, внизу.

Блакориец ответил не сразу. А когда в трубке щелкнуло и он заговорил, голос прозвучал непривычно серьезно и тяжело.

– Я не могу сейчас долго говорить, Макс, – тихо объяснил Мартин. – Мы с Вики в отделе безопасности Инляндии.

– Помощь нужна? – осведомился Тротт.

– Нет. Мы здесь как свидетели. Жду Вику, ее допрашивают сейчас... Взрыв случился, Макс. На церемонии прощания. Двух королевских домов больше нет. Подчистую. И большей части старшей аристократии...

– Я уже в курсе, Март. Хорошо, что вы с Вики живы.

Мартин словно не слышал его:

– Похоже, что в саркофаге покойной королевы была заложена взрывчатка... и очень много, Макс, очень много... на Гюнтере моя защита стояла, а ты знаешь, что это такое, да и сам он не мальчик, как и Луциус... но все из семьи находились слишком близко к саркофагу, взрыв произошел внутри контуров щитов.

Барон помолчал, выругался:

– Я на Вику сразу набросил щит... виню себя, конечно, но на его величестве ведь и так моя защита была. И все равно не помогло. Но... черт... если бы догадался поплотнее, капсульный сделать... по контуру тела...

– Ты же не телепат, Март.

– Должен был, Малыш, должен! – с болью возразил блакориец. – Никто бы не смог... но если бы я догадался! Да что уже сейчас говорить... удивляет не то, что все погибли, Макс. А то, что Луциус еще после этого прожил около десяти минут. Остальных всех в клочья. А этот... какая силища, Макс, какая кровь... черт... мальчишки у Гюнтера еще совсем дети были. Зачем это?

– Вспомни предсказание, Март.

– Думаешь, началось?

– Знаю. Саше звонили с наблюдательных пунктов. Порталы стали открываться массово. Теперь понятно, с чем это связано. Полагаю, что до прорывов осталось совсем немного. Поставьте с Саней в известность власти, Март.

– А ты?

– А я вниз. Саша тебе все расскажет. Увидимся, Март.

«Надеюсь, что увидимся», – добавил он мысленно.

Еще через час в комнате скромного монастырского домика расположились двое: спящая девушка со светлыми волнистыми волосами и рыжеволосый маг. Макс, наблюдая, как заносят медицинское оборудование, располагают вокруг кроватей, сканировал Алину Рудлог: нет ли проблем с жизненной энергией, не изменилось ли что в ее состоянии. Волосы принцессы были чуть влажными: пока он отсутствовал, ее пытались разбудить ледяной водой. Находились здесь и королева с мужем, и начальник разведуправления, и ректор МагУниверситета Александр

Свидерский. Макс подождал, пока выйдет охрана, и с молчаливого согласия королевы уколол палец Алины иглой, коснулся выступившей капли крови, растер, понюхал, потрогал языком, прикрыв глаза. И кивнул.

– Я запомнил ее, ваше величество. Сейчас я прошу всех уйти и в ближайшие два часа не появляться. Капельницы и медицинское оборудование пусть подключат через сутки, если мы не проснемся. Саша, когда все выйдут, закрой нас щитами. И чем реже под них будут заходить, тем лучше.

Затих хруст снега под ногами уходящих. Алекс ушел последним, ободряюще похлопав друга по плечу. И Макс, подождав, пока их с Алиной накроют плотные купола щитов, лег на кровать.

От принцессы шло ровное тепло, перебивающее холодное дыхание темной ауры, и волны этого тепла убаюкивали. За окнами темнело, в стекла тихо стучали снежинки, и Макс, облизнув губы, на которых еще чувствовался вкус крови, закрыл глаза и ушел в Нижний мир.

Глава 5

26 января, четверг

Марина

Я недолго пробыла в своих покоях. Казалось бы, только утром я еще чувствовала здесь все родным, знакомым – а сейчас гостиная ощущалась пустой и холодной. Я уже была чужой этому месту. И даже Боб, лениво и радостно гавкнувший с лежанки, не сгладил это впечатление.

Мария, верная моя наперсница, даже лицом не дрогнула, узнав, что я переезжаю в Дармоншир, увидев брачный браслет на моем запястье и Люка, конвоирующего меня. Поздравила, как полагается, немного смущаясь и романтично вздыхая. А на предложение поехать со мной подумала и заявила:

– С радостью, ваша светлость. Вы же поднимете мне жалованье?

Клянусь, если бы она начала заверять меня в безграничной верности и обожании, я бы крепко задумалась. Подобная практичность как-то успокаивала.

– Конечно, – ответила я самым благодным и нежным тоном, – его светлость, мой муж, положит вам двойное. Он никогда не отказывает женщинам.

Марии хватило ума проигнорировать мой укол профессиональной улыбкой, а я почувствовала жгучий стыд. Что бы там ни было, негоже выставлять проблемы в отношениях перед слугами.

«Сначала думать, потом говорить, Марина. Думать. Думать».

Как будто это так легко. Я с шестнадцати лет твержу это себе каждый день. Кому-то боги дали сдержанности с избытком, как Ангелине, а у меня она набирается в год по капле и только путем невероятных усилий и самоконтроля.

Кембритч невозмутимо опустился в кресло, повертел головой словно в поисках чего-то и вытащил из кармана пачку сигарет и зажигалку. Увидел мой свирепый взгляд...

– Извини, – сказал хрипло и спрятал сигареты обратно.

Я, почти оскалившись, зябко повела плечами, отвернулась, трясущейся рукой открыла дверь и поспешила скрыться в спальне. Никотиновая ломка во всей красе.

Спальня встретила меня той же тишиной и отстраненностью, и я сняла украшения и платье, оставив его красным пятном на кровати, и тяжело опустилась на постель. Взгляд мой упал на мешочек с иглами – и тут как молнией ударило осознание, что, не спаси меня Люк сегодня, я бы убила не только себя и ребенка, но и Полю.

О, боги.

Я обхватила плечи руками и застонала сквозь зубы.

Я чудовище.

Кажется, я никогда себя так не ненавидела.

Я вяло поднялась, пошла к гардеробу – выбирать более спокойный наряд... по путиглянула в зеркало: живот был совсем плоским.

«А с чего он будет не плоским? Если зачатие произошло не больше двух недель назад?»

На бедрах еще виднелись следы крепких пальцев Люка, оставшиеся с выходных... и я, перебирая платья на плечиках, почувствовала такое отчаяние, что уткнулась лицом в одежду и застыла, пытаясь не заплакать. В глазах помутилось от острого чувства вины, от остаточного страха, от усталости, от горечи и разочарования. Как-то внезапно я потеряла контроль над жизнью и над собой.

Очнулась я от звука голосов за дверью. Скоро и сюда придут складывать вещи. Я быстро надела темно-синее платье, удобные туфли и, прихватив мешочек с иглами, вышла в гостиную.

Мария развила сокрушающую скорость, вызвав на помощь не менее десятка слуг, благо они все были связаны магдоговором о молчании. Но это не мешало им бросать на меня взволнованные и любопытствующие взгляды. Ну и пусть. Хотя больше всего мне сейчас хотелось оказаться подальше от людей, забиться в какую-нибудь нору и там прожить лет сто. Но я светски улыбнулась Люку, подозвала Боба, потрепав подросшего пса по холке, и направилась к двери. Так мы и прошли в телепорт: я, мой муж и пес, которого он мне подарил.

У портала нас встречал Ирвинс. На лице его выразилась чудная смесь облегчения и некоторой опаски, и дворецкий, поклонившись, объявил:

– Слуги готовы к представлению, моя госпожа, милорд.

Ирвинс нахмурился, бросил быстрый взгляд в сторону выхода из зала телепорта – и там раздался шорох, спешные шаги вниз по лестнице. Боб, радостно гавкнув, сорвался с места и понесся за убегающим, кем бы этот бедняга ни был. Люк тоже посмотрел на двери, хмыкнул:

– Вы научились предугадывать мои приказы, Ирвинс?

– Стараюсь, мой господин, – скромно склонил голову пожилой слуга.

– Вы поспешили, Ирвинс. Марина, – Кембритч сжал мою руку, и мне пришлось поднять на него глаза, – предлагаю отложить представление слуг на завтра.

– Спасибо, – проговорила я ровно. Лицо Ирвинса теперь выражало огорчение, но для еще одного длительного публичного действия я слишком устала.

– Оставьте телепорт рабочим, – продолжил Люк, – и вызовите помощников – сейчас сюда начнут переносить вещи ее светлости. Их нужно разместить в наших семейных покоях.

– Все сделаю, милорд.

– Где матушка, Ирвинс?

– У себя, ваша светлость. Приказала ее не беспокоить.

– А Леймин?

– Ждет, пока вы его вызовете, милорд.

– Понятно. Ужин на двоих в мои комнаты. Сегодня мы с супругой останемся там, пока семейные покои не приведут в порядок.

Люк кивнул и направился к лестнице, уводя меня за собой. Я механически шагала следом, пока не запнулась и не выругалась самым неблагородным образом. Только тогда он чуть сбавил шаг.

– Я не хочу тебя оставлять, – сказал Кембритч, когда мы подошли к его покоям. Галантно открыл передо мной дверь. Я смотрела на стены, на пол – не на него. – Но мне нужно провести мать. У нее сегодня... погиб на Холме королей очень близкий человек. Затем я вернусь.

– В этом нет необходимости, – сухо ответила я, переступая через порог.

– Не глупи, Марина, – Люк взял меня за плечо, развернул, придержал, потому что я дернулась отодвинуться. Закрыв дверь. – Мы должны спать в одной кровати. Хотя бы сегодня. Ты

же не хочешь, чтобы слуги шептались, что брак не консумирован? И потом очень удивлялись твоей беременностью?

– Как удобно, – процедила я ядовито. – Как удобно всю жизнь игнорировать правила приличия, но использовать их сейчас, чтобы манипулировать мной. А то, что они будут шептаться о том, что ты привел сюда жену при любовнице, ты не подумал?

– Она мне не любовница, Марина, – со взбесившим меня терпением повторил Люк. – И уедет сразу, как поправится. У нее сильное обморожение.

Я рвано вздохнула и до боли сжала кулаки. Так она еще здесь?!

– Плевать. Ты с ней спал! – крикнула я.

– Это было давно.

– Когда? Месяц назад? Два? – презрительно бросила я и по вспыхнувшей в его глазах вине поняла, что, кажется, попала в точку. И снова дернула плечом: – Не прикасайся ко мне!

– Марина, – Люк пытался говорить спокойно, но дыхание его утяжелилось, став нервным. – Мне нужна только ты. Разве ты не знаешь?

– Знаю, – прошипела я, сбрасывая наконец-то его руку. Схватила его за волосы на затылке, приблизилась почти вплотную и проговорила яростно ему в лицо: – Но дело в том, Люк, что я безумная собственница. Твой чертов язык, твоё тело, губы, – я переместила ладонь на его губы, вжала с силой, – все должно принадлежать мне. Тогда и я твоя. Полностью. А если ты допускаешь к ним еще кого-то – ты мне не нужен. Убирайся!

Я оттолкнула его – очень унижительно, прямо в лицо. Ладонь скользнула по губам, голова мотнулась назад, и Люк перехватил мою руку, стиснул. Не больно, но чувствительно.

– Не нужно так со мной, Марина, – сказал он тихо. Я похолодела: зрачки его стали вертикальными, змеиными, и во рту мелькнули и исчезли клыки. Кембридж глубоко вздохнул, продолжил хрипло, немного шипяще: – Ты забыла: мое имя не Боб. Меня зовут Люк. Я вернусь сюда, и ты поужинаешь со мной. И потом мы ляжем в постель. Я не трону тебя сегодня, обещаю, но я обязан защитить тебя и ребенка от сплетен. Их и так будет достаточно. А завтра ты можешь переехать в семейные покои. По инляндской традиции мы можем жить отдельно, и я дам тебе эту возможность. Пока дам.

Он снова втянул ноздрями воздух, шагнул вперед, сжав меня за второе предплечье, уже до боли, и, коснувшись губами моей шеи, вдохнул глубоко. Я застыла – потому что сейчас почувствовала, как он чудовищно силен и с каким трудом пытается успокоиться. Мелькнула мысль ударить его, и по рукам уже потекло обжигающее пламя, но я стояла прямо, не дыша, словно сдерживаемая каким-то высшим инстинктом. И Люк, постояв так немного, потершись щекой о мои волосы, отступил, с трудом разжав пальцы, погладил сразу занывшую кожу.

– Я признаю твое право на обиду, – продолжил он уже нормальным голосом. – Я виноват, я оскорбил тебя и сделаю все, чтобы ты снова стала моей. Но никогда, детка, никогда больше не смей обращаться со мной как с лакеем.

Он ушел, оставив меня дрожащей от ярости, злого возбуждения и ошеломления. Кажется, сегодня мы оба поняли, что совсем не знаем друг друга.

* * *

Леди Шарлотта направилась к своим покоям в замке Вейн, как только закончились сердечные прощания с гостями и высокая делегация в сопровождении Люка и его молодой жены ушла в сторону телепорта. Что бы ни было, хоть небо падай на землю, а этикет и умение держать себя в высшем обществе никто не отменял. Графиня, оставив младших детей пить чай в гостиной, шла по длинным коридорам дворца ровно, стараясь не торопиться, сдержанно кивала в ответ на книксены служанок и поклоны слуг – и чувствовала себя так, будто несет тяжелый

кувшин, полный едкого и плотного, как ртуть, готового перелиться через край горя. Стоит только чуть дрогнуть...

Луциус же наверняка знал, все знал. Сейчас вставали одна к одной все недомолвки и оговорки, и его спешка, и отчаянная страсть, и тоска в голубых глазах, и вина там же.

Одного он так и не узнал – что она его простила. Хотя наверняка понял.

Леди Лотта поднималась по лестнице, сжимая перила до белизны в пальцах и думая, что нужно принять успокоительное, потому что так сердце не болело никогда, и снотворное, чтобы заснуть, а дальше будет легче, лучше... но, зайдя в свои покои, она не стала включать свет в спальне. Та была полна бесцветного серого сумрака. Графиня подошла к окну, глядя на бьющие в стекло косые струи бешеного ливня, приложила к стеклу ладонь и надолго замерла. Серо было за окном, серо в спальне, серо и бесцветно внутри. Душа выцвела в одно мгновение – когда прозвучали слова о смерти Луциуса Инландера.

Любимого. Ненавидимого. Единственного.

Леди Шарлотта простояла так, наверное, вечность и, задохнувшись, когда ее обняли знакомые руки, прижали к себе, всхлипнула – сон, дурной сон! – и развернулась. И наконец-то заплакала.

Это был Люк.

Он молчал, сжимая крепко, болезненно вздыхая, – выросший, любящий ее сын. До боли любимый, к стыду ее, гораздо больше, чем Берни и Рита. Растерянный, и потерянный, и не знающий, что делать сейчас, и, вероятно, страшно опасющийся материнских слез, но пришедший сюда.

– Мне жаль, – бормотал он. – Жаль.

– Я не верю, – повторяла она. – Не могу поверить. Не верю!

И Люк снова растерянно проговаривал:

– Мне жаль. Жаль, мам.

Она горько улыбалась сквозь слезы и никак не могла остановиться: плакала, вспоминая сегодняшнее утро, и свое недоверчивое короткое счастье, и как не хотел Луциус уходить. Чувствовал же. Наверняка. Или точно знал?

Проклятая корона дважды забрала его у нее.

Все когда-нибудь кончается. И самые горькие слезы тоже. И силы. Леди Лотта, ослабев, почти повисла на сыне, и тот аккуратно усадил ее в кресло, налил воды.

– Оставайся здесь, матушка, – сказал он глухо. – Я не хочу, чтобы ты была одна. Прикажу Маргарете тоже остаться.

– Нет, – твердо ответила леди Шарлотта, хотя она так обессилела, что даже говорить было трудно. – Мне нужно попрощаться... увидеть все своими глазами. Я уйду в Лаунвайт и доеду до Холма королей. А потом... мне необходимо помолиться, Люк, побыть в одиночестве. Но я вернусь сюда. Больше мне там делать нечего.

– Я отвезу тебя, – Люк принял опустевший стакан, поставил его на тумбу.

– Нет, – еще тверже сказала мать. – Я возьму Берни. Ты должен быть с женой. Что ты еще там натворил, Лукас Бенедикт?

– Ох, мам, – сказал он хрипло, очень знакомым виноватым взглядом посмотрел на нее и склонил голову. И леди Лотта, снова задохнувшись от горя, встала, погладила его по волосам и мягко толкнула к двери.

– Иди, Люк. Иди. Я справлюсь, сынок.

Холм королей был оцеплен, освещен прожекторами, и снизу, от дороги, было видно, как копошатся там люди, подъезжают машины следователей и медиков, подлетают листолеты спецслужб, как грузят найденные останки в спецавтомобили. Ураган рассеивался морозящим

туманом, и водяная дымка, подсвеченная прожекторами, окутывала холм огромным сияющим куполом.

Леди Лотта, в плаще, темном платке и полумаске, покинув машину, где остался недоумевающий и встревоженный Берни, молча смотрела наверх – на белоснежные осколки, которыми был теперь усеян холм, и руины, в которые превратилась ранее потрясающая своей величием усыпальница. У линии оцепления графиня оказалась не одна: помимо зевак и возбужденных журналистов, здесь собрались родные и близкие погибших, тихие, потрясенные. Те, кому повезло не присутствовать на церемонии. Большинство тоже было в полумасках. То и дело к кому-то из них подсакивал какой-нибудь бойкий репортер, совал в лицо микрофон, пытаясь вытянуть хотя бы пару слов. От журналистов отворачивались.

– Чудовищная трагедия, – патетично восклицала в камеру ведущая одного из центральных каналов, – страна погрузилась в скорбь. Глава Управления безопасности лорд Розенфорд подтвердил гибель всех членов королевских семей Инляндии и Блатории за исключением княгини Форштадтской, из-за болезни не присутствовавшей на церемонии. Поиски исполнителей и заказчиков этого беспрецедентного преступления будут вестись до определения каждого участника... Как мы уже знаем, трагедия произошла и на Маль-Серене. Взрыв был и в Рудлоге, и только по счастливой случайности никто не пострадал. Пока официально не заявлено о связи этих трех терактов. Когда состоятся похороны его величества и членов королевской семьи, сейчас неизвестно. После похорон и положенных дней траура состоится процедура божественного венчания на правление нового короля Инляндии из оставшихся аристократов первой крови... Сейчас начата работа по опознанию останков...

Из-за сверкания проблесковых маячков и вспышек фотокамер, выкриков журналистов, рева машин, взволнованных, пропитанных базарным любопытством шепотков зевак, горестного молчания родных и плотной пелены мороси стало не хватать кислорода, и леди Лотта, покачнувшись, упала бы на грязный асфальт, если бы ее не подхватил младший сын. Он неслышно вышел из машины и стоял сзади. И отвез домой, и долго сидел рядом, ни о чем не спрашивая и ухаживая за матерью, пока не убедился, что она приняла успокоительное и пошла спать.

Как быстро летит время, забирая то, что дорого. Вот и маленький Берни стал мужчиной, и его детство осталось позади.

Леди Лотта подождала, пока сын уйдет в свои комнаты, и направилась в часовню, переодевшись в темно-фиолетовое платье. Вдовьи цвета.

А незадолго до полуночи в часовне появилась придворный маг Инляндии леди Виктория. Вся посеревшая, выглядевшая старше, чем обычно, с красными от недосыпа глазами. Она тоже еле держалась на ногах. Извинилась за поздний визит, облизнула сухие губы и попросила выслушать ее. И рассказала обо всем, что случилось под круглыми сводами усыпальницы. И о последних словах его величества.

– Простите, что не уберегла, – совсем тихо завершила придворный маг свой рассказ. Леди Лотта слушала ее, склонив голову.

– Если он не смог себя уберечь, то и вы бы не смогли, – графиня вытерла тонким платком снова полившие слезы и горько улыбнулась. – Вы не представляете, сколько в нем было мощи.

– Представляю, – прошептала волшебница. Глаза ее болезненно поблескивали в свете свечей. Маленькая часовня подавляла тишиной, и громко говорить казалось святотатством. – Леди Шарлотта... вы законная супруга его величества. Я могу свидетельствовать об этом, если вы пожелаете получить полагающиеся вам статус и привилегии. Уверена, его величество настаивал бы именно на таком решении.

– Он умел настаивать, – согласилась леди Лотта все с той же горькой улыбкой. – Но что мне может быть нужно, когда его нет? Пусть тайна остается тайной. Спасибо вам.

Вики покачала головой, взяла ледяные руки леди Шарлотты в свои, поцеловала их.

– Простите, – прошептала она снова. – Если я могу что-то сделать для вас... хотя бы дать сейчас здоровый целебный сон... пожалуйста...

– Нет, – непреклонно ответила леди Лотта. – Пусть никто не знает и не узнает. Но я должна проводить его, как положено жене.

Люк Дармоншир

Дым поднимался под потолок герцогского кабинета и тек в сторону открытого окна. В помещении было холодно, но его светлость курил одну сигарету за другой, ощущая непривычную растерянность, и не спешил закрыть створки.

Нужно было подняться и идти к Марине, но Люк все думал, пытаясь найти тот самый верный подход, тот идеальный вариант поведения, который сможет выправить ситуацию. Только бы не сделать еще хуже, как сегодня после возвращения из дворца Рудлог. Терпение, Люк, терпение и спокойствие. Все-таки ты счастливчик: Марина, несмотря ни на что, дала обеты, и она здесь, не осталась в Рудлоге. Теперь все зависит от тебя.

Герцог пробовал отвлечься. Только что из кабинета вышел Леймин – после доклада по взрыву в усыпальнице Инландеров. Погибли главы почти всех высших семей. У кого-то остались в живых дети, у кого-то – внуки или племянники. Из действующих герцогов живы только он, Дармоншир, старик Ливенсоуз, слегший с приступом подагры, и Таммингтон, попросту опоздавший из-за забарахлившего телепорта. И последнему Люк был искренне рад.

– Софи Руфин пришла в сознание, – сообщил старик в конце разговора, неодобрительно вращая глазами. – Как я и говорил ранее, врач и виталист на восстановление дают не менее недели. Чудо, что она не лишилась рук. Но в медблоке замка есть все необходимые препараты и условия для ее восстановления. Дом для нее тоже готов. С детьми сейчас няня, они очень испуганы и подавлены.

– Слуги болтают? – кисло осведомился Люк.

– Легенды уже рассказывают, – буркнул Жак. – Внутри замка-то болтать не запретишь. Все считают, что супруга застала вас с любовницей и устроила скандал. И то, что вы эту... женщину не удалили сразу же, чести вам не делает, ваша светлость.

– Да нельзя, – тоскливо сказал Люк, и Леймин понимающе кивнул, – в любой больнице сразу заинтересуются, откуда пострадавшая с такими повреждениями, доложат в полицию. Нужно избежать даже малой вероятности скандала. Это не говоря о том, что Софи могут искать, чтобы убрать и присвоить «Поло». И... случившееся – моя вина, Леймин. Я обещал ей защиту. Так что, как выздоровеет, переправим в подготовленный дом. А пока придется лечить ее здесь.

– Что-то вы... не учли, милорд, – старый безопасник явно хотел употребить более крепкое выражение.

Люк невесело хмыкнул.

– И не говорите, Жак.

Леймин ушел, а Люк еще некоторое время курил, размышляя и периодически морщась. Подошел к окну – закрыть его, вдохнул зябкую морось, брошенную в лицо порывом ветра, и внутри, в сердце, неприятно резануло. Тянуше, тоскливо.

И здесь беда. Кембритч действительно привязался к старому змею, несмотря на деспотичность и бессовестные вмешательства в его жизнь. Люка наполняли восторгом их уроки, и, уж если на то пошло, Луциуса он уважал как неизмеримо более сильного и хитрого соперника. И учителя.

Люк налил себе коньяка, вернулся к окну и отсалютовал воющему ветру.

– За тебя, мой король, – сказал он и выпил залпом. И налил еще.

Двумя этажами выше ждала его (или не ждала, что вернее) Марина, и его светлость опрокинул второй бокал и направился к выходу. Потому что если бы остался тут еще немного, это уже сильно смахивало бы на трусость.

Часы показывали семь вечера, когда он вошел в свои покои. Пахло свечным воском и едой, но накрытый стол стоял нетронутым, сверкая хрусталем и драгоценной посудой, а посреди него раздражающе возвышался украшенный розочками и вензелями торт. В комнатах царила мертвая тишина.

Люк, чувствуя неприятный холодок тревоги, распахнул дверь в спальню. Там было темно, и косой прямоугольник света упал на кровать. Расстеленную. Его светлость подошел ближе, опустился рядом в кресло, достал из кармана сигарету и принялся крутить ее в пальцах.

Марина спала – бледная, прижавшая кулаки к шее, с припухшими веками и красными пятнами на щеках. Не притворялась, не пыталась так его наказать. И даже во сне не разгладилась горькая складка у ее губ. Сейчас, без щитов своей привычной язвительности и гнева, она выглядела очень уязвимой. Он привык воспринимать ее как равную и постоянно забывал, что она на двенадцать лет младше.

Подумать только, беременна. Ему странно и немного не по себе от мысли, что будет ребенок, но пусть, пусть, что угодно, лишь бы привязать Марину к себе покрепче.

Люк потряс головой, пытаясь избавиться от мерзкого чувства собственной ничтожности, нечаянно сломал сигарету, раздраженно стряхнул с себя табачную крошку. На самом деле Марина была права – и в своем гневе, и в том, что не допускала его к себе.

– Я такой идиот, детка, – пробормотал он покаянно. Вздохнул и встал. Сцена должна была быть доиграна до конца.

Следующие полчаса в гостиной его светлости творилось странное. Люк посидел за столом – сначала на одном стуле, потом на другом, положил себе на тарелки еды, поел с обоих блюд. Выпил вина из двух бокалов, с трудом доел второй кусок торта. И, промокнув губы салфеткой, пошел в ванную.

Там, слава богам, уже было одно влажное полотенце, так что лицедействовать ему не пришлось. Он просто разделся, принял душ и вытерся вторым. Нагишом направился в гостиную, взял со стола острый нож для фруктов и, вернувшись в спальню, надрезал себе руку чуть выше локтя и аккуратно потер ею о простынь возле бедер Марины. Заклеил ранку пластырем, вымыл нож и вернул его на место. Выключил свет и лег рядом, прижался.

Рано для сна – но когда еще она позволит прикоснуться к себе? Если бы не его глупость... этот день мог бы быть совсем другим. Счастливым, несмотря ни на что. И сейчас Марина кричала бы под ним, и поднимала бы на него огромные, потемневшие от удовольствия глаза, и шептала бы всякие язвительные нежности в своем духе, и они вместе смеялись бы – и она полностью, вся была бы его.

«И сейчас моя», – думал Кембритч упрямо.

Боги, да ни одна из женщин, кроме этой, ничего в нем не задевала. Поцелуи, секс, касания ничего не значили. Люк бы забыл об этом поцелуе с Софи сразу, как он закончился.

«А если бы ты застал ее с кем-то? С блакорийцем?»

Уничтожил бы.

Люк усмехнулся даже с некоторой гордостью. Вот и она... чуть не убила.

Он прижимался крепче, мягко обнимал Марину за талию, касался бедер, и ягодиц, и теплой груди – супруга была в сорочке, и хотелось содрать ее так, что в глазах полыхало, и Люк вздыхал тяжело ей в затылок.

Нужно было не поддаваться эмоциям, когда она там, у двери, оттолкнула его, а сжать, и поцеловать, и отнести на кровать, и не отпускать, пока она не забыла бы все обиды и все слова свои. Но нет...

Ты же всегда был умнее, Люк.

Нельзя было уходить. Нельзя было оставлять ее одну. И не уйти было нельзя.

Как же она пахнет... Мариной... теплом, сладостью и горечью... так пахло на острове Иппоталии. Его любовью.

Вот она, такая, какая есть, его женщина, страстная, едкая, очень искренняя и в любви, и в ненависти, способная причинить боль, – и не нужно ему другой. Да и не может быть другой. Как же хочется... вот так... поднять сорочку, прижаться еще сильнее... боги...

Последнее он почти простонал. Замер, останавливая руку чуть ниже татуировки со своим именем. И закрыл глаза.

Марина все так же спала. Совсем вымоталась.

Через минуту в гостиной покоев его светлости снова зажегся свет. Счастливый новобрачный открыл окно, потек белесым туманом и вырвался в ледяную морось – полетать, устать, отвлечься.

Вернулся он часа через четыре еще более мрачный, чем улетал. Открыл бар и с похвальным упорством начал уничтожать щедрые запасы алкоголя. И снова думать.

Она любит лошадей... он подарит ей целую конюшню. И собак. Захочет работать... построит для нее больницу. Купит десяток лучших машин. Завалит драгоценностями. Если понадобится, будет давить на жалость. Не даст больше повода в себе усомниться.

Потому что именно сейчас, когда все уже случилось, он понял, что страшно боится ее потерять.

Она любит его, любит. И простит.

Люк напился до невменяемого состояния, забрался в постель и, коснувшись затылка Марины губами, почти мгновенно уснул.

* * *

Если бы кто-то издалека посмотрел на Туру этой ночью и если бы этот кто-то умел видеть плотность стабилизирующих ее стихий, то он узрел бы, как все тоньше и бледнее становится сияющая защитная сфера вокруг планеты. И как россыпями появляются сначала в горных районах, а потом все ближе к равнинам черные точки-провалы в другой мир.

Напряженно ждали в небесных чертогах возвращения брата-Смерти могущественные боги Туры. Казалось бы, исполнились условия: и камень – застывшая рута двух противников – послужил ключом, и кровь третьей принцессы Рудлог смешалась с черной кровью, и была начертана руна открытия, и сила владык земных ослабла... Но не усиливалась темная стихия, и никаких признаков того, что скоро появится в родном мире изгнанный, не было.

Слабела Тура, сильнее становилась ее связь с Нижним миром. И богам оставалось только ждать, не закрывая проходы. Ждать и надеяться, что Черный Жрец не развеялся в чужом мире, не иссяк, и просто еще недостаточно крепка связь, чтобы он мог пройти обратно.

Если бы кто-то мог проникнуть в древность и проследить путь новых богов Лортаха, то он бы знал, что сущности эти давным-давно вынуждены были уйти со своей планеты, которая пережила метеоритную катастрофу. За миллионы лет, прошедших с той поры, боги-захватчики научились не только существовать в иных мирах, похожих друг на друга и поэтому периодически входящих в резонанс и соединяющихся подобно ожерелью, но и обрели знания о пространстве и времени, которые можно получить лишь с опытом.

Сотни тысяч лет меняли они один мир на другой, высасывая его досуха, ибо не может не начать умирать планета, если туда пришли иные боги. За это время они стали сильнее, и хитрости набрались много, и уловок, как проникнуть в новые миры, и способности пить энергию жизни, дар Творца – она единственная совпадала во всех мирах, – и менять живых существ, и создавать боевые артефакты на крови. Мечтой же их было набрать столько силы, чтобы иметь

возможность перекроить энергии очередного мира под себя и стать полноценными хозяевами, а не паразитами.

Вот и сейчас тщательно отслеживали они открывающиеся порталы на Лортахе, которые становились все больше и прочнее. Защита Туры еще держалась: двух убитых королей было недостаточно, чтобы открылся переход, способный пропустить такое средоточие энергии, каким были чудовищные боги Лортаха. Но порталы становились все устойчивее, и их прочности хватило, чтобы пропустить лазутчиков.

От храма в Лакшии поднялись вверх две насекомоподобные тени. Полупрозрачные, почти бессильные по сравнению с их владельцами. Сил им достало, впрочем, чтобы унести с собой несколько бережно хранимых мелких сфер из редчайшего во Вселенной металла, который на каждой планете (там, где его могли открыть) назывался по-разному. Боги Лортаха называли его энбвером.

Тени, невесомые, легкие, несущие лишь отголосок разума владельцев, направились туда, где начинал мерцать, открываясь, крупный цветок-переход. И как только он раскрылся, скользнули сквозь пространство на Туру. И переход пропустил их.

Скорость пришельцев была молниеносной, движения – отточенными сотнями подобных разведывательных полетов. Они за несколько секунд облетели планету, отмечая крупные города, впитывая язык и особенности географии, ландшафта и карту дорог, укрепления, которые не могли быть ничем иным, как военными поселениями, оценивая уровень развития цивилизации и наличие божественных защитников и сея крошечные сферы из эновера там, где это было нужно. Среди тех миров, в которые приходили инсектоидные боги, были и цивилизации на высочайшем уровне развития, и совсем варварские, и магические, и немагические, и с целым пантеоном из сотен богов или с одним богом. И все они были захвачены, высосаны и разрушены.

Не все удалось на этот раз: багровой громадой встал на пути одной из теней Красный, взмахнул огненным молотом на полнеба – только и успела тень метнуть оставшиеся шары в пространство, куда упадут, и рассыпалась, уничтоженная. Вторая же заметалась между Белым Целителем и Хозяином лесов, оценивая силу местных богов – о, люди здесь не относились к ним наплевательски, – но на ее счастье открылся неподалеку маленький портал, и она скользнула в него, еле уйдя от оружия защитников. Не все сферы успела она посеять. Но тех, что тени оставили, должно было быть достаточно.

Возмущенные вторжением чужаков, стихии постепенно успокаивались, восстанавливая свой ход, и над Турой снова воцарялась тишина.

Сферы из эновера ждали своего часа. Две из них были посеяны над Лаунвайтом, обезглавленной столицей Инляндии.

Глава 6

26 января по времени Туры, Нижний мир

Алина

Принцесса очнулась от кислого вяжущего вкуса во рту, с удивлением посмотрела на свою грязную руку, зависшую над кустом. Он был усыпан странными, крупными ярко-оранжевыми ягодами. Форма у ягод была примечательная, похожая на юлу, и пахли они грушей и ванилью, но вот вкус...

Живот свело, и Алинка, всхлипнув, начала быстро обрывать ягоды, торопливо засовывая их в рот. Не до гурманства сейчас. И старательно их прожевывала, продавливая толстую кожу и морщась.

«А экзамен?»

Принцесса панически затрясла головой. В этот момент ее и накрыло воспоминаниями: сначала о холоде и дикой боли, похожей на удушье, о спазмах в животе, в диафрагме, в мышцах рук и ног, таких мощных спазмах, что, казалось, остановится сердце. О потоках энергии, невероятно красивых и греющих, и бледном лице лорда Тротта, и царапинах на его руке, и капельках пота на висках.

И о том, как она его отшвырнула. И наконец пришло понимание: она опять провалилась в свои сны, она опять в этом ужасном лесу!

Алинка зажмурилась, старательно представляя себе аудиторию и рыжеволосого профессора, прислушиваясь к себе, к окружающему, надеясь услышать голоса не отсюда, ощутить что-то своим настоящим телом. Вдруг повезет, и ее сейчас вернет обратно?

– Лорд Тротт! – позвала она с закрытыми глазами. Вздохнула, набралась сил и закричала так же, как в прошлый раз звала Матвея: – Про-фес-со-о-ор!

Но ее не выбросило обратно, и даже раздвоения разума и ощущений не случилось.

Пятая Рудлог хватала ягоды, глотая кислую вяжущую слюну, и звала еще, кривя губы, пытаясь не всхлипывать и постоянно оглядываясь – не привлекла ли она какого-нибудь хищника. Во время очередного «Помогите!» над головой кто-то тонко заверещал, еще оглушительней, чем она сама, и Алинка с визгом подпрыгнула, метнулась в одну сторону, в другую, сильно хромя, спряталась за деревом. Крик затих – и тут же раздался с другой стороны, с третьей... сверху мелькнула летящая тень, и принцесса снова взвизгнула, пригнувшись и закрыв руками голову. Крик не прекращался, но есть Алину никто не спешил, и она рискнула открыть глаза.

– Тьфу ты, – жалобно сказала она себе, сглотнув пережеванные ягоды, после того как разглядела на поваленном гниющем стволе зеленую птицу, пузатую, похожую на индюка, с раскрытым хвостом, выпученными глазами и желтыми кожаными наростами под ними и на шее. Именно эта птичка и испугала принцессу до полусмерти. – Надеюсь, ты не плотоядная, – про-

бормотала Алинка, выходя из-за огромного папоротника. Направилась к кусту – но тут птица легко вспорхнула, полетев ей наперерез, и быстро-быстро начала склевывать с куста ее, Алинкины, ягоды. – Пошла! Пошла вон! – принцесса замахала руками. Птица покосилась на нее красным глазом, лениво, совсем не боясь, отковыляла в сторону, снова противно заверещала. Ей вторили товарки с деревьев. Мелькнула мысль поймать, свернуть шею и съесть. Алинка, конечно, никогда этого не делала, но видела, пока они жили в деревне, как этим занимается Ангелина. И она бы тоже смогла... наверное.

Алина вздохнула: все равно нет огня и потрошить нечем, даже если получится поймать, – и снова стала собирать ягоды, вздрагивая от каждого шороха. И думать. В голове прояснялось. Здесь, похоже, стояло утро: было даже свежо, и над мхами стелился тонкий туман. Она явно находилась не там, где ее чуть не сожрал огромный паук, но река была еще рядом: сквозь толстые чешуйчатые стволы папоротниковых деревьев справа просвечивала красноватая водная поверхность, над которой тоже поднимались струйки тумана. Почему-то очень болела нога – принцесса, продолжая жевать, осмотрела себя и жалобно всхлипнула: по внутренней стороне голени шла рваная рана длиной с ладонь, неглубокая, но еще не поджившая – сквозь корочку сочилась сукровица.

– Только нагноения и гангрены не хватало, – понуро проговорила Алина и снова испуганно оглянулась. Ей все время казалось, что сзади подбирается паук, или тха-охонг, или еще какое-нибудь чудовище. Но кроме орущих птиц вокруг никого не было.

Алина подумала-подумала, сплюнула на ладонь пережеванные ягоды и приложила к ране. Если эти ягоды такие вяжущие, то наверняка обладают антисептическим эффектом. Ранку тут же защипало, затянуло. Принцесса угрюмо продолжила ощипывать куст. Мозг никак не хотел вспоминать то, что произошло с ней-здешней, пока она-с-Туры была в своем теле.

– Давай, – бормотала Алинка, морщась, – вспоминай. Паук. Помнишь паука?

В голове что-то забрезжило – и тут же она взорвалась болью. И наконец пришли воспоминания.

После того как принцессу выдернул из очередного кошмара Матвей на горнолыжном курорте, ее половинка, оставшаяся здесь (Алина так и не определилась, как себя разделять, и ее немного подташнивало от ощущения, что она проживает сразу две жизни), почти сутки просидела в убежище под корнями гигантского папоротникового дерева. Затекали ноги, очень хотелось пить, и река была рядом, но паук – еще ближе, и Алинка лежала в своей норе, жалея себя и трясясь от страха. Огромный арахнид то поднимался в свою паутину под кронами папоротников, то пытался выковырять принцессу, то на ее глазах ловил и жрал небольших зверей, похожих на мелких косуль. На поляне сильно воняло кровью, паук, похоже, наелся и отправился отдыхать, но ей все равно было страшно. И очень голодно. Алинка пыталась есть мох – он по вкусу напоминал траву, – слизывала влагу с корней дерева, плакала и постепенно слабела.

На вторые сутки она дошла до такого отчаяния, что выползла из-под дерева, поднялась на дрожащие ноги и, ковыляя, пошла к реке, задирая голову и пытаясь разглядеть паука. Чтобы, если что, завизжать, оглушить его. Но чудовище не спускалось, и принцесса дошла до воды, с жадностью напилась, начала дергать водные растения – неизвестно, как в этом мире, а на Туре корни их и основания вполне годились в пищу. Увидела на одном из корней красные маленькие клубни и вцепилась в них зубами. Они были скользкими и на вкус как крахмал, приправленный тиной, но Алинке казалось, что вкуснее она ничего никогда не ела.

Тут раздался тонкий свист: на берег, быстро перебирая лапами, выбрался паучище и сразу полез в воду. Принцесса не стала раздумывать – тело само повернулось и бросилось прочь, через реку. Крылья суматошно колотили по воде, пока она, погрузившись по грудь, с трудом продвигалась вперед. За ней слышался плеск: паук оглушительно, недовольно посвистывал-пореживал; и Алина, оглянувшись и увидев, что он от нее шагах в десяти, не больше,

прибавила ходу, выскочила на берег и бегом рванула вперед, выискивая взглядом что угодно: нору, дупло – только чтобы спрятаться, скрыться.

За спиной захлюпала грязь – она снова оглянулась, задохнулась от ужаса и вновь прибавила скорости. Паук выбрался на берег и покатился вперед с невероятной быстротой.

Мхи мягко пружинили под ногами девушки, хлюпала вода, голова кружилась, и в глазах темнело от голода и слабости. Принцессу повело в сторону, и она едва не свалилась, но устояла, юркнула за толстый папоротник и застыла.

Паук с тонким присвистом прошел мимо – она подождала немного, выглянула. Он топтался неподалеку, раскачиваясь на мохнатых ножищах и словно принюхиваясь. Принцесса тихонько юркнула обратно... услышала близкий присвист, подняла глаза и замерла, сползая по стволу на землю: прямо перед ней стоял второй паучище, еще крупнее первого. Он булькнул что-то – наверное, молитву своему паучиному богу за неожиданную добычу, – раскрыл челюсти, чтобы схватить, разорвать, сожрать! Алинка попыталась завизжать, но горло от ужаса свело, и она засипела, вжимаясь в дерево, – как вдруг паука протаранили в бок, и вторые гигантские челюсти с хрустом выломали ему одну из ног.

Лес наполнился раздраженным свистом и клекотом. Чудовищные насекомые то разбегались друг от друга, то сталкивались, с остервенением отрывая друг другу лапы, куски брони, пытаясь попасть в сочленения внешнего скелета. Пару раз мохнатые туши проносились совсем

рядом с принцессой, которая осторожно отползала назад, пока не оказалась достаточно далеко от увлеченных дракой арахноидов и не припустила по лесу вдоль реки.

Бежала Алина, оглядываясь на далекий рев и свист, тяжело вдыхая влажный воздух и припадая на раненую ногу, по которой лилась кровь, – от страха не заметила на пути пенек от папоротника с острыми краями и пропорола ее. Принцессе казалось, что за ней гонятся уже оба чудовища, и остановилась Алинка только тогда, когда в лесу наступила тишина. То ли убежала достаточно далеко, то ли кто-то победил, то ли можно надеяться, что оба сдохли... в любом случае больше бежать она не могла – согнулась пополам, восстанавливая дыхание. Сердце стучало как ненормальное, в груди болело, все тело было мокрым.

– А если тут еще один паук живет? – она со страхом огляделась, посмотрела вверх, пытаясь разглядеть зеленоватую паутину. Зеленый и черный, похоже, были преобладающими цветами местной фауны. Но паутины не было, и Алина похромала к воде. Смыла кровь, которая текла не переставая, сорвала мха, приложила к ране. Напилась, жадно глядя на собравшихся на ее кровь рыб. И побрела искать убежище.

Алинке повезло: шагах в тридцати от реки лежал поваленный папоротник. Ствол оказался толстым, полым, и не под силу никакому пауку было прокусить его или забраться внутрь. Принцесса еще пошурудила внутри палкой – вдруг там живет какой-нибудь младший собрат паука или иная живность. Но там было пусто.

А еще здесь очень знакомо и вкусно пахло грибами. Алина даже слюну сглотнула, обошла ствол и облизнулась, падая на колени. Из-под начавшей подгнивать древесины росли высокие, сморщенные, похожие на рудложские сморчки грибы. Целый подстволок грибов.

Она сорвала один, осторожно попробовала – и застонала от удовольствия. Ни горчинки, ни кислинки, приятный грибной вкус. Принцесса сорвала штук двадцать грибов, прижала их к голой груди и, памятуя о пауках, полезла внутрь ствола. И там уже жадно, захлебываясь и задыхаясь от голода, съела их все. Не остановил ее ни хрустящий на зубах песок, ни мысль, что не стоит так наедаться после голодания. И только когда последний гриб был доеден, а в желудке наконец-то поселилась сытость, Алина растянулась внутри ствола и стала думать.

Она, оставшаяся в этом страшном и странном мире, не понимала, что с ней происходит. И воспринимала себя как Алину с Туры – вся память была при ней и все знания. Но в то же время как, как могло быть так, чтобы она одновременно находилась и здесь, и там? Может, это все-таки странные сны? Или кто-то ее заколдовал?

Сломав голову и так и не додумавшись до чего-то вразумительного, Алинка повернулась набок, вдыхая сыроватый запах подгнивающего папоротника, подложила руки под щеку и, прикрывшись пушистым крылом, продолжила думать.

Факт есть факт: она находится здесь, и ее могут ранить, а значит, и убить тоже. Поэтому попытки понять, что происходит, оставим на потом. Сейчас нужно оценить ситуацию, в которой она оказалась. И как быть дальше? Рано или поздно она наткнется на какое-нибудь чудовище, как эти паучища, и не успеет убежать. И что?

Алинка вытерла снова покотившиеся из глаз слезы и тяжело вздохнула. Меньше эмоций. Анализируй, Богуславская.

Пауки – крупные, хищные, конкурирующие друг с другом за добычу, стремящиеся уничтожить собратьев по виду. Вряд ли на охотничьих угодьях одного из них может обитать другой крупный хищник. Хотя в этом можно быть спокойной. И даже если они не поубивали друг друга, то оба искалечены – каждый лишился нескольких лап как минимум. Значит, передвигаться быстро не могут. И слава богам. Хотя тут немного повезло. А дальше... надо выживать. Выживать, изучать место, в которое она попала. И думать, как спастись. Может, здесь есть еще такие, как она?

Грибов хватило на несколько дней. Алинка понемногу изучала окрестности, ела все, что могло быть относительно съедобным. И каждую секунду ждала, что вот-вот все решится. Что кто-то придет и спасет ее.

Ей снились сны. Там, в этих снах, она-с-Туры готовилась к экзамену, участвовала в возвращении Полины, завтракала за восхитительным, полным готовой еды столом. Там она была не одна. Точнее, та-Алина была не одна. А она, та-что-здесь, получается, никому не нужна? Ее забирать не нужно?

Надежда сменялась тоской и слезами, слезы – глухим отчаянием. Она так и жила в стволе: в нем оказалось хорошо прятаться от набегающих мощных гроз, из-за которых река разливалась почти до ее убежища, а папоротники раскачивались так, что, казалось, сейчас обрушатся и похоронят ее под стволами. Алинкино существование свелось к первобытному поиску еды и избеганию опасностей. Принцесса нашла еще грибные полянки, выполола чуть ли не все водные растения вдоль берега, натыкалась на ягодные кусты, неоднократно видела и жирных птиц, и мелких оленей, и каких-то зверьков, похожих на грызунов, и крупную рыбу, и странных ящериц – на двух задних лапах, размером с гуся.

Один раз вдоль реки, спасаясь от дождя, прошло стадо тха-охонгов, и она тряслась в своем стволе, ожидая, пока опасность минует. Несколько раз ее убежище прошивали чудовищные лапы, и только чудом принцессу не задело.

Не видела Алина только людей. Но и пауков, слава богам, тоже видно не было.

В момент, когда она-вернувшаяся-на-Туру вновь «выпала» сюда, ее оставшаяся здесь половинка как раз отправилась на очередную разведку. В окрестностях она уже попаслась так, что выела все съедобное и условно съедобное дочиста, и в животе снова было пусто. И на заросли ягодных кустов Алина-оставшаяся-здесь набрела буквально за пару минут до того, как половинки снова объединились...

Воспоминания закончились. Принцесса совала в рот ягоды и вздыхала. Докричаться до кого-то из своего мира не вышло. Неужели она тут застряла надолго? Или... – Алинку окатило холодом, – навсегда?

– Выберешься, – упрямо сказала она себе. – Тебя не оставят здесь просто так. Василина тебя вытащит. Смогла же в прошлый раз. Просто нужно не умереть с голоду и не быть сожранной кем-то из местных чудовищ. У тебя есть грибы, есть вода, есть водяные растения. Есть где прятаться.

«А если не вытащат? – шепнул скептик внутри. – Если не получится?»

Она задрожала и обхватила себя руками.

– Значит, буду выживать здесь, – проговорила твердо. – И думать, как вернуться.

Вернуться целиком. Как же это – оставить хотя бы часть себя жить здесь? А пока нужно собраться... нужно выживать...

Наглая птица опять заверещала прямо под боком, ткнула Алинке в ноги, пытаясь добраться до ягод, и принцесса, сжав зубы, схватила ее, прижала к земле, скользя пальцами по зеленым коротким перьям, и, закрыв глаза, начала выкручивать шею. Птица билась под руками, царапая мощными лапами, – и наконец затихла. Алина, понуро посмотрев на нее, начала вспоминать все, чему учила ее Пол и что она успела вычитать в книгах по теме «Что делать, если ты вдруг оказалась одна в диком лесу, полном хищников, незнакомой флоры и фауны, не имея ни одежды, ни оружия, ни-че-го».

Алинка долго искала в реке острые камни, которые могли послужить ножом. Убиенная птица укоризненно лежала на берегу, сливаясь оперением со мхом. Увы, камней было немного, и все они были обкатанные, гладкие. Принцесса прихватила с собой несколько найденных, вышла из теплой воды на берег и разложила их на своем «домике» – сломанном папоротниковом стволе. Пусть сохнут. Солнце уже поднялось высоко над головой, и стало жарко.

Затем Алинка попыталась отковырять от папоротникового пенька один из острых обломков древесины. Раз она пропорола таким ногу, значит, и птичью тушку сможет разделить. Но пенек держался крепко, будто был каменным, и сил не хватало отодрать обломок, как она ни качала туда-сюда, ни била камнями. Этак птица стухнет, пока она себе что-то типа ножа достанет!

Алинка вздохнула, взяла тушку, села на мох, скрестив ноги, и принялась ее ощипывать. Это они делали, когда жили в деревне, но получалось у нее всегда плохо. И руки после такого болели.

Перо шло плохо, скользило, надрывалась кожа, выступала кровь – опять вся испачкалась, – но через час голая тушка уже лежала перед ней. Алинка с силой насадила ее брюхом на торчащий обломок, протащила вверх-вниз, больше не разрезая, а разрывая, и, снова вздохнув, сунула внутрь руку и вытащила внутренности. И тут же сообразила, что нужно было заниматься разделкой птицы подальше от места ночлега, чтобы не приманивать зверье! Подумала и выбросила потроха в реку. Вымыла в воде тушку, заодно и помылась сама.

Истерзанная, порванная пташка снова лежала на мху. Алинка осторожно отщипнула кусочек мяса, скривилась: есть можно, но как же противно. Надо все же попробовать добыть огонь.

В теории она действительно знала все. Взяла два подсушенных камня, набрала сухих папоротниковых листьев – идеальный розжиг, – древесной крошки. И села чиркать камнями друг о друга, вызывать искры.

У нее даже получилось их высечь. Пару раз занимался дымок над сухими измельченными листьями. Но огня – огня не было. Она и ругалась, и забрасывала камни куда подальше, и снова брела за ними, и снова упорно, долго сидела над розжигом, но ничего не получалось. Алина даже попробовала вызвать огненные плети, которым учила сестер Ангелина, – но здесь не появлялось тепла в области матки и по рукам не начинали бежать горячие волны, предвестники огня.

Апофеозом неудачного дня стали не только мозоли на руках и вновь проснувшийся голод, из-за которого она уже готова была сгрызть тушку сырой. В сумерках, когда от мелькающих искр и сухого скрежета камней стали слезиться глаза, неподалеку послышалось странное ворчание и шелест. Алинка повернула голову и, ахнув, бросила один из булыжников в сторону собравшихся мелких хищников, похожих на зубастых крыс, с урчанием объедающих многострадальную птицу. От нее уже шел отчетливый тухлый запах. Крысозубы прыснули в стороны, но тут же вернулись обратно. Через несколько минут на поляне даже обглоданного скелета не осталось.

К Алине они не подходили, нападать не пытались, держались опасливо, и она очень надеялась, что это падальщики. И наутро она не проснется без ушей или пальцев.

Ночью принцессу, слава богам, никто не тронул. Но спала она странно: казалось, что ее качает кто-то огромный в огромной же ладони, а темнота сверху вибрирует, зовет.

«Не бойся. Иди ко мне».

«Куда идти? – спрашивала она обиженно у темноты, пытаясь коснуться ее пальцами, которые обжигало холодом. – Кто ты?»

«Я твой отец, маленькая пташка».

Она фыркала во сне и сердилась. У нее один папа. И он точно не похож на это... нечто.

«Ты чудо, которое я ждал. Иди ко мне. Слушай... слушай, я зову».

«Я домой хочу», – плакала она.

Тьма проникала ей в голову, смотрела воспоминания, заново проживала всю недолгую жизнь и густо, горько вздыхала, отчего Алину подбрасывало в небеса, а в животе разливалось ощущение страха и полета.

«Я тоже хочу, птенец. Как там все изменилось. И как это Красный допустил... тебя. Внимай... за тобой идут. Человек из нашего мира. Запоминаешь?»

«Да», – сквозь слезы радовалась Алина.

«Верь ему. Он поможет. Больше никому не верь. И берегись».

«Но когда?» – жалобно спрашивала принцесса.

«Он еще далеко. А другие – близко. Берегись. Прячься. У меня почти не осталось сил... я не могу забрать тебя к себе. Берегись».

Проснулась она отдохнувшей. Только живот опять ныл от голода и тело болело от жесткого ложа. Сон вспоминался обрывками, и Алина, поудивлявшись играм подсознания, пошла умываться.

Она не успела дойти до реки – раздалось громкое низкое жужжание, над водой мелькнула огромная тень, и принцесса застыла, спрятавшись за одним из стволов. Больше всего удаляющееся существо было похоже на... гигантскую стрекозу. А за ней метрах в пяти над рекой полетела еще одна и еще.

Именно о таких рассказывала Марина, когда вернулась, раненая, из вулканической долины. Только она не говорила, что на стрекозах можно сидеть.

На этих, в грубых седлах, зажав в руках поводья, сидели черноволосые люди, очень странно одетые – в какую-то кожаную варварскую одежду. У них не было крыльев, как у принцессы, но было оружие – мечи, ножи, – и они внимательно смотрели вниз, оглядывая берега реки.

Алинка уже рванулась вперед, замахать руками, закричать – но сначала ее остановило то, что она совсем голая, затем вспомнился сон, и она осталась на месте. Пусть... пусть это глупо. Но их уже искали после переворота, и она привыкла не верить чужакам и прятаться. Не настолько давно все это было, чтобы она забыла об осторожности.

Стрекозы удалялись. Алинка перевела взгляд на прибрежный мох, отмечая и свои следы, и останки погрызенных ею и выброшенных на берег растений. Может, с воздуха это и не видно. Но если они спустятся?

Следующие пару часов она спешно маскировала следы своего пребывания. Перья опипанной птицы собрала и зарыла, прикрыв мхом. Убрала сушащиеся камни. К сожалению, следы уничтожить было не так легко, особенно там, где почва заболотилась, но лес весь был перепахан прошедшими тха-охонгами, и оставалась надежда, что на следы не обратят внимания, а потом их поглотит разливающаяся из-за дождей река.

И все это время принцесса спрашивала себя: правильно ли поступает? Не лучше ли было попросить у людей помощи? Мало ли что там приснилось?..

Дни шли за днями. Алина так и не рискнула уйти с обжитого места, только стала осторожнее. Нашла себе еще несколько убежищ, где можно было бы спрятаться и от пауков, и от людей. Тщательно выбирала места посуше, чтобы не оставлять глубоких следов, пить к реке выходила только в сумерках. Она очень похудела и ослабела: пусть местный лес был щедр и на грибы, и на ягоды, да и живностью не обделен, но растительной пищи не хватало, а глупых птиц больше не наблюдалось – возможно, свернутая шея одной из них убедила остальных, что новая лесная обитательница – хищница и надо держаться от нее подальше.

Травоядных животных поблизости становилось все больше, и она все-таки рискнула – вернулась на полянку, где происходила эпическая битва пауков, и с облегчением увидела там останки обоих, выеденные изнутри. Когда подошла поближе, из-под панцирей прыснули в стороны знакомые черные крысозубы.

В награду за риск и преодоление страха у Алины появилось что-то похожее на два кривых ножа. Она смогла легко отломить державшиеся на выеденной связке куски нижней челюсти

того паучища, что был поменьше, – и то они напоминали по размерам мачете. Но острые края рубили и пилили папоротник, хотя все равно нужно было прилагать усилия. В любом случае это было лучше, чем ничего, в том числе для разделки зверья. Потенциальной разделки, потому что охотник из принцессы оказался никакой.

Алина скучала, боялась, голодала, наблюдала ночами за двумя местными лунами с берега реки, пряталась от гроз... и надеялась, надеялась, что все же ее спасут. Потому что сама она ничего не может и не умеет.

Однажды утром она проснулась от человеческих голосов и, еще не осознав, что происходит, забилась в самый конец наклонно лежащего ствола, ближе к земле, скорчилась и затаила дыхание. Там была щель от лапы тха-охонга, и принцесса видела, как шагает мимо ее убежища, переговариваясь на незнакомом языке, группа из пяти мужчин, одетых так же странно, как те, кого она видела на стрекозах. Один явно был главным: на одежде виднелись грубые украшения, на пальцах – перстни, да и вел он себя высокомерно. Остальные его очевидно побаивались.

Осматривали они местность придиричиво и тщательно, кружа вокруг ствола, выходя на берег, окликая друг друга, как псы. Ночью прошла гроза, и снова выходила река из берегов, и следы, даже те, которые еще оставались, должны были смыться, но людей что-то тревожило, и они хмуро щупали мхи, нюхали воздух, топтались у реки.

Воняло от них, к слову сказать, отвратительно. Выходить к таким не хотелось.

Алина укрепилась в своем решении, когда этих пятерых нагнала еще одна группа и главный первого отряда начал отдавать указания. А осмелившегося почесать спину во время его речи вытянул плеткой по липу так, что у того потекла кровь. Несчастный даже не попытался вытереться – опустил голову, что-то пробормотал и стал слушать дальше.

Люди ушли. Принцесса же весь этот день просидела в своем стволе. Ей хотелось пить и в туалет, а голод давно стал тупым, постоянным, но она не стала выходить. Было очень страшно.

Выбралась, только когда стемнело, – хорошо, что в этом теле Алина удивительно четко видела в темноте. Осторожно, шараясь от каждого шороха и стараясь не хлюпать по грязи, прошла к реке, светлеющей под сиянием двух восходящих лун, быстро попила, с тоской желая, чтобы здесь появилось хоть что-то похожее на фляжку – набрать воды с собой, – и снова направилась обратно. Прошла шагов двадцать, когда мимо нее с жужжанием и свистом пронеслось что-то и ударило в папоротник на расстоянии вытянутой руки. Алина ахнула – то была толстая светлая стрела, – услышала за спиной резкие голоса и с ужасом обернулась. На другой берег реки в свете двух лун и полыхании факелов выходили люди, одетые как те, которых она уже видела, и один из них снова готовился стрелять.

У Алинки ослабели ноги, и она застыла, прижав мокрые руки к груди и прикрываясь крыльями. Арбалетчика грубо окрикнул подбежавший человек, выбил из рук оружие – стрела упала в реку, подняв фонтан брызг, – со злостью ударил стрелка по лицу – и Алина наконец отмерла, рвано вздохнула, развернулась и бросилась в лес, не реагируя на крики, уже очевидно предназначенные ей.

У принцессы было в запасе несколько минут, пока люди перебирались через реку, и она бежала что было сил, пугаясь возникающих теней, спотыкаясь о кочки. Здесь, под кронами гигантских папоротников, закрывающих свет двух лун, было совсем темно. Темнота давала ей надежду – если только преследователи не могут так же хорошо видеть ночью, как она сама.

Алина пробежала мимо своего убежища – сейчас следы на мокрой земле и мхах точно будут видны, и ее легко смогут найти даже при свете факелов. Но там, впереди, было еще одно, на небольшом пригорке, и последнее – еще дальше, если сумеет добежать, если ее не догонят до тех пор.

Принцесса оглянулась – далеко-далеко, среди деревьев, цепочкой двигались огни факелов. Преследователи выбрались на берег, и Алина невольно втянула голову в плечи и побежала быстрее.

Ее загоняли, как животное, – умело, уверенно, растягиваясь полукругом, и казалось, что людей становится все больше, будто к погоне присоединяются всё новые группы. Один раз Алина увидела, как сверху, в светлом промежутке между кронами, мелькнула крылатая тень; принцесса прижалась к папоротнику и снова бросилась вперед, стараясь не попадать в пятна лунного света на земле. Она пробежала мимо второго убежища – сейчас было очевидно, что его наверняка проверят, – задыхаясь, чувствуя, как по телу течет холодный пот, втягивая носом прелый и тяжелый запах зелени и жирной земли. Еще немного, совсем немного...

Мох и земля под ногами становились суше. Принцесса снова оглянулась. Люди бежали быстрее, чем она, – уже видны были их силуэты, не только огни, и хорошо слышны возбужденные голоса, даже смех. Похоже, они не сомневались, что поймут ее. Да и как тут сомневаться... разве может она противостоять нескольким десяткам человек?

Алинка никогда не была сильна в беге... и все же бежала, бежала, надеясь только, что хорошо запомнила направление, когда изучала местность, и что ее память не даст сбой.

В этом мире она бегала больше, чем за всю свою прошлую жизнь.

Казалось, что она не сможет сделать больше ни шага, но ноги будто двигались сами собой. Вот сейчас... кривое толстое дерево... камень, похожий на яйцо... еще несколько шагов – Алинка уже замедлилась и брела вперед, согнувшись, шумно дыша, слыша, как отчаянно колотится в груди сердце и отдает в виски, – и все-таки нашла в себе силы добраться до папоротника, состоящего из трех толстых стволов, кое-как подтянуться на слабых руках, цепляясь за развилку, забраться на нее и втиснуться в тонкую внутреннюю щель. И прыгнуть вниз, в полость.

Нашла она это убежище совершенно случайно: собирала под папоротником ягоды, а из развилки выпорхнуло несколько жирных горластых птиц. Алинка, решив, что там могут оказаться еще, полезла вверх – и обнаружила большую трещину в живом стволе, куда она с трудом протиснулась и свалилась вниз, упав на сочленение между секциями полого папоротника. Внутри было очень просторно – можно было сидеть, вытянув ноги, – а самое главное, в щель никак бы не втиснулся паук, и она была закрыта от взглядов двумя другими стволами. Края трещины оказались в потеках чего-то, похожего на застывшую хвойную смолу, а внутри, в дупле, усыпанном перьями и птичьим пометом, находилось большое гнездо с яйцами, которые принцесса тут же без всяких угрызений совести выпила. Это было настоящее укрытие. И теперь оно должно помочь ей... должно уберечь.

Пятая Рудлог застыла, прислонившись спиной к влажной внутренней поверхности папоротника, пытаясь отдышаться и боясь даже пошевелиться. Потом, потом она подумает о том, что может так навсегда и остаться здесь, умерев без воды. Алина невольно облизнула губы – пить хотелось очень, хотя недавно пила. И прислушалась.

Минут через пять совсем близко раздались голоса, и полая стенка изнутри над ее головой осветилась красноватыми всполохами факелов. Алинка затаилась, как мышка. Ее начало трясти, бросая то в жар, то в холод, и зубы застучали от слабости, ужаса и отчаяния.

Еще через какое-то время, показавшееся ей вечностью, голоса затихли. В них теперь не слышалось превосходства и насмешки – скорее злость и раздражение. Алинка вздохнула, кое-как устроилась на боку, поджав ноги, укуталась в пух своих крыльев – как жаль, что не хватало закрыть все тело! – положила голову на разоренное гнездо и закрыла глаза.

«Другие близко. Берегись», – сказал голос из сна. Если это не ее галлюцинации и не глас отчаявшегося подсознания, то, получается, эти люди ищут именно ее? А если так, то они обязательно вернутся поутру, когда все будет видно, и дай боги, чтобы ее следов не осталось поблизости.

Хотя все равно ведь будут... невозможно, чтобы не было. Значит, остается надеяться, что ее убежище не обнаружат. Не догадаются. И уйдут, и тогда она сможет выйти попить.

Алину снова затрясло – от понимания, что она вполне могла в очередной раз умереть сегодня, и даже не понять отчего, и никогда больше не увидеть родных. А вдруг она и так их никогда не увидит? Ведь в этом мире почти всё пытается ее убить или сожрать.

Принцесса еще долго слушала далекие выкрики людей, пока они не стихли совсем, и после этого несколько часов лежала без сна, грязная и вспотевшая, измученная, ослабевшая, с обидой и надеждой шепча имена сестер, Матвея, пытаюсь представить, что вот сейчас она откроет глаза – и окажется у себя в спальне.

Но сколько она ни жмурилась – когда открывала, вокруг была все та же тьма.

Алина заснула, даже не заплакав. Слишком много она здесь плакала – и организм, видимо, понял, что это бесполезно.

Максимилиан Тротт

Макс ушел под воду, вынырнул, отплеываясь, и непонимающе завертел головой. Он держался обеими руками за лодку, находясь почти под ней – точнее, под носом. Зажатый между ног мешок пошел ко дну, пока Тротт, сцепив зубы, переживал поток воспоминаний. И тут же, осознав, почему и как оказался в столь необычном положении, снова нырнул, наблюдая из-под воды, как высоко в небе пролетают три огромных раньяра с всадниками. Один из них спустился ниже, сделал круг над лодкой – стрекоза легко боднула ее челюстью, лодка перевернулась, и Макс, чтобы его не увидели, нырнул глубже, в илистую придонную муть, меж поваленных и затопленных остовов деревьев, чувствуя, как начинает гореть в груди от недостатка кислорода.

Размытый силуэт раньяра еще немного покружил над водой и поднялся ввысь. А Макс выжидал, пока в глазах не начало темнеть, – и только тогда поднялся под перевернутую лодку, жадно вдохнул собравшийся под папоротниковым судном воздух. И снова отправился ко дну – теперь уже достать свой мешок.

Вынырнул, закинул мешок через плечо, угрюмо посмотрел на перевернутую лодку – и под палящим солнцем поплыл к берегу, вдоль которого его половинка, Охтор, и шел по морю все это время. Навстречу Тротту с континента надвигалась гроза.

Пока плыл, пытался сопоставить события здесь и на Туре. Время в обоих мирах, похоже, почти сравнялось. На Туре он пробыл после возвращения почти сутки. И здесь Охтор самостоятельно шел на лодке чуть больше суток. Мартин выдернул Макса со второй половины пути, и сейчас, если бы у него оставалась лодка, до тонкой полосы противоположного берега оставалось меньше двух дней.

– Чертовы раньяры, – пробормотал он и сплюнул соленую воду: море начинало штормить, и в лицо плескали волны.

Три вытянутых летящих силуэта Охтор заметил незадолго до возвращения Макса. Они неслись в направлении далекой полоски берега, к которой он и шел на лодке. Раньяры пролетали мимо и раньше, но тогда нужды прятаться не было: они летели далеко над сушей, а его лодка легко терялась среди других редких суденышек рыбаков из прибрежных поселений. Сейчас его могли принять за слишком далеко зашедшего рыбака, а могли и откусить голову ради забавы – поэтому он схватил мешок и нырнул под лодку. И не зря, как оказалось.

Последние пару километров до берега Тротт, мокрый и мрачный, шел по пологому дну, лавируя меж склизких стволов, под секущим ливнем и рассекающими небо вспышками молний, под грохот грома, понимая, что в любой момент его может прошить электрический разряд. Но ему повезло: гроза быстро ушла вперед, и на песок, из которого в небо продолжали подниматься гниющие стволы, Макс вышел снова под палящим солнцем. Вылил из сапог воду, повесил их за спину, попил из фляги, перетряхнул мешок – и закрыл глаза, вспоминая вкус крови пятой принцессы дома Рудлог.

Раньяры

Его повело почти сразу. Поиску Тротта научил Михей – и потом стало понятно, что в том или ином виде он доступен всем темным. Даже ведьма Алекса – и та, пусть кустарно, но использовала кровь, чтобы найти своих детей.

Макс пережил короткое головокружение. В районе солнечного сплетения тут же голодно затянуло, он даже оскалился, вдыхая воздух. Куда деваться, если этот способ работает так, что организм воспринимает носителя крови как жертву, и пробуждает хищные стороны дар-тени. Зато очень действенно. Конечно, лучше использовать кровный поиск при более близких расстояниях – но ему сейчас важно знать, жива ли принцесса.

Макс шагнул вперед, мягко и медленно повернулся всем телом в одну сторону, в другую, прислушиваясь и приносясь. Вкус крови почти ощущался на губах и языке, когда его мягко толкнуло вперед, а под закрытыми веками появилась далекая пульсирующая красным точка.

– Жива, слава богам, – пробормотал он сипло. Потряс крыльями, сбивая капли соленой воды, и босиком, ровно, сберегая дыхание, побегал по берегу в сторону далекого леса.

Да, пока жива. Как же нестати ему встретились эти раньяры. Промедление, опять промедление. А теперь... боги знают, сколько времени у него займет добраться до места. Не меньше четырех-пяти дней, даже если на сон он отведет себе часа четыре – минимум, за который можно восстановиться. И сколько еще понадобится, чтобы найти принцессу? Она вполне может быть на другом краю леса, а это не прореженные чащи Туры, в которых тем не менее вполне можно заблудиться. Это первозданные и нетронутые места, в которые вряд ли забредал человек.

«Тем более ее уже ищут псы императора».

Да, слава богам, до столицы далеко – он шел до Лакшии почти три месяца от своего поселения, а залив Мирсоль находится от нее еще дальше. А вот с его возвращения в поселение дар-тени волей Источника и недели не прошло. Охонги, способные найти человека, до леса у залива пока не должны были добраться: пусть они двигаются в три-четыре раза быстрее, но до ближайшей твердыни Аллипа – той, где его пытали, – недели три пути, а ведь до нее нужно еще долететь гонцам с приказом отправить инсектоидов на поиски. Раньяры же, насколько он понял из разговоров служак в таверне, для поиска не приспособлены. Значит, есть шансы найти принцессу раньше. Хотя и помимо охотников опасностей там хватает: какова вероятность, что не приспособленная к жизни вне цивилизации Богуславская не попадется хищникам, не умрет от голода и жажды?

Тротт на бегу хлопнул крыльями и досадливо сплюнул. Нет, не поднимут еще. Рано. А жаль, очень жаль.

Макс бежал ровно, без усилий, и бег совершенно не мешал ровному течению его мыслей. Хотелось двигаться быстрее, но он сдерживался. В подобном темпе он мог продержаться несколько часов и дальше, передохнув, продолжить путь, а чуть ускорится – и тело даст сбой.

Он двигался так четыре дня, останавливаясь на короткие привалы: съесть несколько сухарей из вошеного мешка – тех, что не успела попортить морская вода, – выпить воды. Охотиться не было времени, да и бежать на сытый желудок непросто. Спал днем, когда натякался на подходящие норы, – зрение позволяло двигаться ночью, и не так выматывала духота. Отслеживал, чтобы не попасться на обед местным хищникам, но судьба благоволила, и крупных стычек не случилось.

А наутро пятого дня Макс Тротт, высохший, почерневший и обветрившийся за время бега, ступил под кроны папоротникового леса, где должна была, по предсказанию старой кровавой жрицы из лакшийского храма, скрываться Алина Рудлог.

Над размашистыми листьями гигантских папоротников наливались чернотой тучи: гроза сейчас шла с моря, и Макс с наслаждением вдохнул пахнувший свежестью воздух и подставил лицо струям дождя. Он все-таки загнал себя – потому что издали видел, как кружат над лесом с пяток раньяров, и не мог не ускориться.

Минута слабости закончилась; Тротт закрыл глаза, снова вспоминая вкус крови, хищно облизнулся, раздувая ноздри, и досадливо поморщился. Теперь нужно уточнить направление.

Красная точка пульсировала справа. Принцесса пока была далеко. Но жива. И теперь он ее точно найдет.

Алина

Пятая Рудлог осторожно тронула языком влажную зеленоватую внутренность живого папоротника, потянувшись за кусочком смолы, встав во весь рост, – смола была кисло-терпкой и вызывала слюноотделение.

Хотя сейчас слюны уже не осталось.

Алина пробыла внутри убежища всю ночь и полдня. И опасалась выйти – потому что люди возвращались несколько раз, бродили вокруг под то и дело набегаящими грозowymi тучами, нервно переговариваясь, и принцесса очень боялась, что кто-то заметит щель в стволе. Но пока ей везло.

Очень хотелось пить, а вдали снова слышались едва уловимые раскаты грома. Ей казалось, что она с ума сойдет, если вода вновь будет так близко, а попить она так и не сможет. А уж о еде и думать было больно. Алинка жевала смолу, подавляя отвращение, грызла тонкие кончики перьевых остей, уже согласная и на улитку, и на насекомое – но их тут не было.

Через пару часов по стволу забарабанил дождь, зашумел в кронах, заревел, прерываемый вспышками молний и громовым грохотом. Алина, сжавшись на дне своего укрытия, уговаривала себя не вставать, не раскрываться, но в голове уже мутилось от жажды, а гроза явно уходила вместе с возможностью попить, и принцесса, трясущимися руками цепляясь за край щели, уперлась ногами в разные стороны ствола и полезла наверх.

Вода лилась с небес, струями стекала с широких зеленых листьев папоротников, и Алина ловила ее ртом, набирала в ладони, пила, умывалась, радуясь до слез, то забывая о возможных преследователях, то испуганно озираясь.

Тогда-то она и увидела смутный серый силуэт далеко меж деревьев, в ливневой пелене, метнулась за дерево – как назло, с этой стороны ей никак было не забраться наверх, а если она подойдет с другой, ее наверняка увидят. Принцесса схватила лежащую на мхе коряжистую палку и прижалась спиной к шершавой темной коре, испуганно замерев. Может, показалось? Ну пожалуйста, только бы показалось!

Шли секунды, тянулись минуты, гроза уже почти совсем стихла, а Алина все еще вслушивалась, опасаясь выглянуть, – и все же очень осторожно сместилась, вытянула шею, краешком глаза пытаясь разглядеть, есть ли там кто. Услышала шаги с другой стороны, повернулась, взвизгнула – и бросилась с палкой на какого-то огромного страшного мужика. Ее руку до обидного быстро и больно перехватили, выбили палку, развернули, вжав лицом в мокрый ствол, – и Алинка застонала, лягаясь назад, выворачиваясь, несмотря на боль и панику, лупя крыльями, даже головой долбанула назад и локтем, обезумев от ужаса, как загнанное животное. Сзади выругались, что-то крикнули в ухо, еще, еще раз – она не слышала и не могла понять, борясь за себя, пока ее не зафиксировали окончательно, впечатав в ствол. И принцесса, прижатая к коре, царапаясь о нее, продолжала молча, упрямо выкручиваться и пытаться колотить ногами.

– Тихо! – рявкнули над самым ухом. – Стоять! Тихо! Богуславская, не дергайтесь, богов ради, хотя бы десять секунд, иначе я за себя не ручаюсь!

Алина замерла, тяжело дыша и широко раскрыв невидящие от страха глаза. Захват стал мягче, затем ее и вовсе отпустили.

– Услышали меня? – произнес все тот же недовольный, раздраженный, самый чудесный в мире голос.

Она повернулась, коснулась саднящим затылком ствола, прижала руку ко рту, глядя на незнакомого черноволосого мужика, бородатого и странно одетого. За спиной его были два черных крепких крыла, коротких, как у нее – от плеч до ягодич; из-за них с перепугу он и показался ей огромным.

– Лорд Тротт? – произнесла Алина тоненько, протянула руку и недоверчиво коснулась его влажной заросшей щеки. И тут же отвела ладонь. Взгляд ее метался по его лицу, остановился на губах. Да, губы, тонкие, четко очерченные, поджатые, принадлежали профессору. И глаза... форма, и брови... и скулы.

– Вы тоже выглядите иначе, – сухо проговорил Тротт, осматривая ее. Задержал взгляд на выступающих ребрах, присел, коснулся рукой раны на ноге, поджал губы сильнее. Развязал мешок, что-то достал из него. – Поднимите руки.

Алина тупо, как кукла, выполнила команду, слишком ошеломленная, чтобы стыдиться, и профессор довольно грубо натянул на нее какую-то одежду, пахнущую морем и похожую на очень просторную сорочку до колен, которая прижала мокрые крылья к спине.

– Еще раны есть?

Принцесса замотала головой, не в силах издать ни звука.

– Сколько вы не ели?

Она открыла рот, заморгала, с силой потерла кулаком глаза, всхлипнула и, стыдясь себя, с облегчением разревелась.

* * *

Очень далеко от них, в огромном, воняющем нечистотами, кровью и дымом лагере армии тха-нор-арха, императора Лортаха, царило возбужденное оживление. Сверху равнина, расщеченная реками, занятая наемниками и солдатами, напоминала гигантский клокочущий котел, из которого в небеса вырывались шум людских голосов и резкие приказы командиров, рев и свист инсектоидов, бляенье мелких местных коз и петушиные крики. То тут, то там со стоянки снимались целые отряды, сливались в полки и, как бурлящие рукава течений, направлялись в разные стороны. Сворачивались шатры командующих, к лагерю подвозили обозы с припасами, чтобы обеспечить солдат на первые дни. Тут же дымили костры с похлебкой для ожидавших своей очереди отрядов, наказывали плетью преступников и скармливали охонгу подравшегося с нором, и тут же наспех щупали лагерных девок – когда еще получится потешиться с бабой?

Войска делили на несколько армий, собирающихся у аккуратно положенных на землю на расстоянии десятков километров друг от друга сфер из эновера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.